

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ УКРАИНСКОЙ АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
им. М.С. ГРУШЕВСКОГО

Надежда Никитенко,
Вячеслав Корниенко

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРАФФИТИ СОФИИ КИЕВСКОЙ И ВРЕМЯ ЕЕ СОЗДАНИЯ

Киев — 2012

Монография обобщила и подытожила результаты предпринятого ее авторами комплексного изучения Софии Киевской. В центре данного исследования — древнейшие граффити Софийского собора, подтвердившие его датировку 1011—1018 гг., научную обоснованность недавно отмеченного 1000-летнего юбилея памятника. Проблема, рассмотренная на широком историко-культурном фоне, задает большое количество тем и касается многих исторических лиц. Осуществленная авторами реконструкция прошлого позволяет по-новому взглянуть на ключевые события отечественной истории поры христианизации Руси. Читатель познакомится с уникальными граффити, вступит в духовное общение с теми, кто жил около 1000 лет назад, ощутит живое дыхание той великой эпохи.

Книга, написанная в увлекательной и доступной манере, рассчитана на всех, кто интересуется историей и культурой Киевской Руси и хочет узнать о ней новое, нетривиальное.

Монографія узагальнила і підсумувала результати здійсненого її авторами комплексного вивчення Софії Київської. В центрі даного дослідження — найдавніші графіті Софійського собору, що підтвердили його датування 1011—1018 рр., наукову обґрунтованість щойно відзначеного 1000-річного ювілею пам'ятки. Проблема, розглянута на широкому історико-культурному тлі, дотична великій кількості тем і торкається багатьох історичних осіб. Здійснена авторами реконструкція минулого дозволяє по-новому поглянути на ключові події вітчизняної історії доби християнізації Русі. Читач познайомиться з унікальними графіті, вступить у духовне спілкування з тими, хто жив близько 1000 років тому, відчує живе дихання тієї великої епохи.

Книга, написана у захопливій і доступній манері, розрахована на всіх, хто цікавиться історією і культурою Київської Русі й хоче дізнатися про неї нове, нетривіальне.

*Утверждено к печати Ученым советом Института украинской археографии
и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины
(протокол № 3 от 21.06.2012 г.)*

Рецензенты:

Дмитриенко М.Ф., д.и.н., проф.,
Институт истории Украины НАН Украины;
Ульяновский В.И., д.и.н., проф.,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко;
Пелешенко Ю.В., д. филол. н.,
Институт литературы имени Т. Г. Шевченко НАН Украины.

© Никитенко Н. Н., Корниенко В. В., 2012
© Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского
НАН Украины, 2012

ISBN 978-966-02-6485-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2011 году в соответствии с Указом Президента Украины и решением ЮНЕСКО на международном и общегосударственном уровне отмечено 1000-летие основания Софийского собора в Киеве. Научным обоснованием для возможности такого празднования стали результаты современного комплексного изучения истории, архитектуры, монументальной живописи и надписей-граффити собора, осуществленные авторами данного издания.

Вывод об основании Софийского собора в 1011 г. князем Владимиром не согласуется с летописными свидетельствами о заложении Софии Ярославом и датировками этого события, помещаемыми в летописях как под 1017 г., так и под 1037 г. Тем не менее, концепция новой датировки Софии Киевской, основывающаяся не на противоречивых летописных записях, а на тех фактических данных, которые содержит в себе сам собор, уже широко воспринята обществом, в том числе — многими учеными. Однако не все исследователи принимают предложенную нами новую датировку возведения Софийского собора, придерживаясь, как и 200 лет назад, «канонических» летописных дат, особенно «хрестоматийного» 1037 г.

В первую очередь, речь идет о влиятельных украинских историках-медиевистах П.П. Толочко и А.П. Толочко, которые считают необходимым руководствоваться в данном вопросе летописными записями, прежде всего, статьей «Повести временных лет», помещенной под 1037 г.

Пытаясь дискредитировать нашу концепцию более ранней датировки Софийского собора, П.П. Толочко в своих публичных выступлениях осуждает ее как намерение «приуменьшить роль» Ярослава Мудрого, «отобрав» у него заслугу создания главного храма Руси. Но, если следовать подобным нравственно-риторическим постулатам, с таким же успехом можно говорить о том, что наши оппоненты пытаются умалить заслуги Владимира Великого, лишая его славы основателя Софии. Не говоря уже о сомнительности такого модуса подхода к научной проблеме, стоит отметить то, что на самом деле мы трактуем ситуацию несколько иначе, поскольку считаем, что оба князя, отец и сын, причастны к созданию собора: Владимир основал его в 1011 г., а Ярослав завершил в 1018 г.¹

¹ В полемическом запале наши оппоненты и их сторонники, к сожалению, нередко прибегают к далеким от научной этики «запрещенным приемам». В ход

Одним из главных аргументов нашей концепции, открытых в самом соборе, являются граффити, последние находки которых дают ей все новые дополнительные подтверждения. На сегодня в соборе выявлено, исследовано и каталогизировано более семи тысяч надписей, в то время как до исследований В.В. Корниенко их было известно лишь 311². Исследователь опубликовал в трех томах³ более 1,5 тысяч надписей из планируемого им полного издания корпуса софийских граффити. Понятно, что особое место в этом уникальном многотомном издании эпиграфических памятников принадлежит древнейшим надписям, которые являются ценнейшим и наиболее достоверным источником для датировки времени постройки главного храма Руси, как, впрочем, и для решения многих других проблем ее ранней истории.

Именно поэтому, несмотря на большое количество осуществленных нами публикаций, посвященных датировке собора и надписям-граффити, мы подготовили данное исследование, подытожившее и обобщившее те результаты, которые получены на сегодняшний день в изучении древнейших надписей Софии Киевской.

Вместе с тем, поскольку очень важно, чтобы каждый читатель уяснил рассматриваемую в книге проблему в контексте предложенной нами целостной концепции датировки собора, а также адекватно оценил параметры идущей вокруг нее дискуссии, мы сочли целесообразным изложить основные положения нашей концепции в первой, вводной главе книги.

идут извращение фактов, категорические безосновательные выводы, шельмование нас, как авторов новой концепции, в СМИ, научных публикациях и на конференциях, «подковерные» препоны публикациям наших статей, особенно тех, которые являются ответом на их критику. Речь идет о двух статьях, подготовленных нами в рамках дискуссии как ответ на публикации А.П. Толочко и Е.И. Архиповой в периодическом научном издании Института истории Украины НАН Украины: Толочко О.П. Так звали «напис Петра Могили» у Софії Київській та дата заснування собору // Український історичний журнал. — 2010. — № 5; Архипова Є.І. Натурні дослідження у Софії Київській: декларації та реальності // Там же. Редколлежия журналу прийняла наші статті к публікації, однак почти через год они без всяких объяснений были отклонены. Это обусловило необходимость представить наши тексты в системе ИНТЕРНЕТА. См.: Нікітенко Н., Корнієнко В., Рясная Т. Багато галасу з нічого, або чергова спроба дезавування ювілею Софії Київської [Электронний ресурс]. Режим доступа: <http://nzsk.org.ua>; Нікітенко Н., Корнієнко В. Декларації, що перекручують реальність натурних досліджень Софії Київської [Электронний ресурс]. Режим доступа: <http://nzsk.org.ua>.

² Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Выпуск I. — К., 1966; Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI — XVII вв.). — К., 1976; Высоцкий С.А. Киевские граффити XI — XVII вв. — К., 1985.

³ Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. — К., 2010. — 464 с.; Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 2: Приділ свв. апостолів Петра і Павла. — К., 2010. — 272 с.; Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 3: Центральна нава. — К., 2011. — 400 с.

КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ ДАТИРОВКИ СОФИЙСКОГО СОБОРА: ИСТОЧНИКИ, КОММЕНТАРИИ, ВЫВОДЫ

Поскольку данная глава призвана ввести читателя в исследуемую проблему, авторы не ставят своей задачей детальное рассмотрение всей огромной литературы по теме и углубленный анализ богатой источниковой базы означенной концепции, а также подробную аргументацию последней. Именно поэтому изложенный здесь материал носит тезисный характер с краткой характеристикой источников, необходимыми комментариями и выводами.

1. Летописи. Сообщения летописей о строительной деятельности Ярослава чрезвычайно сбивчивы и противоречивы. Так, Новгородская, Никоновская, Тверская и другие летописи датируют расширение Ярославом Киева и заложение Софии 1017 г., а «Повесть временных лет» — 1037 г.

Новгородская первая летопись (далее НПЛ) старшего извода (Синодальный список) сообщает:

- в статье 1017 г.: Ярославъ иде къ Берестню. И заложена бысть святая Софѣя Киевѣ¹;
- в статье 1037 г.: Заложѣ Ярославъ город Киевѣ, и церковь святѣя Софѣя².

Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный список) приводит такие записи:

- в статье 1017 г. — повторение записи Синодального списка: Ярославъ иде къ Берестню; и заложена бысть святѣя Софѣя в Киевѣ³;

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М., 2000. — С. 15.

² Там же. — С. 16.

³ Там же. — С. 180.

• в статье 1037 г.: Заложн Ярославъ городъ Киевъ, и церковь свя-
тыя Софѣи сверши⁴.

«Повесть временных лет» (далее ПВЛ) в статье 1037 г. помещает запись: Заложн Ярославъ городъ великыи, оу негоже града сѣтъ Златаа врата. заложн же и ц(є)рк(о)въ с(вѣ)тыя Софѣи. митрополю. и посемь ц(є)рк(о)въ на Золотыхъ коротѣхъ. с(вѣ)тоє Б(огороди)це Бл(а)г(о)вѣщенье. посемь с(вѣ)таго Георгіа мана-стырь. и с(вѣ)тыя Ирины⁵.

Расхождение летописей в вопросе о дате заложения Софии породило научную дискуссию, продолжающуюся до сего дня. Одни исследователи в вопросе о времени основания собора придерживаются даты 1017 г., другие — 1037 г. Литература, посвященная данной проблеме, настолько обширна, что, казалось бы, исследователями исчерпаны все возможные аргументы в пользу той или иной даты.

Противоречивость сообщений летописей относительно даты основания Софийского собора обусловлено всей непростой историей русского летописания. Нужно учитывать то, что летописи дошли до нас не в своем первоначальном, целостном тексте. Они представляют собой сложные собрания или своды (компиляции) разножанровых материалов, не только переписанных, но исправленных и дополненных поколениями летописцев.

Изучение летописания выдающимся русским филологом и историком А.А. Шахматовым и его последователями показало, что ПВЛ предшествовали более ранние летописные своды. По гипотезе ученого, по сей день не утратившей своего научного значения, первый летописный свод, названный им *Древнейшим*, был составлен в 1039 г. книжниками Ярослава Мудрого при митрополичьей кафедре в Киеве, основанной им в 1037 г. Древнейший свод продолжил и дополнил в 1073 г. монах Никон, один из создателей Киево-Печерского монастыря. Затем в 1093 г. игуменом Печерского монастыря Иоанном на основе свода 1073 г. был создан *Начальный свод*, дополненный новгородскими записями и греческими источниками. Полагают, что этот свод фрагментарно сохранился в начальной части НПЛ. Поэтому считает-

⁴ Там же. — С. 180.

⁵ ПСРЛ. — Т. 1: Лаврентьевская летопись. — М., 2001. — Стлб. 151. Тут и далее титла раскрываются, пропущенные буквы указываются в круглых скобках.

ся, что в ранних известиях НПЛ отразился предшествовавший ПВЛ Начальный свод конца XI в. Старший список НПЛ (Синодальный) датируется XIII—XIV вв., младший (Комиссионный) — серединой XV в.

Монах Киево-Печерского монастыря Нестор, составляя ок. 1113 г. ПВЛ, переработал Начальный свод, расширил историографическую основу и привел русскую историю в рамки традиционной христианской историографии. Следовательно, ПВЛ — наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII в. Первая изначальная редакция ПВЛ Нестора утрачена, а до нашего времени дошли доработанные версии — вторая и третья редакции. Вторая редакция читается в составе Лаврентьевской летописи (1377 г.) и в других списках. Третья редакция содержится в составе Ипатьевской (XV в.) и Хлебниковской (XVI в.) летописей⁶.

Итак, сохранившиеся летописи подвергнуты нескольким редакциям и отдалены от времени возникновения Софии тремя — четырьмя столетиями. Тем не менее, содержащиеся в них известия о времени ее заложении восходят к Киевскому своду 1039 г., составленному книжниками Ярослава, и к возникшему в его же время древнейшему новгородскому летописанию⁷.

Насколько исторически достоверными представляются эти известия? Прежде всего, нужно отметить тенденциозность летописцев, которыми, по образному выражению А.А. Шахматова, «управляли политические страсти и мирские интересы»⁸. Но еще задолго до Шахматова патриарх русской историографии Н.А. Полевой обратил внимание на тенденциозность летописных известий о характере, деятельности и судьбе русских князей, сыновей Владимира Святославича. В первую очередь, это относится к Ярославу, который, отличаясь жестоким, вероломным и нераз-

⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908; Шахматов А.А. Повесть временных лет. — Пг., 1916 — Т.1. Вводная часть. Текст. Примечания; Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — М., 2001.

⁷ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — С. 167—168, 362—363.

⁸ Шахматов А.А. Повесть... — С. XVI. Это мнение А.А. Шахматова, основывающееся на анализе летописных текстов, не было опровергнуто авторами, писавшими после него. См.: Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии Нового Времени // Россия Древняя и Россия Новая: (избранное). — СПб., 1997 — С. 17.

борчивым в средствах характером, неправдиво представлен в летописях образцовым правителем⁹. Подобные суждения о летописании времен Ярослава встречаем у многих историков, в частности, у известного украинского ученого В.Г. Ляскоронского, который считал, что строить на основе недостоверных летописных свидетельств Ярославовой эпохи «какие-либо твердые научные выводы нет ни единой возможности»¹⁰.

Указанное обстоятельство ярко демонстрируют летописные статьи о заложении Ярославом Софии Киевской, относящие это событие как к 1017 г., так и к 1037 г.

Дата НПЛ — 1017 г. не отвечает конкретно-исторической ситуации, сложившейся в конце правления Владимира — в начале княжения в Киеве Ярослава. Накануне смерти Владимира Ярослав, сидевший в Новгороде, отказался платить дань отцу, и тот собирался идти на Ярослава, но разболелся и умер. Между потомками Владимира вспыхнула усобица, и Ярослав, впервые севший на киевский стол в конце 1016 г., владел им лишь полтора года, ибо уже летом 1018 г. после поражения на Буге бежал в Новгород, а Киев был взят польским князем Болеславом Храбрым и его зятем Святополком — братом Ярослава.

И, хотя в 1019 г. Ярослав возвратил себе Киев, до 1026 г. он вел тяжелую борьбу с другим братом — воинственным Мстиславом Черниговским и, опасаясь его, в Киеве фактически не сидел. Поэтому начало правления Ярослава было неблагоприятным для строительства Софийского собора. К тому же, чтобы начать столь грандиозное дело в 1017 г., необходимы были колоссальные средства и предварительная многомесячная заготовка огромного количества строительного материала.

Дата ПВЛ — 1037 г., ставшая хрестоматийной, как давно доказано в науке, является условной, ибо под ней упоминается свершение Ярославом всех строительных акций, которые было невозможно осуществить за один год. Запись под этим годом на самом деле представляет собой панегирик Ярославу, в котором подытоживаются все его строительные заслуги за весь период княжения в Киеве. Такие панегирики князьям, как правило, завершают собой составлявшиеся при них либо по их смерти лето-

⁹ Полевой Н. История русского народа. — М., 1829. — Т. 1. — С. 251—254.

¹⁰ Ляскоронский В. Эймундова сага как исторический источник для древнего периода русской истории (рукопись) // Ин-т рукописи Нац. библиотеки Украины им. В.В. Вернадского. — Ф. X, д. 11502, л. 1.

писные своды. О недостоверности известия о заложении Софийского собора в 1037 г. свидетельствует уже сам тот факт, что в конце этой же статьи о Софии говорится как о давно действующем храме, в котором функционирует созданная Ярославом библиотека, и «*вѣчныя пѣсни Б(ог)ѹ въздають. в годы вѣчныя*»¹¹. При этом еще раз настойчиво напоминает, что Ярослав «созда самъ» Софийский собор.

Анахронизм содержит и предыдущая статья ПВЛ под 1036 г., повествующая о битве Ярослава с печенегами на месте «*ндеже стонѣ нынѣ* (т.е. в этом же 1036 г. — *Авт.*) *с(вя)таа Божья митрополия Русская. бѣ во тогда поле внѣ града*»¹².

Тем не менее, ученые, настаивающие на дате 1037 г., усматривают неразрывную связь двух событий: битву с печенегами на «поле внѣ града» в 1036 г. и заложение здесь, на месте победы над ними, в следующем 1037 г., Софийского собора. Однако, как показали археологические исследования, София была основана вовсе не на «поле внѣ града», а на заселенной и укрепленной уже в X — начале XI в. городской территории¹³.

П.П. Толочко, вполне обоснованно пришедший ранее к такому выводу¹⁴, в своей более поздней работе, полемизируя с нами, сместил акцент: оказывается, «территория эта обживалась киевлянами перед тем, как была возведена новая крепость, но городской регулярной застройки здесь в 1017 г. еще не было. Это, очевидно, и дало основание летописцу назвать место битвы «полем вне града»¹⁵. Но такая трактовка противоречит и тексту летописи, и средневековой тактике ведения боя на свободной от застройки местности, поскольку битва предусматривала продуманное построение войска, четкий маневр.

В летописи прямо сказано, что «*Ярославъ выступи из града. и исполни дружинѹ [и] постави Варагы посреде. а на правѣи сторонѣ Кыпане. а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци. [и] стаа предъ(ъ) градомъ*»¹⁶. Как можно было среди построек так разместить дружину

¹¹ ПСРЛ. — Т. 1. — Стлб. 153.

¹² Там же. — Стлб. 151.

¹³ Боровський Я.Е. Археологічні дослідження в «городі Ярослава»// Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 93—94; Толочко П.П. Новые археологические исследования Киева (1963 — 1978 гг.) // Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 18—20.

¹⁴ Толочко П.П. Новые археологические исследования... — С. 18—20.

¹⁵ Толочко П. Ярослав Мудрый. — К., 2002. — С. 144.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 1. — Стлб. 151.

и развернуть маневр? Поэтому предложенную П.П. Толочко интерпретацию этого летописного известия можно считать явно надуманной и неприемлемой.

В том, что эта территория в первой половине XI в. не являла собой «поле внѣ града», убеждает и наличие в древности возле Софии (на углу современных улиц Владимирской и Ирининской) каменного дворцового сооружения, которое по его несомненной аналогии с дворцами «города Владимира» датируется М.К. Каргером концом X — началом XI в.¹⁷

Таким образом, путанные и противоречивые летописные известия с датами заложения Софии не могут служить надежной опорой для выяснения этого вопроса¹⁸. Научная дискуссия вокруг анализируемых двух летописных дат продолжается уже почти два столетия и давно зашла в тупик.

Скепсис относительно достоверности этих летописных известий высказывали многие исследователи, в том числе П.П. Толочко и А.П. Толочко. В своей книжке они отмечают: «серьезной ошибкой было бы считать, что летописи составлялись исключительно очевидцами событий и под соответствующими годами зафиксирована «настоящая» история. Летописные известия записывались и переписывались в разное время и в этом процессе претерпели существенные изменения»¹⁹. Статью 1037 г. они характеризуют так: «При том, что к статье 1037 г. часто относятся как к обычному летописному «году», очевидно, что на самом деле это — панегирик Ярославу»²⁰. А дата 1017 г. признается А.П. Толочко простой ошибкой: «Итак, «ранняя» дата закладки Софийского собора, представленная в НПЛ, есть результат какой-то ошибки»²¹. Вслед за А.А. Шахматовым, он считает эту ошибку суто текстологической, возникшей «в результате текстуального или хронологического сбоя, произошедшего в процессе сложения НПЛ или ее источника»²².

¹⁷ См.: Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1961. — Т. 2. — С. 59—76.

¹⁸ См.: Никитенко Н.Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Историческая проблематика. Научная монография. — К., 1999. — С. 199—203.

¹⁹ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. — К. 1998. — С. 14, 16.

²⁰ Там же. — С. 148.

²¹ Толочко А. Догадка о происхождении «ранней» даты основания Софийского собора в Киеве // Ruthenica. — VIII. — 2009. — С. 211.

²² Там же. — С. 209.

Тем не менее, пытаясь опровергнуть предложенную нами более раннюю дату возникновения Софии Киевской, упомянутые историки всячески настаивают на необходимости придерживаться «установившихся» летописных дат как единственно возможных. Причем они ставят во главу угла 1037 г.: А.П. Толочко считает этот год наиболее вероятной датой основания Софии²³, П.П. Толочко — завершения ее строительства²⁴.

Мы объясняем факт наличия в летописях двух упомянутых дат и степень их вероятности иначе. Прежде всего — о дате 1017 г., которая, по словам А.П. Толочко, «есть результат какой-то ошибки». Но была ли, на самом деле, «ошибка»? Как показал А.А. Шахматов, НПЛ возникла в 1017 г. в связи с решением новгородской власти вписать в летопись Ярославову грамоту, данную им в конце 1016 г. «посадившим его на великое княжение новгородцам»; эта грамота, определявшая их вольности, сохранялась в Новгороде как святыня²⁵. Текст грамоты (Правды Ярослава) читается в НПЛ под 1016 г. Отметим здесь важный момент, а именно то, что сразу после изложения текста грамоты приводится сообщение о двух других событиях, записанное под 1017 г.: поход Ярослава к Берестю и заложение им Софии в Киеве. Логично думать, что все три записи являются взаимосвязанными и существовали в НПЛ со времени ее возникновения, т.е. с 1017 г. как сообщение о первых великих деяниях Ярослава в сане киевского князя. В таком случае дата 1017 г. — вовсе не текстуальная ошибка, которая якобы возникла в результате неоднократной переработки летописного материала.

Но что заставило А.А. Шахматова думать, что эта дата возникла ошибочно, из-за неуклюжей текстологической работы летописцев, и сконструировать для ее объяснения целое громоздкое построение? Дело в том, что ученый исходил из убеждения в правомерности даты 1037 г., присутствующей уже в реконструированном им Древнейшем своде 1039 г., возникшем при Софий-

²³ Толочко О.П. Код Нікітенко з маятником // Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань / Матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ). — К., 2010 — С. 10—16.

²⁴ Толочко П.П. Київ і Русь. Вибрані твори 1998—2008 рр. — К., 2008. — С. 161; Толочко П.П. Тисячоліття Софії Київської: реальність чи фікція? // Заснування Софійського собору... — С. 7—9.

²⁵ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — С. 167—168, 362—363.

ском соборе. Как небезосновательно полагал А.А. Шахматов, этот Киевский свод, копия которого была изготовлена для новгородского князя или владыки, был положен в основу Новгородского свода 1050 г., возникшего в связи с постройкой Софии Новгородской; при этом в Киевский свод были вставлены известия Новгородской летописи.

А.А. Шахматов предполагал, что, сокращая свой киевский оригинал, начиная с княжения Ярослава, новгородский летописец XI в. привел подряд три известия: битву с печенегами, заложение Софии и поход Ярослава к Берестию, причем «без ближайших хронологических определений». А уже при следующей летописной работе в XII в. новгородский летописец «недоумевая, куда их отнести», ошибочно поместил все три известия под один год — 6525 (1017). Несколько позже следующий летописец разделил «скопившиеся под 6525 годом известия, выпустив второе из них — о нападении печенегов на Киев»²⁶.

Гипотеза А.А. Шахматова объясняет наличие в НПЛ старшего извода двух записей о заложении Софии Киевской — под 1017 г. и 1037 г., однако не объясняет якобы неумелую работу новгородского летописца XI в., имевшего под рукой Древнейший Киевский свод с проставленными в нем датами битвы с печенегами (1036 г.) и основания Софии (1037 г.), а также не объясняет все последующие нагромождения «ошибок» в новгородском летописании. Поэтому построения А.А. Шахматова, а вслед за ним — и А.П. Толочко, основывающиеся на выводе о некой неуклюжей текстологической работе новгородских книжников, составлявших летописные своды едва ли не механически, выглядят весьма шаткими.

Полагаем, что в дублировании записи в НПЛ старшего извода о заложении Софии Ярославом, скорее всего, сыграл роль идеологический фактор. Для новгородской элиты, с одной стороны, важно было показать роль Ярослава как своего князя в этой важнейшей церковно-политической акции, чем утвердить первенство Новгорода, с другой, — ей необходимо было ввести новгородскую историю в общерусский контекст Киевской летописи.

Но А.А. Шахматову дата 1017 г. казалась недостоверной уже потому, что из текста ПВЛ проистекает неразрывная связь двух событий — нападение печенегов на Киев в 1036 г. и заложение в

²⁶ Там же. — С. 366—367.

следующем 1037 г. на месте битвы с ними Софии: «Печенѣзи пристѣпати начаша и сѣстѣпишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софѣя, митрополья Русская; бѣ во тогда поле внѣ града»²⁷. Это и есть главный аргумент А.А. Шахматова в пользу даты 1037 г. На самом деле, обе даты являются условными, и 1037 г. не может быть «наиболее вероятной датой» основания либо завершения строительства Софии.

Нужно признать, что летописные датировки основания Софии Киевской фактически перечеркивают друг друга, ибо разнятся между собой двадцатью годами. Дело в том, что они не фиксируют исторический факт, а отражают попытку, во что бы то ни стало, приурочить создание собора к правлению Ярослава. Нельзя забывать, что он сел на киевский стол не по завещанию отца, а в результате острой междоусобной борьбы с другими наследниками Владимира. Для Ярослава, пришедшего сюда из Новгорода, важно было заявить о себе как о легитимном киевском правителе, наиболее достойном преемнике крестителя Руси Владимира. Поэтому важнейшим деянием Ярослава в летописях представлено создание Софии Киевской — главной святыни Руси. Вот почему, по нашему мнению, летописные даты основания собора «привязаны» к главным вехам княжения Ярослава в Киеве: появлению здесь в конце 1016 г. из Новгорода и превращению в 1036 г. в самодержца Руси после смерти брата Мстислава Черниговского и заточения в темницу второго брата — Судислава Псковского.

2. «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона. «Слово», возникшее во времена Ярослава, сохранилось в десятках списков XIII — XVII вв. Оно носит весьма длинное название, что вовсе не случайно: «**О Законѣ, Мѡисѣѡмъ данѣѣмъ, и ѡ Благодѣти и Истинѣ, Исѹсомъ Христомъ вывшѣи, и како Законъ ѡтиде, Благодѣть же и Истина всю землю исполни, и вѣра въ всѧ языкы прострѣса, и до нашего языка роускаго, и похвала каганюу нашему Володимерюу, ѿ него же крещени выхомъ, и молитва къ Богж ѿ**

²⁷ Там же. — С. 167—168. Этот тезис А.А. Шахматова давно оспорен. Н.Н. Ильин на основании сопоставительного анализа всего круга источников доказал, что битва с печенегами на самом деле произошла не в 1036, а в 1017 г.; известие ПВЛ об этом событии перенесено в статью 1036 г. искусственно. См.: Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. — М., 1957. — С. 117—120.

всѣа зѣмла наша»²⁸. Как явствует из названия, текст памятника имеет четкую структуру, состоящую из трех основных частей: соотношения Закона и Благодати, то есть, Ветхого и Нового Заветов, распространение христианства и приход его на Русь, и, наконец, похвала кагану нашему Владимиру.

Автор «Слова» Иларион — первый Киевский митрополит из русичей (в летописи он назван «русином») — был современником строительства Софии. Он вспоминает ее как «дом Божий великий святыи Его Премудрости» в специальном пассаже, посвященном прославлению строительной деятельности в Киеве Владимира и Ярослава. Обращаясь к Владимиру, митрополит Иларион говорит, что Ярослав «недокончаная твоя законьча, акы Голмон Давыдова, иже дом Божий великий святыи Его Премудрости създа»²⁹. Иларион здесь уподобляет Владимира и Ярослава библейским царям Давиду и Соломону, первый из которых начал, а второй завершил создание знаменитого Иерусалимского храма. Д.В. Айналов первым увидел в этом свидетельстве «драгоценную историческую правду» о завершении Ярославом начинания Владимира в создании Софии Киевской³⁰.

Разумеется, что Иларион как сподвижник и идеолог Ярослава, прежде всего, имел целью показать своего князя достойным продолжателем дела его великого отца, а поскольку тогда были еще живы очевидцы сооружения Софии, митрополит не мог умолчать о широко известном факте начинания Владимиром этого дела.

Еще с XIX в. обычно считают, что «Слово» возникло не ранее 1037 г., ссылаясь на упоминание в нем строительных акций Ярослава, в частности, создание Софии, которая, согласно ПВЛ, основана в 1037 г. Но сегодня невозможно игнорировать результаты исследований собора, которые свидетельствуют о том, что он возник намного раньше.

Для датировки «Слова» следует учитывать и его богослужебную специфику. «Слово» — это церковная проповедь, написанная, как установлено известным знатоком древнерусской литера-

²⁸ Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. — К., 1984. — С. 78.

²⁹ Там же. — С. 97.

³⁰ Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого и равноапостольного князя Владимира. — Пг., 1917. — С. 35—36.

туры Н.Н. Розовым, на два евангельских текста, читавшихся в первый день Пасхи и на Благовещенье. Ориентируясь на принятые в науке хронологические рамки создания «Слова» (1037—1050 гг.), Н.Н. Розов сделал вывод, что оно могло быть произнесено 26 марта 1049 г., когда Пасха пришлось на второй день после Благовещенья³¹.

Отмечая конструктивность предложенного Н.Н. Розовым метода датировки, считаем все же найденную им в указанных временных пределах дату не отвечающей тексту памятника, поскольку в 1049 г. Благовещенье праздновалось накануне Пасхи. Между тем, приводимые Иларионом слова евангельского диалога между архангелом Гавриилом и Девой Марией входят в канон Благовещению и читаются на литургии именно в этот праздник. Не зря приводимый Иларионом канонический диалог Богоматери и архангела значится под 25 марта в богослужебном Остромировом Евангелии 1056—1057 гг.³²

Ввиду того, что Пасха — праздник переходящий, форма празднования, в том числе и евангельские чтения, меняются ежегодно, в зависимости от того, на какой день церковного календаря выпадает Воскресение Христово. В соответствии со сложившейся с древности богослужебной практикой, если Благовещенье совпадает с пасхальными днями, благовещенская тема присутствует в богослужении только 25 марта³³.

Отсюда можно заключить, что «Слово» было впервые произнесено в день полного совпадения Благовещения и пасхального воскресенья, то есть на Кириопасху, тем более что ее богослужебному коду подчинено все богословское содержание памятника. А поскольку в правление Ярослава Кириопасха случилась лишь однажды — 25 марта 1022 г., эта дата и отмечает время появления «Слова». Соответственно, это означает, что София, упоминаемая Иларионом как действующая церковь, существовала уже до 1022 г.³⁴

Правда, в конце «Слова» читается похвала Ярославу и его семье, в которой упоминаются внуки и правнуки Владимира, кото-

³¹ Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века // *Slavia*. — 1963. — R. 32, ses. 2. — С. 147.

³² Остромирово евангелие 1056 — 1057 года по изданию А.Х. Востокова. — М., 2007. — Л. 269об—270об.

³³ О богослужении православной церкви. — К., 1864. — С. 57.

³⁴ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 205—215.

рых на 1022 г. еще не было. Но нужно принимать во внимание то обстоятельство, что уже при Ярославе, княжившем 35 лет, «Слово», как это практиковалось Церковью, могло звучать не один раз, а значит редактироваться к тому или иному празднику. Известно, что «Слово», как образец высокого красноречия, использовалось в церковном обиходе столетиями, оттого и дошло до нас в нескольких редакциях и десятках списков XIII—XVII вв., сохранив при этом свою первичную литургическую основу. Значит, панегирик Ярославу как благоверному князю — продолжателю дел Владимира, читающийся в конце «Слова», мог быть присоединен к основному тексту в зените его правления, когда в очередной раз 15 июля праздновался день памяти Владимира. Известно, что и в более поздние времена «Слово» читалось в церквях 15 июля, но уже без конечного панегирика Ярославу, ибо это утратило свою актуальность.

Близостью «Слова» к временам Владимира можно объяснить то, что Иларион просит его помолиться за своих подданных, которыми он правил: «Помолися о земли своей и о людехъ въ нихъ же благовѣрно владычествова»³⁵. Эти подданные Владимира еще хорошо помнят его дела: «Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ в чловецѣхъ поминаемы сѣтъ»³⁶.

Понятно, что современники Владимира, о которых в «Слове» говорится как о живых, были очевидцами создания Софии, поэтому Иларион, хотя и был сподвижником Ярослава, не мог умолчать об общеизвестном тогда факте причастности Владимира к ее строительству. Все это приводит к выводу, что София, упоминаемая в «Слове» как церковь «дивна и славна всѣмъ окрѣтъниимъ странамъ»³⁷, была построена и функционировала уже до 1022 г., что подтверждается новейшими открытиями в области исследования граффити собора³⁸.

3. «Хроника» Титмара Мерзебургского. Еще ниже опустить хронологическую веху момента появления Софии Киевской позволяет ценное свидетельство немецкого епископа Титмара Мерзебургского, родственника императоров Саксонской династии и

³⁵ Молдован А.М. Слово о законе и благодати... — С. 99.

³⁶ Там же. — С. 95.

³⁷ Там же. — С. 97.

³⁸ Нікітенко Н.М. Датування «Слова» митрополита Іларіона в контексті новітніх досліджень Софії Київської // Студії з архівної справи і документознавства. — 2010. — Т. 18. — С. 125—134.

компетентного в европейских делах хрониста. Его «Хроника», полностью сохранявшаяся в оригинале до пожара Дрездена в 1945 г., — важный исторический источник, особенно по истории германо-славянских отношений. Она высоко оценена в науке как источник русской истории, поскольку содержит уникальные сведения по истории Руси, прежде всего о междоусобице сыновей Владимира Святославича.

В числе этих сведений находится и то, в котором упоминается Софийский монастырь в Киеве: «Архиепископ этого города с мощами святых и прочим церковным благолепием устроил Болеславу и Святополку почетную встречу в св. монастыре Софии, который, к сожалению, в предшествующем году случайно подвергся пожару»³⁹.

В приведенной цитате речь идет о взятии Киева 14 августа 1018 г. войском польского князя Болеслава Храброго и его зятя Святополка Владимировича. Титмар (ум. 1018 г.), записал это

³⁹ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Отдел II. Известия очевидцев, современников и иностранных писателей — К., 1874. — С. 1. Следует отметить, что в осуществленном недавно полном издании «Хроники» Титмара на русском языке фразу «в св. монастыре Софии» переводчик без всяких комментариев заменил на фразу «в храме св. Софии», исказив тем самым содержание исторического источника. См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. — М., 2005. — С. 177. Поскольку в данном издании отсутствует текст оригинала, приведем его: «Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sanctae monasterio Sophiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est» (Thietmari chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. — B., 1935. — Bd.9. — S. 488 — 489. — VIII, 32). Столь же произвольно переводится выражение «combustum est» — как «сгорел»; на самом деле, следует переводить «погорел», что является более корректным и дает возможность адекватно понимать текст. На это обстоятельство обратил внимание в своем докладе Д.С. Гордиенко, указавший, что сказуемое *combustum est* является перфектом, обозначающим действие, которое закончилось в прошлом, а результат его длится в настоящем, т.е. речь идет о монастыре, погоревшем в 1017 г., но существующем по сей час (в 1018 г.). Исследователь так переводит пассаж Титмара: «Архиепископ того города с почетом встретил прибывших с мощами святых и разными другими ценностями в монастыре Святой Софии, который в предыдущем году, к сожалению, погорел из-за досадного случая» (Гордиенко Д.С. Титмар Мерзебургский о Софии Киевской: источниковедческий анализ. Доклад на VI Международных Софийских чтениях «Христианські святині — скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання». Киев, 26—27 мая 2011 г.).

свидетельство со слов своих земляков — саксонских рыцарей, входивших в войско Болеслава, причем сразу же по их возвращению на родину, после чего вскоре умер. Титмар зафиксировал факт существования в Киеве в 1017—1018 гг. Софийского монастыря, а, значит, и его одноименного главного храма, бывшего резиденцией Киевского митрополита.

Историки, придерживающиеся летописной датировки основания Софии в 1037 г., считают, что Титмар упоминает какой-то деревянный Софийский храм, построенный еще Ольгой либо Владимиром. По мнению известного польского историка А.В. Поппэ, этот храм якобы сгорел в 1017 г., а на его месте Ярослав сразу же построил новую деревянную Софию, в которой в 1018 г. и встречали Болеслава со Святополком. Эту-то вторую деревянную Софию в 1037 г. заменила каменная София, сохранившаяся до наших времен⁴⁰.

Такое объяснение не опирается на источник и ничем не подтверждается, но, тем не менее, получило широкое признание в науке. На самом деле, о деревянном Софийском храме в Киеве не говорит ни Титмар, ни какой-либо другой древний источник. Никому не известная деревянная София — измышление историков, которые таким путем пытаются согласовать надежное свидетельство Титмара с летописными датами заложения Софии⁴¹. При этом некорректно трансформируется источник, в котором упоминается пожар *не в соборе, а в монастыре* Святой Софии (in sanctae monasterio Sophiae).

⁴⁰ Poppe A. The buildind of the church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. — Amsterdam, 1981. — Vol. 8. — P. 24—26, 52.

⁴¹ Следует упомянуть еще одну попытку совместить летописные данные и известия Титмара. Так, в ПВЛ под 1017 г. упоминается о пожаре в Киеве: **Ярославъ иде [в Киевъ]. и погорѣ ц(є)ркви** (ПСРЛ. — Т. 1. — Стлб. 142; напомним, что в НПЛ под этим годом находится запись: **Ярославъ иде къ Берестню. И заложена бысть святая София Киевъ** (ПСРЛ. — Т. 3. — С. 15). А.В. Назаренко высказал предположение, что в этой статье речь шла именно о пожаре в церкви Святой Софии: Назаренко А.В. Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. — М. — 2002. — № 2. — С. 132. На основании этого предположения С.М. Михеев, соединив отдельные фрагменты НПЛ и ПВЛ, дополнив их сведениями Титмара, предложил читать «первоначальный» вариант летописной статьи 1017 г. так: **«Ярославъ иде къ Берестню [и погоре церкви] святая София Киевъ»**: Михеев С.М. О датировке Софии Киевской // Археология. — 2011. — № 3. — С. 53; Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? — М., 2011. — С. 241.

Произвольно переводя эти слова как «в святом соборе Софии», А.В. Поппэ неправоммерно утверждает, что якобы для Титмара и других авторов IX—XI вв. понятия «монастырь» и «собор» были идентичными. При этом он ссылается на случаи употребления хронистами относительно Магдебургского и Падерборнского соборов вперемежку слов «монастырь» и «главная церковь»⁴². Но такую ссылку историка нельзя признать корректной, поскольку эти храмы были монастырскими, поэтому такое словоупотребление вполне объяснимо. Это означает, что главный аргумент А.В. Поппэ, выдвинутый им почти полстолетия назад и некритично принятый в науке, на самом деле «не работает».

Если же отказаться от такого насилия над источником и не «втискивать» датировку Софийского собора в «канонические» летописные рамки, а предположить, что каменная София стояла уже до Ярослава, ответ придет сам собой: в 1017 г. сгорели деревянные сооружения Софийского монастыря, а его главный каменный храм (кафоликон) уцелел. Так, в частности, случилось в 1697 г., когда сильный пожар уничтожил все деревянные постройки Софийского монастыря XVII в., а каменный собор XI в. почти не пострадал.

Ясно и то, что Софийский кафедральный собор — главный храм могущественной Руси, да еще и через 30 лет после ее крещения, не мог быть деревянным, тем более что рядом стояла великолепная «мраморяна» Десятинная церковь. В чем вообще был смысл строительства в столице Руси деревянного Софийского кафедрального храма, который по своей идее и предназначению ориентирован на Великую церковь — Софию Константинопольскую? Такая непонятная с точки зрения своей целесообразности акция была бы уничтожением самой идеи палладиума Руси.

До построения Софии Киевской митрополичья кафедра размещалась в Десятинной церкви. Но княжеская дворцовая Десятинная церковь могла выполнять функцию кафедрального храма лишь временно, ведь по византийским канонам митрополиту надлежало иметь собственную резиденцию, он должен был жить в монастыре, а не в соборе и не при соборе. Поэтому, как полагаем, вскоре после создания Десятинной церкви возникла необходимость в строительстве митрополичьего Софийского монастыря с одноименным каменным кафедральным собором.

⁴² Poppe A. The building of the church... — P. 17.

Вслед за Д.И. Айналовым⁴³, К.К. Шероцким⁴⁴, Н.Н. Ильиным⁴⁵, А.Г. Кузьминым⁴⁶, С.А. Высоцким⁴⁷ и многими другими исследователями мы убеждены, что у Титмара речь идет о каменной, а не о некоей безвестной деревянной Софии⁴⁸. Иное дело, что названные исследователи считали каменную Софию лишь только основанной в 1017 г., поскольку они не выводили ее появления за рамки княжения Ярослава. Но вряд ли резиденция митрополита — центр государственной и церковной жизни Руси — могла функционировать в едва начатом строительстве храма. Из контекста сообщения Титмара о встрече митрополитом Киева князей Болеслава и Святополка в Софийском монастыре со святыми мощами и драгоценными реликвиями следует, что главный храм монастыря, воспринимавшийся как грандиозный реликварий, т.е. место хранения и всенародного почитания упомянутых святых, к августу 1018 г. уже был построен и в нем проводились богослужения.

Все это, как полагаем, приводит к единственно возможному выводу: Титмар, упоминая под 1017—1018 гг. кафедральный Софийский монастырь в Киеве, подтверждает существование в нем именно той Софии, которая сохранилась донныне.

В пользу такого вывода говорит наличие выявленных при раскопках остатков фундаментов крепостной стены, ограждавшей в древности усадьбу Софийского собора и построенной одновременно с ним⁴⁹. Существование при Софии монастыря подтверждается также присутствием в ее росписи большого количества

⁴³ Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности... — С. 37.

⁴⁴ Шероцкий К.В. Киев: Путеводитель. — К., 1917. — С. 35.

⁴⁵ Ильин Н.Н. Летописная статья... — С. 118.

⁴⁶ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977. — С. 252.

⁴⁷ Высоцкий С.О. Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 171—181; Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 241.

⁴⁸ П.П. Толочко неправомерно утверждает, что будто бы «до Н.Н. Никитенко по этому поводу не было расхождений. Исследователи согласно полагали, что речь у Титмара идет о деревянной Софии» (Толочко П.П. Київ і Русь. Вибрані твори 1998—2008 рр. — К., 2008. — С. 141). Во-первых, разногласия, как видим, были и до нас, что вполне нормально для науки, а, во-вторых, «согласно полагать» не может быть критерием достоверности в оценке того или иного явления.

⁴⁹ См.: Каргер М.К. Древний Киев... — С. 206—216.

преподобных, в том числе — и на предалтарных столбах. Среди преподобных определены благодаря граффити репрезентативные образы знаменитых Отцов монашества — св. Феодора Студита (на предалтарном столбе диаконника) и св. Саввы Освященного (на столбе «аристократического» придела свв. Иоакима и Анны, где в древности стояла на службах высшая знать).

Свидетельства Илариона и Титмара в пользу вывода о возникновении Софии Киевской во втором десятилетии XI в. подтверждаются и результатами ее современных эпиграфических исследований.

4. Эпиграфические данные. София содержит в себе наиболее достоверные, причем взаимно подтверждающие друг друга *аутентичные данные* относительно времени своего возникновения⁵⁰. Важнейшее значение в этом отношении имеют *древнейшие граффити*⁵¹, прежде всего датированные. Наиболее ранние даты в граффити, маркирующие время их появления на фресках, — 1018/21 и 1019 гг., что надежно фиксирует факт построения и росписи собора до этого хронологического рубежа. Однако возвести и декорировать грандиозный Софийский собор мозаиками (640 м²) и фресками (6000 м²) для Ярослава в течение полутора лет его первого периода княжения в Киеве (1017 — лето 1018 гг.)

⁵⁰ Никитенко Н.Н. Историческая проблематика в росписи Софии Киевской: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1992 (Институт всеобщей истории); Нікітенко Н.М. Русь-Україна і Візантія у монументальному комплексі Софії Київської: історико-соціальний та етноконфесійний аспекти: Автореф. дис. ... доктора іст. наук. — К., 2002 (Інститут української археографії та джерелознавства); Нікітенко Н.М. Собор Святої Софії у Києві / Національні святині України. — К., 2000; Никитенко Н.Н. Собор Святой Софии в Киеве: История, архитектура, живопись, некрополь. — М., 2008. Никитенко Н.Н. Святая София Киевская. — К., 2008.

⁵¹ Следует напомнить, что в Софии Киевской ведутся планомерные эпиграфические исследования, целью которых является введение в научный оборот всего корпуса граффити. Изучением надписей непосредственно занимается к.и.н. В.В. Корниенко, под руководством и с участием д.и.н., проф. Н.Н. Никитенко. Одновременно к исследованиям отдельных групп надписей привлекаются и другие специалисты, Д.С. Гордиенко (для грекоязычных граффити) и к.и.н. Н.А. Синкевич (для надписей, выполненных латиницей). Кроме того, в отдельных вопросах мы консультируемся с реставратором-монументалистом высшей категории А.Н. Остапчуком и художником-реставратором Л.Б. Колодницким. Таким образом, к работам по изучению эпиграфики Софийского собора привлечена достаточно большая группа ученых и реставраторов. Пользуясь случаем, выражаем вышеназванным людям огромную благодарность за помощь в исследованиях.

было просто немыслимым. К тому же нельзя упускать из вида необходимость заготовки колоссального количества строительного материала, на что, учитывая сложный технологический процесс его приготовления, ушло бы несколько лет.

Д.В. Айналов, отталкиваясь от вышеприведенного свидетельства «Слова» Илариона о завершении Ярославом дела Владимира в создании Софии, полагал, что Ярослав воспользовался плодами заготовительной деятельности своего отца и привлек для строительства собора тех «*мастера от Грекъ*», которые были приглашены Владимиром для возведения Десятинной церкви⁵².

Мысль об участии в создании Софии артели мастеров Десятинной церкви весьма конструктивна, однако следует отметить, что византийская артель могла работать в Киеве непрерывно в течение не более 30—35 лет. Во-первых, это отвечает артельным традициям средневековья, во-вторых, строительный материал даже при современных технологиях нужно использовать как можно быстрее, чтобы он не пришел в негодность, в-третьих, данное количество лет как раз укладывается в продуктивный период жизни одного поколения. Именно такая организация деятельности византийской строительной артели, мастера-монахи которой рассматривали свою работу как несомую ими в новообращенных землях пожизненную миссию во имя Христа, характерна для того исторического периода⁵³.

Время работы мастеров Десятинной церкви в Киеве в течение приблизительно 35 лет, т.е. в конце X — первой четверти XI в. хорошо согласуется с датами древнейших софийских граффити. Поскольку к 1018/21 — 1019 гг. собор уже стоял и был украшен росписями, значит, он был основан при Владимире и полностью возведен его мастерами не позже конца второго десятилетия XI в.⁵⁴

⁵² Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности... — С. 36.

⁵³ Работа строительной артели приводила к созданию непрерывной цепи памятников, возведенных один за другим без существенных перерывов. См.: Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). — СПб., 1994. — С. 123. Комплексный анализ письменных источников и результатов натурных исследований приводит к выводу, что кроме Десятинной церкви и Святой Софии византийские мастера с 989 по 1022 гг. возвели в Киеве ряд каменных дворцов, а также укрепления «города Владимира» и «города Ярослава» с Золотыми воротами и надвратной Благовещенской церковью. См.: Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 199—241, 253—254.

⁵⁴ Нікітенко Н., Корнієнко В. Найдавніші датовані графіті Софії Київської // Праці Центру пам'яткознавства. — К., 2007. — Вип. 12; Нікітенко Н., Кор-

То есть, древнейшие датированные софийские граффити перечеркивают возможность основания Софии Ярославом не только в 1037 г., но и в 1017 г., свидетельствуя о заложении собора в более раннее время, тяготеющее к правлению Владимира, а точнее — ко второму десятилетию XI в.

Если вписать в этот отрезок времени сохранившиеся в древних источниках указания на дни освящений Софии, можно уточнить датировку храма.

5. Дни освящений Софии Киевской упоминаются под 4 ноября и 11 мая во Мстиславовом Евангелии и Псковском Апостоле — памятниках начала XII — начала XIV вв.⁵⁵

Во Мстиславовом Евангелии (ок. 1106 г.), содержащем древнейший из календарей, в котором упоминается освящение Софии Киевской, записано: «**Ноября 4. Память преподобного отца нашего Иоанниина. Въ тѣж днь сщєние свѣтѣхъ Софїа иже єсть в Кїѣвє градє. Свѣщєна Єфрємѣ митрополитѣмъ**»⁵⁶.

В Псковском Апостоле (1307 г.) освящение Софии в Киеве отмечено под 11 мая 6460 (952) г.: «**В тѣ же дєнь свѣщєние свѣтѣхъ Софїа Кїѣвє в лєто 6460**»⁵⁷. Полагают, что это уникальное извес-

нієнко В. Найдавніші графіті Софії Київської та її датування // Просемінарії: Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. — К., 2008. — Вип. 7: До ювілею професора Василя Іринарховича Ульяновського; Никитенко Н.Н., Корнієнко В.В. Древнейшие датированные граффити Софии Киевской // Архитектурное наследство. — М., 2009. — Вып. 51; Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В. Найдавніші графіті Софії Київської та датування собору // Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь. Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Софійські читання» (Київ, 25—26 жовтня 2007 р.) — К., 2009; Корнієнко В.В. Найдавніше датоване кириличне графіті Софії Київської: нова знахідка // Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь. Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Софійські читання» (Київ, 25—26 жовтня 2007 р.) — К., 2009; Никитенко Н.Н., Корнієнко В.В. Древнейшие датированные граффити Софийского собора в Киеве и его датировка // Byzantinoslavica. — Prague, 2010. — Vol. LXVIII; Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті на фресках Софії Київської та їхній історичний контекст (записи № 1684, № 2126, № 2204) // Студії з архівної справи та документознавства. — 2011. — Т.19, книга перша.

⁵⁵ Лосева О.В. Русские Месяцесловы XI—XIV веков. — М., 2001. — С. 88—89, 98—100.

⁵⁶ Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. — М., 1983. — С. 234 (174 г).

⁵⁷ Государственный Исторический музей. Отдел рукописей. Син. собр., ед. 722. Л. 166.

тие, сохранившееся в единственной и довольно поздней рукописи, должно было присутствовать в более древних месяцесловах⁵⁸.

Упомянутые Евангелие и Апостол — богослужебные книги (апракосы), тексты в которых организованы календарно, в соответствии со службами в определенные дни церковного года. В них отмечены памяти святых и другие церковные праздники, то есть, эти дни имеют свои месяцесловы (Святцы). В древности день освящения каждого храма был для него большим годовым праздником (днем обновления). Для такого ежегодного празднования значение имели лишь дни (число и месяц). Поэтому в месяцесловах и Прологах указывается число и месяц события, без обозначения года⁵⁹.

Дни освящения Софии Киевской, отмеченные под 4 ноября и 11 мая, переписывались в позднейшие календари, войдя в Святцы всей Русской Церкви, то есть в ее литургическую практику. Изначально эти дни должны были выпасть на воскресенье, поскольку освящение храма в воскресенье является общим правилом, ибо всякий храм, тем более Софийский, посвящается Господу (*Κύριε*) в образ пасхального Воскресения как таинства основания Церкви Христовой. Особенно значимой представляется дата Мстиславового Евангелия, созданного в Киеве в начале XII в. Исходя из всего вышеизложенного полагаем, что сведения о днях освящения Киевской Софии 4 ноября и 11 мая имеют достоверный характер, хотя эти сведения и сохранились в более поздних памятниках.

В то же время, дополнительные свидетельства об освящении Софии митрополитом Ефремом (во Мстиславовом Евангелии) и в 952 г. (в Апостоле 1307 г.) явно добавлены позже. В частности, митрополит Ефрем занимал кафедру с 1054 г., и освящение им Софии в этом, либо в последующие годы, никак не согласуется ни с большим циклом датированных граффити собора, написанных в нем до этого года, ни с каким-либо другим источником. Если же принять данное свидетельство, то придется признать, что Софию освятили уже после смерти Ярослава (ум. в 1054 г.), то есть, она начала функционировать как действующая церковь лишь во второй половине XI в., что, опять-таки, неправдоподобно.

⁵⁸ Лосева О.В. Русские Месяцесловы... — С. 88—89.

⁵⁹ Там же.— С. 98.

Чем же мог руководствоваться древнерусский книжник, отнесший освящение Софии ко времени митрополита Ефрема? Безусловно, имевшими отношение к возникновению «митрополии русской» летописными записями и проистекавшей из них логикой событий. А она вырисовывается следующим образом.

Работавший в начале XII в. составитель месящеслова Мстиславова Евангелия (либо его предшественники), отталкиваясь от даты 1037 г. как точки отсчета «биографии» собора, в определении времени его освящения руководствовался упоминаниями в летописях первых Киевских митрополитов — Феопемпта, Илариона (ПВЛ под 1039 и 1051 гг.) и Ефрема (НПЛ под 1055 г.).

В период правления этих митрополитов 4 ноября выпало на воскресенье в 1039, 1044, 1050 и 1061 гг. Первая дата приходится на время Феопемпта, но он не мог освятить Софию в 1039 г., поскольку, во-первых, согласно летописи, минуло всего лишь два года после ее основания, во-вторых, именно в этом году он повторно освятил Десятинную церковь. В 1044 и в 1050 гг., в результате резкого ухудшения русско-византийских отношений, кульминацией чего стала война 1043 г., кафедра, видимо, пустовала, ибо в 1051 г. «постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святеи Софьи, собравъ епископы», т.е., как вполне логично полагают многие исследователи, сделал это самостоятельно, без санкции Константинополя⁶⁰. Таким образом, остается лишь 1061 г., а это — время митрополита Ефрема (1054—1062 гг.⁶¹).

⁶⁰ Г.Г. Литаврин, поддерживая эту давно утвердившуюся в науке и широко распространенную концепцию, считает, что «церковный скандал 1051 г.» связан с проигранной Ярославом русско-византийской войной 1043 г. и ее последствиями. Ученый пишет: «избрание русского иерарха митрополитом Киева было отголоском каких-то непреодоленных при амбициозном патриархе Михаиле Кируларии (1043—1058) трений между Русью и Византией, несмотря на заключение мира и династический брак (в 1046 г. — *Авт.*)». См.: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). — СПб., 2000. — С. 245. Отталкиваясь от свидетельств византийского автора Михаила Пселла — участника событий, М.Д. Приселков полагал, что митрополит-грек Феопемпт «уехал из Киева ранее похода 1043 г., и перед разбитым киевским князем вновь встал вопрос о церковном устройении Киевской державы». См.: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X — XII вв. — СПб., 2003. — С. 55—57.

⁶¹ А.В. Поппэ предлагает более широкую датировку: 1054/55 — ок. 1065 гг. См.: Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. — М., 1989. — Приложение I: Митрополиты Киевские и всея Руси (988 — 1305) / Сост. А.В. Поппэ. — С.191, 193—194; О.В. Лосева относит верхнюю дату к

Как видим, запись на полях Мстиславова Евангелия о том, что София Киевская «священа Ефремъмъ митрополитъмъ» представляет собой ни что иное, как *мнение* составителя месяцеслова.

Столь «позднее» освящение Софии при Ефреме побудило некоторых исследователей считать его повторным⁶². О.В. Лосева называет причины повторного освящения собора загадочными, а дату первого освящения (при Ярославе и до хиротонии Илариона) — неизвестной, полагая, что «праздник 4 ноября совершенно вытеснил ее из календарной традиции»⁶³.

Но вряд ли повторное освящение митрополичьего Софийского собора могло утвердиться в богослужебной практике, затмив собой его первое освящение, бывшее, вне сомнений, великим общенародным праздником.

О.В. Лосева, пытаясь снять данное противоречие, высказывает предположение о повторном освящении собора в связи с полным завершением его строительства и росписи. При этом исследовательница приводит давно устаревшую версию М.К. Каргера о том, что в конце XI в. имела место значительная перестройка Софии, связанная с возведением второго пояса внешних галерей, после чего якобы произошло новое освящение храма⁶⁴. Однако современными исследованиями доказано, что Софийский собор был полностью построен (включая оба ряда внешних галерей), а также украшен мозаиками и фресками в первой половине XI в., причем в течение одного строительного периода⁶⁵.

Полностью устарела и точка зрения В.Н. Лазарева о завершении росписи собора и его освящении 11 мая 1046 г.⁶⁶ Поскольку

1062 г., ссылаясь на работу Ю.Д. Рыкова и А.А. Турилова (Рыков Ю.Д., Турилов А.А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. — М., 1984. — С. 170—176). См.: Лосева О.В. Русские Месяцесловы... — С. 99.

⁶² См.: Каргер М.К. Древний Киев... — С. 103 — 104; Шапов Я.Н. Государство и церковь... — С. 194.

⁶³ Лосева О.В. Русские Месяцесловы... — С. 99.

⁶⁴ См.: Каргер М.К. Древний Киев... — С. 103—104.

⁶⁵ См.: Логвин Г.Н. Новые наблюдения в Софии Киевской // Культура средневековой Руси. — Л., 1974; Логвин Г.Н. Собор Святої Софії в Києві: Книга-альбом. — К., 2001. — С. 28, 38—43.

⁶⁶ См.: Лазарев В.Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской // Византийский временник. — 1956. — Т. 10. — С. 163—164. Мнение В.Н. Лазарева разделяют А.А. Акентьев (Акентьев К.К. Мозаики Киевской

этот день был воскресным, такой вывод, сделанный почти полвека назад, тогда выглядел логичным, тем не менее, сегодня он совершенно неприемлем. Дело в том, что на фресках собора обнаружен целый ряд граффити, написанных ранее 1046 г., которые содержат даты, начиная от 1018/21 и заканчивая 1041 г.⁶⁷

Освящение же Софии в 952 г. должно было выпасть на времена княжения Ольги, поэтому некоторые исследователи считают, что известие Псковского Апостола касается освящения построенной Ольгой какой-то неизвестной в источниках деревянной Софии, будто бы сгоревшей в 1017 г. Так, О.В. Лосева отмечая, что в Псковском Апостоле освящение Софии помещено как под 11 мая, так и под 4 ноября, полагает, что эти записи касаются двух разных храмов — один из них якобы был создан княгиней Ольгой, а второй — Ярославом⁶⁸.

Главный аргумент против возможности освящения Ольгой храма Святой Софии в 952 г. состоит в том, что тогда княгиня была еще язычницей. О.В. Лосева отмечает, что «возведение храма в 952 г. косвенно подтверждает версию о крещении Ольги не в 50-х, а в 40-х гг. X в.»⁶⁹. Но чью версию? На самом деле, таковой не существует. Согласно ПВЛ, она крестилась в 955 г. во время своего визита в Царьград.⁷⁰ Мировая историография, отталкиваясь от свидетельства трактата «О церемониях византий-

св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика. — Т. 1.: Литургия, архитектура и искусство византийского мира / Под ред. К.К. Акентьева. — СПб., 1995. — С. 80, 86) и А.В. Поппэ (Poppe A. The building of the church... — P. 53).

⁶⁷ Кроме перечисленных в сн. 54 наших публикаций, посвященных древнейшим граффити с датами, маркирующими их написание ранее 1037 г., назовем также статью А.А. Евдокимовой, в которой публикуется греческое граффити 1038—1039 гг., выявленное исследовательницей в южной лестничной башне собора (Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. — М., 2008. — С. 493—494), а также запись из центрального нефа, верхней возможной чертой появления которой является 1041 г. (Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 121, табл. CLXXXVII, 5).

⁶⁸ Лосева О.В. Русские Месяцесловы... — С. 88—89. На самом деле, эти записи касаются не двух разных храмов, а относятся к знаменитой «митрополии русской», с освящением которой изначально связывались два праздничных дня, указанные в месяцесловах.

⁶⁹ Там же. — С.89.

⁷⁰ ПСРЛ. — Т. 1. — Стлб. 60—62.

ского двора», составленного принимавшим Ольгу императором Константином Багрянородным, традиционно считает датой ее визита 957 г.⁷¹ Дело в том, что в указанном трактате описываются два ее приема у императора — 9 сентября в среду, и 18 октября в воскресенье, а данные числа выпали на указанные дни недели именно в 957 г.

Г.Г. Литаврин предложил более раннюю дату — 946 г., когда произошло такое же совпадение чисел месяца с днями недели. Поскольку император называет княгиню не ее христианским именем Елена, а языческим — Эльга (Ольга), ученый полагал, что она посетила Константинополь дважды — в 946 г., когда утвердила договор Руси и Византии 944 г., и в 954/55 г., когда приняла крещение. В соответствии с требованиями византийских церемониально-дипломатических норм княгиня-христианка на приемах и в официальных документах непременно именовалась бы своим крестильным именем, поэтому описанные императором приемы произошли в 946 г., когда Ольга еще не приняла крещения⁷². В любом случае, нет никаких оснований считать княгиню христианкой в 952 г. и вменять ей в заслугу освящение в этом году храма Св. Софии.

Весьма сомнительно и то, что Ольга построила Софийский собор после своего крещения. Не зря в богатой древней литературной традиции о княгине Ольге нет и намека о построении ею храма Св. Софии. Хотя княгиня и приняла личное крещение, однако вся Русь оставалась языческой, а Софийские храмы, как правило, были кафедральными, соборными, но не частными, домовыми. К тому же, вся Русская Церковь не могла ежегодно праздновать обновление давно сгоревшей деревянной Софии, тем более что со второго десятилетия XI века в Киеве стоял одноименный каменный храм.

Но было бы ошибкой отрицать достоверность факта освящения Софии 11 мая. Явно не выдуманная дата Псковского Апосто-

⁷¹Подробнее см.: Гордієнко Д.С. Хрещення княгині Ольги: історіографічна традиція в контексті реалій X ст. // Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Збірник наукових праць. — 2005. — Вип. 14; Гордієнко Д.С. Хрещення княгині Ольги в контексті обрядової практики візантійської церкви // *Ruthenica*. — V. — 2006. Гордієнко Д.С. Княгиня Ольга: дискусія навколо хрещення // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Збірка статей на пошану д. іст. наук, проф. Н.М. Нікітенко*. — К., 2011.

⁷² См.: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... — С. 154—213.

ла (11 мая) слишком очевидно совпадает с днем освящения Константинополя и, несомненно, инспирирована идеей принесения святости из столицы Византии в недавно обращенный Киев⁷³.

Если поставить дни освящения собора в хронологический ряд второго десятилетия XI в., можно датировать заложение/посвящение собора Святой Софии Премудрости Божьей (освящение фундаментов) воскресеньем, 4 ноября 1011 г., а завершение/инаугурацию (освящение престола) — воскресеньем, 11 мая 1018 г. Именно на эти даты во втором десятилетии XI в. выпали воскресные (Господни) дни, в которые, согласно канонам, могли освятить Софийский собор (дом Господень). То есть, собор был заложен и построен Владимиром в 1011—1015 гг., а завершен его сыном Ярославом в 1018 г. В самом деле, Ярослав за полуторагодинный первый период своего киевского правления (1017 — лето 1018 гг.) мог лишь завершить то, что уже в целом было создано его отцом⁷⁴.

Освящение/инаугурация Софии в 1018 г., с одной стороны, фактически совпадает с указанной в НПЛ датой заложения собора в 1017 г., с другой, логично вписывается в ход событий. Поскольку в НПЛ заложение Софии хронологически «привязано» к походу Ярослава к Берестю, состоявшемуся не в 1017 г., а летом 1018 г.⁷⁵, можно полагать, что связанный с митрополией Софией «учредительный» акт нового киевского князя также датировался 1018 г., причем имел место до лета этого года. Но это был акт завершения, а не заложения собора, указание чего явно не устраивало Ярослава, претендовавшего на славу его единоличного создателя. Вскоре после торжественного освящения 11 мая 1018 г. «митрополии русской» Ярослав идет походом к Берестю, а уже 22 июля происходит битва на Буге, окончившаяся полным разгромом Ярослава и бегством его в Новгород.

В контексте предлагаемой датировки Софийского собора становится понятным идеологический замысел строительной программы Владимира и Ярослава. Дело в том, что дни освящения Софии Киевской (4 ноября и 11 мая) фактически совпадают с днями заложения и освящения (инаугурации) Константинополя — Нового Иерусалима христианского мира. Его заложили в воскре-

⁷³ Ср.: Акентьев К.К. Мозаики Киевской св. Софии...

⁷⁴ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 49—50, 241.

⁷⁵ Ср.: Титмар Мерзебургский. Хроника. — С. 163, 176—177.

сенье, 8 ноября 324 г., а освятили опять-таки в воскресенье, 11 мая 330 г. Прослеживается явное совпадение дат, правда, с киевской «поправкой» на воскресный день, который в 1011 г. выпал на 4 ноября⁷⁶.

Интересно, что в Охридском Апостоле конца XII в. днем освящения Софии Киевской называется не 4, а 8 ноября, т.е. день заложения Константинополя⁷⁷. Понятно, что этот праздник попал в Охридский Апостол из русского источника, и его дата, очевидно, была соответственно подправлена. Но эта поправка вряд ли случайна, поскольку явно следует константинопольскому вектору, чем проливает свет на ассоциативное восприятие средневековой ментальностью дней освящения Софии Киевской.

Можно полагать, что так же и в Киеве 4 ноября 1011 г. при Владимире — «новом Давиде» и «новом Константине» произошла закладка летописного «града великого» с его сердцевиной — Софийским собором, а 11 мая 1018 г. — их торжественное открытие при Ярославе — «новом Соломоне».

На библейский образец ориентировалось и время создания Софии Киевской — 7 лет, ибо это время отвечает семи этапам создания мира, ветхозаветной скинии, а также Иерусалимского храма, чем обусловлены основные священнодействия при освящении храма, от заложения краеугольного камня до Божественной литургии⁷⁸. Недаром именно 7 лет создавалась и предшественни-

⁷⁶ Нікітенко Н. Свята Софія Київська: новий погляд на її історію, архітектуру та розпис // Logos: A Journal of Eastern Christian Studies. — Ottawa, 1996. — Vol. 37. — Nos. 1—4. — Р. 93—188; Нікітенко Н. Свята Софія Київська: історія в мистецтві. — К., 2003. — С. 200—201; Никитенко Н.Н., Корниенко В.В., Рясная Т.Н. Новая датировка Софии Киевской: конструктивная критика или профанация концепции? — К., 2012. — С. 6—7.

⁷⁷ Мошин В.В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X — XV вв. // Из истории русской культуры. — Т. 2. — Кн. 1: Киевская и Московская Русь. — М., 2002. — С. 859.

⁷⁸ Такой порядок чинопоследований, зафиксированный в древних восточных и западных богослужебных текстах, был принят в Византии, перенят и сохранен в Русской Церкви. Об этом свидетельствуют средневековые чиновники архиерейского служения и литургические комментарии Отцов Церкви (Св. Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе, слово пятое. — М., 1991; Св. Симеон Солунский. Разговор о святых священнодействиях и о таинствах церковных // Писания Св. отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1856. Т. 2; Св. Симеон Солунский. О божественном храме и о служащих в нем // Писания Св. отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослуже-

ца Софии Киевской — Десятинная церковь (989—996 гг.), и последовательница — София Новгородская (1045—1052 гг.). Э.А. Гордиенко подчеркивает, что хотя Новгородская София была «свершена» в 1050 г., ее, как сообщают новгородские летописи, освятили в 1052 г., ориентируясь на время создания библейского прототипа — Иерусалимского храма⁷⁹.

Таким образом, ориентированный на сакральный образец период создания Софии Киевской был подчинен концепции Киева как Нового Иерусалима христианской Руси. Это подтверждается посвятителем надписью над главным алтарем Софии Киевской: «Бог посреди него, он не поколеблется, Бог поможет ему, когда утро настанет» (Пс. 45:6). Речь идет о защищенном присутствием Бога неколебимом Небесном Иерусалиме, в данном контексте — Киеве и его митрополичьем кафедрале⁸⁰.

Но, сколь целостным ни был бы идейный замысел Софийского храма, приход в Киев нового князя — Ярослава — неминуемо влек за собой определенные корректировки архитектурно-декоративной программы, ведь не все то, что было задумано первым заказчиком, устраивало второго. И это отчетливо прослеживается в Софии.

6. В архитектурных формах и системе живописного декора Софии Киевской отразилась смена князя-заказчика, причем на финальном этапе создания храма. В недавно возведенный и почти расписанный собор встроили усыпальницу Ярослава, скорее всего, при его вокняжении в Киеве, поскольку это отвечало древней повсеместной традиции. Закрыли ставший ненужным вход в северную лестничную башню и никогда им не пользовались, ибо его ступени совершенно не истерты и даже сохранили следы тески камня. На стадии украшения мозаиками подкупольных арок работа была неожиданно прервана, и арки расписали фресками, причем фреска явно «вторглась» в зону мозаичного декора, как бы дополнив его. Это объясняется тем, что когда

ния. — М., 1857. — Т. 3). См.: Клиценко Ю. Сотворение мира, создание скинии и чин освящения храма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/apologetika/sotvotenie-mira.htm>.

⁷⁹ Гордиенко Э. Свет Новгородской Софии // Родина. — 2007. — № 6. — С. 40.

⁸⁰ Нікітенко Н.М. Ідейна концепція архітектурно-художнього образу Софії Київської // Архітектурна спадщина України. — 1995. — Вип. 2. — С. 191—197; Нікітенко Н.М. Софія Київська — образ нового Єрусалима // Український музей. Збірка наукових праць. — К., 2003. — С. 176—182.

Рис. 1. Княжеский портрет, южная половина

Ярослав в результате затяжной войны за власть сел в Киеве, трудно было после перерыва в работе сразу же наладить сложное производство мозаичной смальты⁸¹.

Поскольку в архитектурных памятниках стран византийского культурного круга воплощались запросы их заказчиков, образы последних, как правило, проступают в программе храмовой монументальной живописи.

7. В сюжетах мозаик и фресок Софийского собора прослеживается широкое и последовательное прославление ктиторов храма — четы крестителей Руси Владимира и Анны. Наиболее выразительно эта тенденция отразилась на светских фресках — княжеском групповом портрете в центральном нефе (рис. 1—4) и росписи лестничных башен, ведущих на княжеские хоры (рис. 6—8).

⁸¹ Нікітенко Н.М., Нікітенко М.М. Час виникнення Софії Київської: дані джерел у світлі новітніх досліджень // Архітектурна спадщина України. — 1996. — Вип. 3. — Ч. 1. — С. 27—36. Никитенко Н.Н., Никитенко М.М. Княжеская усыпальница в Софии Киевской // Памятники культуры. Новые открытия. — М., 1998. — С. 454—472; Нікітенко Н.М. Датування Софії Київської у світлі нових досліджень // Четвертий міжнародний конгрес українців. Доповіді та повідомлення. — Одеса -К.-Львів, 1999. — С. 23—30.

Княжеский портрет раньше определяли как изображение семьи Ярослава, хотя никаких подтверждений этому ни в письменных источниках, ни на фреске нет. Более того, фреска не может быть портретом семьи Ярослава, поскольку такая атрибуция никак не согласуется с датами названных граффити (1018/21, 1019), ведь старшие дети князя представлены на портрете взрослыми, между тем как дети Ярослава начали рождаться лишь после 1020 г.

Устарела и гипотеза об изображении на фресках башен визита княгини Ольги в Константинополь, поскольку такая точка зрения вступает в противоречие с сюжетами фресок, средневековыми ментальными и обрядовыми нормами, наконец, иконографическими канонами.

Рис. 2. Князь Владимир на княжеском портрете в зарисовке Абрагама ван Вестерфельда (1651 г.)

Рис 3. Княгиня Анна на княжеском портрете в зарисовке Абрагама ван Вестерфельда (1651 г.)

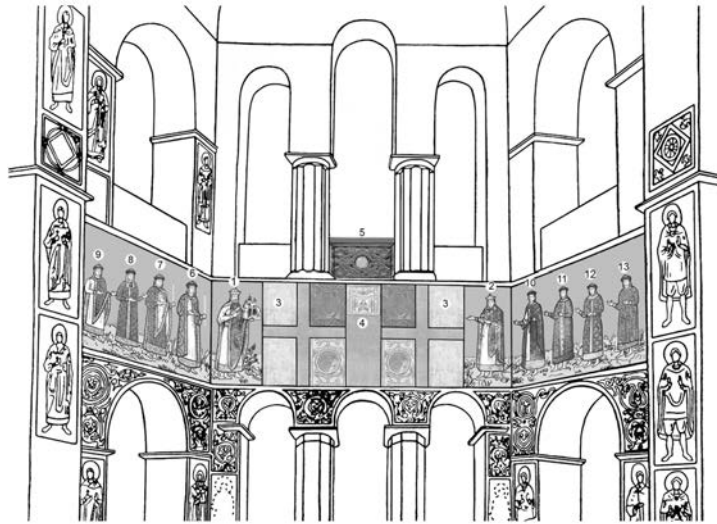

Рис. 4. Княжеский портрет по реконструкции Н.Н. Никитенко:

1 – князь Владимир с моделью Десятинной церкви; 2 – княгиня Анна; 3 – мраморная панель (по аналогии с Софией Константинопольской); 4 – символ престола на мраморной панели; 5 – шиферная плита с яшмой; 6 – Ярослав; 7 – Борис; 8 – жена Бориса; 9 – Глеб; 10 – Феофано – старшая дочь Владимира и Анны; 11, 12, 13 – дочери Владимира и Анны

Рис. 5. Коронационный выход принцессы Анны. Фреска северной башни в зарисовке Ф.Г. Солнцева (сер. XIX в.)

Рис. 6. Княгиня Анна на княжеском портрете и на фреске северной лестничной башни

На самом деле, на княжеском портрете представлена семья Владимира и Анны, а на фресках башен — заключение в конце X века в Константинополе их династического брака (помолвки), положившего начало крещению Руси⁸².

⁸² Никитенко Н.Н. Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1986 г. — Л., 1987. — С. 237—244; Никитенко Н.Н. К атрибуции фрескового цикла башен Софии Киевской // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. — М., 1994. — С. 104—106; Нікітенко Н.М. Історичні сюжети розпису башт Софії Київської // Третій міжнародний конгрес українців. Доповіді та повідомлення. — Харків, 1996. — С. 205—210; Никитенко Н.Н. О содержании фресковой росписи лестничных башен Софии Киевской // Памятники культуры. Новые открытия. — М., 1997. — С. 117—125; Нікітенко Н.М. Світські фрески Софії Київської: нове датування собору і осмислення сюжетів // Просемінарій: Медієвістика. Історія церкви, науки і культури. — К., 1997. — Вип.1. — С. 27—51; Никитенко Н.Н. Исторические портреты в светской росписи Софии Киевской // Сугдейский сборник. — Вып. 3. — К.-Судак, 2008. — С.146—168; Никитенко Н.Н. Семья основателя Софии Киевской на княжеском портрете в ее центральном нефе // Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь. Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Софійські читання». (Київ, 25—26 жовтня 2007 р.). — К., 2009. — С. 63—79; Nikitenko N. Secular Frescos of St. Sophia of Kiev: a new attribution // Proceedings of 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sophia, 22 — 27 August 2011). — Sophia, 2011. — Vol. III. — P. 406.

Рис. 7. Император Василий II в ложе ипподрома. Фреска южной лестничной башни

В религиозных сюжетах Владимир и Анна прославляются через символические прообразы — тех святых, которые либо были их небесными патронами, либо чьи деяния повторила княжеская чета. Например, центральное место в алтарной мозаике отведено образам святителей, связанных с прославлением миссии Владимира — Епифанию Кипрскому, на память которого (12 мая) освятили Десятинную церковь и Клименту Римскому, мощи которого Владимир принес из Корсуни и положил в этой церкви⁸³.

⁸³ Никитенко Н.Н. Историческая проблематика в росписи Софии Киевской. Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов. — М., 1991. — Т. 2. — С. 814—815; Никитенко Н.Н. К иконографической программе однофигурных фресок Софийского собора в Киеве // Византийский временник. — 1987. — Т. 48. — С. 101—107. Никитенко Н.Н. Программа однофигурных фресок Софийского собора в Киеве и ее идейные истоки // Византийский временник. — 1988. — Т. 49. — С. 173—180. Нікітенко Н.М. Присвячення та фресковий цикл Свято-Михайлівського вівтаря Софії Київської // Науковий збірник, присвячений 900-літтю Свято-Михайлівського Золотоверхого монастиря. Матеріали науково-практичної конференції «Михайлівський Золотоверхий монастир: історія крізь століття». (Київ, 23 травня 2008 р.) — К., 2008. — С. 207—215; Никитенко Н.Н. Мозаика «Святительский чин» Софии Киевской и ее духовно-исторический смысл // Дружба: ее формы, испытания и дары / Успенские чтения. — К., 2008. — С. 80—97; Никитенко Н.Н. Князь Владимир как «Новый Константин» в стенописи Софии Киевской // Память и история: на перекрестке культур / Успенские чтения. — К., 2009. — С. 199—222. Никитенко Н.Н., Корниенко В.В. Новые эпиграфические исследования и вопросы персонификации однофигурных женских фресок в северо-западной части Софии Киевской // Кондаковские чтения — III. Человек и эпоха: античность — Византия — Древняя Русь. Материалы III Международной научной конференции. — Белгород, 2010. — С. 339—357;

Рис. 8. Император Василий II на фреске и на византийской миниатюре 1019 г.

8. Датировка Софии 1011—1018 гг. подтверждается результатами *лабораторных анализов* состава первичной фресковой штукатурки и поливных плит полов Десятинной церкви и Софии Киевской. Учеными доказано, что по технологическим признакам фресковая штукатурка и поливные плиты полов обоих храмов полностью идентичны⁸⁴.

Нікітенко Н.М. Образи засновників Софії Київської в сюжетах її бічних вівтарів // Матеріали V Міжнародних науково-практичних Софійських читань «Духовний потенціал та історичний контекст християнського мистецтва», присвячених 75-річчю Національного заповідника «Софія Київська» (м. Київ, 28—29 травня 2009 р.) — К., 2011. — С. 129—147.

⁸⁴ См.: Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // Свод археологических источников. Вып. Е1-38. — М., 1967. — С. 36—37; Ганзенко Л., Коренюк Ю., Меднікова О. Нові дослідження археологічних колекцій стінопису Десятинної церкви та прилеглих споруд. До 1000-ліття освячення // Церква Богородиці Десятинна в Києві / Наук. ред. П. Толочко. — К., 1996. — С. 73.

Стиль стенописи этих храмов также выявляет между собой близкие аналогии⁸⁵ (рис. 9—10). Это объективно свидетельствует о хронологической близости обоих храмов, построенных «мастерами от Грекъ», призванных Владимиром в конце X в. для строительства Десятинной церкви. О том же свидетельствует большая схожесть их планово-пространственной структуры, архитектурных форм и строительных приемов⁸⁶.

Относительно недавних раскопок Десятинной церкви, которые якобы дали материал для вывода, «что штукатурный раствор фресок Десятинной церкви конца X в. не имеет аналогий в основном массиве штукатурок Св. Софии, и, следовательно, храмы были расписаны разными мастерами»⁸⁷, напомним, что штукатурка существовавшей 250 лет Десятинной церкви подразделяется на несколько типов, представляющих разные периоды, поэтому проблема состоит в том, чтобы определить, какой из них относится к X в.

Г.Ю. Ивакин, В.К. Козюба и другие исследователи к первичному типу штукатурки относят наиболее примитивную из них, сохранившуюся на блоке из кладки X в., который обнаружен в раскопе среди строительного мусора, как они утверждают, *in situ* (?). Дескать, рыхлая первичная штукатурка Десятинной церкви — это якобы «первый опыт наших предков в технике выполнения фресковой росписи»⁸⁸. Но всем известно, что Десятинную церковь

⁸⁵ Всемирно известный исследователь византийского и древнерусского искусства и тонкий знаток его стиля В.Н. Лазарев считал, что по своему стилю монументальная живопись Софии Киевской тяготеет к памятникам X — раннего XI в. И это при том, что В.Н. Лазарев был сторонником даты 1037 г. как времени основания собора. Ученый подчеркивал, что византийское монументальное искусство середины XI в. отличается уже несколько иной художественный язык. См. Лазарев В.Н. Мозаики Софии Киевской. — М., 1960. — С. 74, 77—78, 80, 101, 111, 157.

⁸⁶ Логвин Г.Н. Собор Святої Софії... — С. 28.

⁸⁷ Архипова Е.И., Толочко А.П. «Новая датировка» Софийского собора в Киеве: критика гипотезы // Российская археология. — 2011. — № 3. — С. 126.

⁸⁸ Ивакин Г.Ю., Козюба В.К., Стриленко Ю.Н. Технологические особенности составов фресковых штукатурок Десятинной церкви в Киеве // Древнерусская архитектура эпохи Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Материалы архитектурно-археологического семинара (Санкт-Петербург, Великий Новгород, 22—24 ноября 2010 г.). — СПб., 2010; Івакін Г., Козюба В., Комар О., Марченко Г. Десятинна церква — новини сезону 2010 р. // Ruthenica. — IX. — 2010.

Рис. 9. Фреска Десятинной церкви, фрагмент

Рис. 10. Фрески Десятинной церкви и Софии Киевской: иконографическая аналогия

Св. Феопист
Фреска Софии Киевской

Фреска Софии

Фреска
Десятинной церкви

возводили византийцы, строители-виртуозы, а не «наши предки», которые, в самом деле, не имели опыта каменного строительства. Если же верить указанным авторам, можно придти к курьезному выводу: византийцы могли изготавливать лишь примитивную

штукатурку, а научившиеся у них «наши предки» (что тоже весьма сомнительно⁸⁹) немедленно усовершенствовали ее производство.

Но, во-первых, сам блок не находился *in situ*, во-вторых, точно не известно, к какому периоду относится штукатурка на нем, вполне возможно, ко времени очередного ремонта⁹⁰. К то-

⁸⁹ Средневековые артели были закрытыми сообществами, имевшими полный набор специалистов со своими секретами мастерства, овладеть которыми не членам артели, да еще за столь краткий срок было нереально.

⁹⁰ Например, во время реставрационных работ 2010 — 2011 гг. в Софии Киевской по раскрытию древней оконницы в приделе свв. Антония и Феодосия установлено, что древние мастера в XII в. сбили штукатурку XI в. и нанесли на поверхность древней кладки стены новый слой штукатурки XII в. Факт нанесения более поздней штукатурки на древнюю стену, причем когда первичная фреска была удалена мастерами, создает предпосылку для ошибочного предположения, так как исследователь может принять более поздний ремонт за первоначальную отделку храма. Видимо, такую ошибку и допустили вышеназванные исследователи, отнеся выявленный в 2010 г. фрагмент к первоначальной фресковой штукатурке Десятинной церкви. На это указывает сходство состава якобы «первичной» штукатурки указанного фрагмента фрески Десятинной церкви с составом фресковой штукатурки из апсиды крещальни Софийского собора (Ср.: Стріленко Ю.М. Аналіз зразків фрескових та будівельних розчинів Софії Київської // Стародавній Київ... — С. 195, 199). Время появления росписей апсиды крещальни Софии Киевской исследователи относят либо к рубежу XI — XII вв. (Логвин Г.Н. София Киевская. — К., 1971. — С. 44), либо к XII в. (Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI — XV вв. — М., 1973. — Илл. 127; Коренюк Ю.А. Росписи апсиды крещальни в Софійському соборі в Києві // Древнерусское искусство. Византия. Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева. — СПб, 2002. — С. 412; Лифшиц Л.И. Росписи апсиды «Крещальни» Софийского собора в Киеве. К вопросу о датировке // СЮФИА. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. — М., 2002). Кстати, этим же раствором дополнена нижняя часть первоначальной фрески с образом св. Анфима в крещальне Софийского собора: примерно на уровне колен святого древняя штукатурка XI в. была сбита и заменена более поздней штукатуркой XII в., на которой выполнили роспись, дополняющую предыдущую. При этом штукатурка XII в. была нанесена на стену XI в., и лишь сравнение составов двух фресковых растворов и явная грань между древней фреской и позднейшим дополнением позволяют определить следы ремонта фрески в XII в. Вполне вероятно, что подобный ремонт в конце XI — XII вв. был произведен в Десятинной церкви. Именно к этому ремонту, как показывает близость состава фресковых растворов из крещальни Софии Киевской и обнаруженного в 2010 г. фрагмента из Десятинной церкви, логично отнести последний. Однако археологами такой вариант интерпретации даже не рассматривался, поскольку основное внимание было уделено акценту на различия между соста-

му же, упомянутая Г.Ю. Ивакиным, В.К. Козюбой и др. стратиграфия раскопа (конец X—XVII вв.), в котором был найден блок, ими не опубликована. Мы, вслед за предыдущими исследователями убеждены, что наиболее древняя штукатурка Десятинной церкви как раз та, которая идентична софийской, и именно она изготовлена «мастерами от Грекъ». Эта очень прочная штукатурка с измельченной цемянкой и *со шлаком от производства мозаичной смальты как наполнителем* выявлена и на *фрагментах мозаик* Десятинной церкви, украшавших древнейшее центральное ядро, что надежно фиксирует ее строительную изначальность⁹¹. Этот бесспорный факт никто из наших оппонентов никак не пытается объяснить, предпочитая его просто не замечать.

9. Строительство Софии во втором десятилетии XI в. подтверждается и данными, которые были получены во время *археологических исследований* прилегающей к собору территории. Совсем недавно возле Софии Киевской археологами обнаружены остатки мощного комплекса по производству строительных материалов для возведения собора. По керамическому материалу авторы раскопок датируют его концом X — началом XI века⁹².

10. *Источники конца XVI—XVIII вв.* свидетельствуют, что традиция связывать основание Софии с эпохой Владимира бытовала в Киеве в течение столетий. Об этом говорят в своих записках посетившие Киев и Софию чужеземные путешественники Мартин Груневег (1584 г.) и Эрих Ляссота (1594 г.), это же зафиксировано в латинском документе 1595 г. из Тайного Ватиканского архива (названные свидетельства цитируются ниже).

Основание Софийского собора указывалось под 1011 годом в двух заглавных надписях этого периода — титульном, над входом

вом фресковой штукатурки Софии Киевской и Десятинной церкви с целью показать большую хронологическую лакуну между обоими храмами и обосновать выдвигаемую Г.Ю. Ивакиным и др. весьма шаткую гипотезу об архитектурной разнотипности Десятинной церкви (якобы базилики) и Софии (крестовокупольного храма). Критику этой гипотезы см.: Гордієнко Д.С. Ще раз про реконструкцію образу Десятинної церкви в Києві // Праці Центру пам'яткознавства. — Вип. 15. — К., 2009; Час заснування Софії Київської: Пристрасті довкола мілленіума. — К., 2010. — С. 111—118.

⁹¹ Ганзенко Л., Коренюк Ю., Меднікова О. Нові дослідження... — С. 73.

⁹² Ієвлев М., Козловський А. Забудова центральної частини «міста Ярослава» поблизу Софійського собору в XI ст. // Ruthenica. — VIII. — 2009. — С. 150.

в собор (вероятно, конца XVI в.)⁹³ и ктиторском (1634 г.) — митрополита Петра Могилы, сделанном по его заказу на четырех подпружных арках центрального купола⁹⁴.

Указанный в упомянутых надписях Софии 1011 г. называется временем основания собора и в статистических «Описаниях Киевского наместничества» 70—80-х гг. XVIII в., что свидетельствует об официальном признании этой даты⁹⁵.

Год 1011 как дата основания Софии признавался в Украине до конца XVIII в., то есть, до того времени, когда царским правительством была осуществлена унификация всех официальных сведений о вошедших в состав империи украинских землях. Лишь после 1797 г., с созданием Киевской губернии, здесь официально утверждается «хрестоматийная» летописная дата 1037 г.⁹⁶ Выработанную к тому времени официальную концепцию отечественной истории выражает «История государства Российского» историографа Российской империи Н.М. Карамзина, который без всяких комментариев и сомнений излагает версию ПВЛ о создании Софии Киевской в 1037 г. на месте сражения Ярослава с печенегами⁹⁷. Уже в книге киевского историка М.Ф. Берлин-

⁹³ Титульную надпись упоминают очевидцы в публикациях XIX в. В 1862 г. протоиерей Софийского собора П.Г. Лебединцев засвидетельствовал, что дата 1011 г. указывалась временем основания собора в надписи над главным западным входом в Софию (Киевские епархиальные ведомости. — 1862. — С. 214). Об этой же входной надписи сообщает и неизвестный автор статьи «Вести из Киева», опубликованной в 1851 г. в «Москвитянине»: «На западной стороне храма, над главным входом открыта недавно следующая надпись: «храм сей святой нача соиздаться от Р.Х. 1011 года, а совершися и освятися 1038»: Москвитянин. — 1851. — С. 22.

⁹⁴ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 54—55. Здесь мы впервые обратили серьезное внимание на эту надпись как на один из аргументов в пользу предложенной нами датировки собора.

⁹⁵ Описи Київського намісництва 70—80-х рр. XVIII ст.: Описово-статистичні джерела / АН УРСР. Археогр. комісія та ін. / Упор. Г.В. Болотова та ін.; Редкол.: П.С. Сохань та ін. — К., 1989. — К., 1989. — С. 32, 89, 292.

⁹⁶ Час заснування Софії Київської... — С. 36 — 38. О последовательной унификационной политике Российской империи в Украине, начиная с конца XVIII в., устраниении локальных особенностей, в том числе и в культурно-конфессиональной сфере, см.: Шандра В. Генерал-губернаторства в Україні: XIX — початок XX століття. — К., 2005. — С. 371—372; Шандра В. Генерал-губернаторства як форма управління українськими губерніями у складі Російської імперії // Регіональна історія України. Зб. наук. статей. — К., 2007. — Вип. 1. — С. 155—166.

⁹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. — Т. 2—3. — М., 1991. — С. 20. Концепция эта строится на следующем постулате:

ского, написанной в 1798—1799 г., и не свободной как от великодержавной официальщины, так и от непоследовательности, а порой и путаницы, говорится, что Софийский собор заложен Ярославом в 1036 г., а освящен Феопемптом в 1037 г.⁹⁸

Разумеется, приведенные уникальные сведения источников конца XVI—XVIII вв. ни в коем случае нельзя игнорировать как «поздние», тем более что в вопросе датировки Софийского собора они перекликаются с данными древнейших письменных и эпиграфических источников, а также с результатами натурных исследований памятника. Особенно важным представляется тот факт, что дата 1011 г., полученная нами в результате сопоставления данных граффити с днями освящения Софии, прямо указывалась в надписях позднейшего времени, сделанных в ней самой и названа годом ее основания.

Дабы читатель получил объективное представление о сведениях источников конца XVI—XVIII вв. относительно времени появления Софийского собора, приведем эти тексты и прокомментируем их.

Мартин Груневег (запись 1584 г.). «Этот Владимир привел с собой из Греции разных умелых ремесленников, с помощью которых он соорудил в своей стране много красивых церквей и монастырей. На упомянутой выше горе, которую теперь называют старым киевским градом, соорудил он красивую большую церковь по примеру и названию св. Софии Константинопольской. Она стоит в преимущественной части и ныне... Подобно тому, как епископ Оникс построил в Египте храм по примеру иерусалимского, так и упомянутый князь Владимир этой церковью Софии наследовал константинопольскую» (перевод с укр. — *Авт.*)⁹⁹.

Мартин Груневег — львовский купец немецкого происхождения. Его сообщения как человека любознательного и весьма наблюдательного с большой точностью передают то, что он увидел

«Нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историк, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, Архивах» (Карамзин Н.М. История... — Т. 1. — М., 1989. — С. 18).

⁹⁸ Берлинский М.Ф. Історія міста Києва. — К., 1991. — С. 4, 15, 41.

⁹⁹ Ісаєвич Я.Д. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь: Культура, традиції. — К., 1982. — С. 122—124.

и услышал в Киеве, особенно в Софийском соборе, который он внимательно осмотрел. Полагают, что Груневег, говоря об истории Киева, опирается как на данные популярных в то время хроник, так и на информацию своих знакомых киевлян. Но его информация о сооружении Софийского собора Владимиром уникальна, поскольку в хрониках она отсутствует. Можно полагать, что Груневег получил ее в самой Софии от ее клириков.

Эрих Ляссота (запись 1594 г.). «Между церквами киевскими в особенности была великолепна и красива церковь, называемая Св. Софией; по обширности не было ей подобной; построена она царем Владимиром по образцу Св. Софии в Константинополе. Церковь эта существует и ныне, но очень обветшала... В одном месте верхней галереи, поднявшись несколько вверх по круглой лестнице, входят в башенку, в которой, как говорят, Владимир обыкновенно держал свой совет; она называется *Stolicza Volodimivov*; это хорошенькая светлая комнатка... Еще в каплице, в гробнице из прекрасного белого алебаstra, лежит князь Ярослав, сын Владимира, вместе с супругою»¹⁰⁰.

Эрих Ляссота — онемеченный славянин из моравской шляхты, дипломат, состоявший на службе у императора Рудольфа. По его поручению он ездил к запорожцам, дабы склонить их к борьбе с крымскими татарами. На своем пути посетил Киев и описал его в своем дневнике. Судя по всему, Софию ему показывали местные жители, скорее всего, клирики храма, который тогда приводился в порядок митрополитом Михаилом Рагозой накануне Берестейской унии 1596 г.¹⁰¹ Интересно, что Ляссота хорошо различает Владимира и Ярослава, причем первого называет царем, как он и был изображен на княжеском портрете в Софии, а второго — князем.

Достоверным представляется и свидетельство Ляссоты о княжеской светлице в башне. Действительно, вверху южной («мужской») лестничной башни Софии, по которой поднимался на второй этаж князь со своей свитой, к подкупольному светлomu помещению зального типа, примыкало прямоугольное помещение (княжеская «палата»?), перекрытое коробовым сводом¹⁰². Ви-

¹⁰⁰ Сборник материалов для исторической топографии Киева... — С. 16.

¹⁰¹ Нікітенко Н. Свята Софія Київська... — С. 224—227.

¹⁰² В этом можно убедиться, познакомившись с макетом-реконструкцией древнего вида собора, выполненным историками архитектуры Ю.С. Асеевым, В.П. Волковым и Н.И. Кресальным, экспонирующимся в нартексе Софии. План-реконструкцию собора см.: Логвин Г.Н. Собор Святої Софії... — С. 35.

димо, в одном из этих смежных между собой помещений, предназначенных для князя и его свиты, стоял стол (престол) Владимира — отсюда название помещения — «столица Володимирова».

Донесение неизвестного автора о русской религии, русинах и русских епископах. Документ 1595 г. (перевод с лат. и комментарий Н.А. Синкевич). «Руская религия, как и у всех народов после Великого Потопа, была культом фальшивых богов. Она придерживалась лжи и хитростей демонов вплоть до времен князя Владимира, который имел власть над всей Русью. Этот Владимир во времена греческих императоров братьев Константина и Василия, у которых и сестру [их] в жены взял, принял христианскую религию и церковный обряд от Восточной Церкви, а именно — от Константинопольского патриарха после 980 года от Рождества Христова как говорят их хроники. Этот Владимир основал и одарил митрополичью резиденцию (*sedem metropolitanem*, среди значений которого и кафедра. — прим. Н.А. Синкевич) Киева, который был главой и митрополией для всей Руси»¹⁰³.

Донесение неизвестного автора о русинах, их религии и церковной иерархии имело целью познакомить папский престол с главными известиями о народе и иерархии Церкви, которая должна была вступить в унию с Римом. Автор был католиком, вероятнее всего, поляком, поскольку хорошо ориентируется в церковно-политической ситуации в регионе. Он хорошо знаком с польской историографией того времени. Большинство фактических известий взято из «Хроники Польской» Мартина Кромера. Однако информация об основании Владимиром митрополичьей резиденции (под которой чаще всего понимается главный храм митрополии) является новой. Она не встречается ни у Кромера, ни у других польских авторов того времени и почерпнута автором из неизвестных на сегодня источников.

Ктиторская надпись Петра Могилы (1634 г.). Этот большой, художественно оформленный текст, кратко излагавший «летопись» собора, читался на четырех подпружных арках центрального купола, начиная с северной стороны (рис. 11). Начало текста на северной арке содержало в себе дату основания собора: «Изволениѣмъ Божиѣмъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ въ лѣто ААІ (1011. — *Авт.*) благовернымъ княземъ и самодержцемъ всея Россіи Ярославомъ-Георгіемъ Владиміровичемъ».

¹⁰³ Monumenta Ucrainae historica. — Roma, 1964. — V. 1 — P. 87—89.

Рис. 11. Надпись Петра Могилы на арках центрального купола. Фото 1930-х гг.

Рис. 12. Надпись Петра Могилы. Деталь. Дата 1011 г.

Согласно тексту надписи, собор был основан Ярославом, но в 1011 г., то есть фактически при Владимире, завершен в 1037 г., а освящен 4 ноября 1038 г. митрополитом Феопемптом.

Далее в надписи говорилось о пребывании Софийского собора с 1596 по 1631 г. в руках униатов и панегирически упоминается «Владислав Четвертый, великий король Польский», возвративший собор православным, а завершалась надпись сообщением о начале реставрации Софии в 1634 г. на средства митрополита Петра Могилы.

Прежде всего, обращает на себя внимание дата основания собора (рис. 12): первая большая буква **Ѧ** означает 1000, за ней две меньшие — **Ѧ** (один), а под ней — **Ѩ** (десять), то есть число 11 записано в характерном для славянского письма инверсионном порядке, отражающем особенность его произношения.

Реставраторы середины XX в. не сомневались, что эта уникальная надпись принадлежит времени Петра Могилы. Да и со-

держание текста прямо указывает на выполнение надписи в 1634 г. по его заказу, то есть это, вне всяких сомнений, документ аутентичный. Дата 1011 г., изначально стоявшая в надписи, по всей вероятности, в самом конце XVIII — начале XIX в. была шпаклевана и заменена на летописную дату 1037 г. Поэтому в книге митрополита Евгения (Болховитинова), изданной в 1825 г., вместо даты 1011 год подано 1037 г.¹⁰⁴

При реставрации середины XIX в. дата 1011 год была вновь открыта из-под шпаклевки¹⁰⁵ и оставалась в надписи вплоть до-

¹⁰⁴ [Евгений Болховитинов, митрополит] Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. — К., 1825. — С. 34. Ссылаясь на свидетельство Евгения Болховитинова, А.П. Толочко утверждает, что дата 1037 г. стояла здесь изначально и совершенно безосновательно считает эту надпись ретроспективной, выполненной «в конце XVII или даже в XVIII в. (вероятнее всего, при митрополитах Гедеоне Святополке-Четвертинском или Иоасафе Кроковском)». См.: Толочко О.П. Так званий «напис Петра Могили»... — С. 4, 5, 18, 24. Но наш оппонент ошибается, ибо вступает в противоречие как с содержанием надписи, так и с церковной традицией. Во-первых, он допускает вопиющий анахронизм, поскольку в надписи с почтением и в качестве правящего упоминается «Владислав Четвертый, великий король Польский», который возвратил Софию православным. Возможен ли был такой панегирик католическому королю в главном храме Киевской митрополии после 1654 г., когда Украина вошла в подданство московского царя? Во-вторых, мнение А.П. Толочко выглядит абсурдным и с точки зрения церковной обрядности, ведь по православной традиции, каждый Киевский митрополит на каждой ектении молился за своего правящего государя, после 1654 г. — московского царя, вовсе не упоминаемого в надписи 1634 г. Это и понятно, ведь в 1634 г. Петр Могила был законопослушным подданным Владислава IV. Подробнее о дискуссии по этому вопросу см.: Н.М. Нікітенко, В.В. Корнієнко, Т.М. Рясная. Багато галасу з нічого...

¹⁰⁵ А.П. Толочко, опять-таки неправомерно, считает, что дата «1011 год» была по ошибке поставлена в надписи вместо «правильной» — 1037 г. реставраторами середины XIX в., в грамотности которых он сомневается. См.: Толочко О.П. Так званий «напис Петра Могили»... — С. 18, 24. Однако его вывод не опирается на реставрационные отчеты середины XX в., в которых нет упоминания об интерполяции даты 1011 г. в более ранний текст, а говорится о надписи как о выполненной на едином грунте, целостном тексте. Кроме того, оппонент напрасно игнорирует свидетельства очевидцев о наличии даты 1011 г. и в «старинной» надписи над главным входом в Софию еще до реставрации середины XIX в., а также казуистически трактует данные источников XVIII в, единогласно приводящих эту же дату в записи о годе основания собора. В результате историк приходит к весьма туманному выводу: «Это могло быть следствием какой-то ошибки, неизвестных нам расчетов, или же случая» (Толочко О.П. Так званий «напис Петра Могили»... —

середины XX в. К великому сожалению, надпись — ценнейший исторический документ — в 1953 г. была уничтожена реставраторами как «дисгармоничная» древнему интерьеру, с тем, чтобы имитировать здесь масляными красками мозаичный орнамент XI в. К сожалению, таковой была тогда концепция реставрации: открыть древнюю живопись храма и снять «антихудожественные поздние наслоения».

Недавно Т.Н. Рясная обнаружила в научном архиве Национального заповедника «София Киевская» сделанные в 30-е гг. XX в. негативы и фотографии этой надписи и опубликовала их¹⁰⁶. Текст надписи на них вполне читается, и дата 1011 г. в его начале видна весьма отчетливо. Это очень ценная находка, ведь она дала возможность увидеть надпись *in situ* и воочию убедиться в наличии в ней указания именно 1011 г.

Заказывая эту надпись, митрополит Петр Могила — знаменитый иерарх и церковный эрудит — по всей вероятности, имел в своем распоряжении архивные материалы, сохранявшиеся в Софийском монастыре и сторевавшие при пожаре 1697 г.

Кроме того, Петр Могила реставрировал Софийский собор, в первую очередь, его алтарную часть с престолом, и мог получить какие-то факты, извлеченные из самого храма. Из Требника Петра Могилы, обобщившего обрядовую практику православной Церкви, начиная с древних времен, следует, что при основании храма на место будущего престола закладывали четырехугольный (краеугольный) камень с изображением креста, в центре которого делалось отверстие для мощей святых и для пергамента либо медной пластинки с надписью о том, когда основан храм¹⁰⁷. На подобный обряд указывает и Киево-Печерский патерик¹⁰⁸. Ис-

С. 16). Но даже не историку понятно, что мы имеем дело со стойкой традицией, на которую невозможно закрыть глаза или же объявить ее случайностью. См.: Н.М. Нікітенко, В.В. Корнієнко, Т.М. Рясная. Багато галасу з нічого...

¹⁰⁶ Рясная Т.М. З історії поповнення втрат на мозаїчних композиціях Софії Київської // Софійські читання. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь» (Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). — К., 2009. — С. 509–511.

¹⁰⁷ Требник Петра Могилы. Перевидання з оригіналу 1646 року / Упор. А. Жуковський. — Канберра-Мюнхен-Париж, 1988. — Ч. 2. — С. 53.

¹⁰⁸ Киево-Печерський патерик (вступ, текст, примітки) / Підгот. до видання Д. Абрамович. — К., 1931. — С. 6.

следования древних храмов в Киеве и Чернигове подтвердили факт заложения мощей в специальные тайники под престолом¹⁰⁹.

Раскопками М.К. Каргера в Софии Киевской в 1940 г. также была найдена медная коробочка с мощами св. Пантелеймона, о чем свидетельствовала надпись на ней. К сожалению, эта реликвия утрачена, но в фондах заповедника сохранилась полевая опись предметов, найденных при раскопках 1940 г. (инв. № НА-924). Сам факт находки мощеницы говорит о том, что ее мог видеть и Петр Могила, капитально ремонтировавший престол. Святые мощи, как это обычно делалось при ремонте храмов, оставили на месте, а надпись могли извлечь как реликвию для ризницы Софии.

Можно предположить наличие еще одного источника информации, как для Петра Могилы, так и для его предшественников. При реставрации княжеского портрета в 1935 г., иллюстрирующего, как теперь выяснено, обряд заложения/освящения Софии при Владимире, была обнаружена горизонтальная графья под сопроводительную надпись, позже утраченную. Поскольку такая надпись поясняла исторический сюжет, она могла начинаться датой изображенного на фреске события.

Во всяком случае, Петр Могила, прекрасно зная летописи и считая строителем собора Ярослава, тем не менее, при указании даты основания собора руководствовался какими-то иными, причем вполне достоверными в его понимании фактами. Они-то и побудили его поставить отправную для «биографии» собора точную дату 1011 г. (а не 1017 г. либо 1037 г.) в наиболее ответственной надписи, содержащей в себе главную информацию о соборе и доводившую его историю до 1634 г. Интересно, что в этой информации дату 1011 г. Петр Могила «привязал» к летописному 1037 г. как времени завершения собора и к указанию Святцев о его освящении 4 ноября, датировав это событие 1038 годом.

Тот непреложный факт, что Петр Могила знал о возникновении собора при Владимире, засвидетельствовали и другие результаты восстановительной деятельности митрополита в соборе. Это, во-первых, создание здесь усыпальницы для обретенных им мощей Владимира; во-вторых, устройство рядом с ней Владимирского алтаря; в-третьих, внесение коррективы в княжеский

¹⁰⁹ Холостенко Н.В. Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 199—202.

портрет, в результате чего Ярослав предстал на фреске завершителем дела отца в создании собора¹¹⁰.

Описания Киевского наместничества 70—80-х гг. XVIII в. О Софии Киевской здесь сказано: «Начато строєніе оной въ лѣто 1011-е, кончено въ 1037-мъ, а 1038-го, ноября 4 ... освящена»¹¹¹. «Начато строєніе оной въ лѣто 1011-е, кончено въ 1037-м. В 1038, ноября 4 ... освящена»¹¹². «Начато строєніе оной въ лѣто 1011-е, кончено — въ 1037, а 1038-мъ, ноября 4-го преосвященным Феопемптом ... освящена»¹¹³.

Эти статистические описания, вне сомнения, отталкивались от ктиторской надписи Петра Могилы на арках центрального купола Софии, а также опирались на документы архива Киевской митрополии, в частности, на заметки к истории Софийского монастыря¹¹⁴.

* * *

Итак, прошедшее солидную апробацию комплексное изучение эпиграфических и письменных источников, содержания сюжетов, особенностей стиля мозаик и фресок Софии, результатов лабораторных анализов ее фресковой штукатурки и поливных плит пола, а также археологических раскопок возле собора, дают возможность датировать его 1011—1018 гг., следовательно, концом правления Владимира — началом княжения Ярослава.

В свете имеющихся на сегодняшний день данных реконструировать ход строительства главного храма Руси можно следующим образом. Софийский собор был возведен в правление Владимира, тогда же окружен деревянными монастырскими сооружениями. При этом же князе было начато декоративное оформление собора. Пока мозаичисты декорировали центр собора, фрескисты работали на его периферии, постепенно приближаясь

¹¹⁰ См. Нікітенко Н. Свята Софія Київська... — С. 229—248.

¹¹¹ Описи Київського намісництва... — С. 32.

¹¹² Там само. — С. 189.

¹¹³ Там само. — С. 292.

¹¹⁴ Эта рукопись сохранилась в архиве. См.: Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. — Ф. 129: Киево-Софийский монастырь, оп. 1, дело 10. Заметки к истории монастыря (неустановленного автора). 1758 — 1760 гг. Так значится в описи. На самом деле, это рукопись 1770 г., составленная кафедральным писарем Киево-Софийского собора, позже игуменом Выдубицкого монастыря Иаковом Вороньковским.

к центру, где под куполом стояли леса; поэтому в последнюю очередь могли возникнуть фрески подкупольного креста. Г.Н. Логвин, исследовавший стыки фресковой штукатурки определил, что собор расписывали от периферии к центру. Нахлесты стыков штукатурки указывают, что мастера, прежде всего, расписали алтари, хоры, галереи и башни, а затем приступили к росписи центральной части храма¹¹⁵. Смерть Владимира приостановила работы на стадии росписи фресками западной части центрального нефа, где на западной подкупольной арке также не была завершена мозаичная композиция «Сорок севастиийских мучеников» (здесь фреска неожиданно вторгается в зону мозаичного декора).

Работы заканчивали в самом начале правления Ярослава, причем расписывали собор уже только фреской, даже в месте мозаики, так как в период усобицы 1015—1019 гг. было трудно наладить сложное производство мозаичной смальты. Именно тогда в западной части центрального нефа был написан групповой портрет семьи Владимира, символизировавший крещение Руси. Одновременно в северную галерею уже возведенного и украшенного живописью собора по заказу Ярослава была встроена его усыпальница, что хорошо прослеживается в архитектуре и стенописи собора. Ярославу принадлежит также заслуга ремонтных работ и обустройство подворья после окончания строительства и пожара 1017 г.

Изложив основные положения нашей концепции, в следующих главах данного исследования остановимся на углубленном анализе уникального источника — древнейших надписей-граффити, вызвавших колоссальный интерес в широких общественных кругах и ставших предметом острой дискуссии в современной науке.

¹¹⁵ Логвин Г.Н. Новые наблюдения в Софии Киевской // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 154—160.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФФИТИ НА ФРЕСКАХ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Успехи современных эпиграфических исследований в Софийском соборе обусловлены применением более совершенной методики изучения граффити. Учитывая неровности и повреждения поверхности фресок, слабо расчищенные от шпаклевки прорези, их низкий рельеф, исследование граффити путем изготовления эстампов малоэффективна. Это обстоятельство принудило нас отдать предпочтение наработанной С.А. Высоцким методике, предусматривающей фотографирование граффити, изготовление фотографии и выполнение по ней прорисовки. Так же поступили и наши российские коллеги, в частности, А.А. Евдокимова С.М. Михеев, А.Ю. Виноградов¹.

Во время изучения надписей согласно этой методике, исследователь на первом этапе предварительно предполагает алгоритм прочтения текста, после чего фотографирует граффити под разными углами освещения. В дальнейшем, по наиболее качественной фотографии, в кабинетных условиях выполняется прорисовка прорезей и предлагается окончательная реконструкция текста. Недостатком описанной выше схемы является замена предмета исследования: вместо изучения оригинала надписи большую часть времени ученого занимают фотографии. В некоторых случаях они выступают единственным источником информации для исследователя. Например, некоторые опубликованные в книгах С.А. Высоцкого фотографии стали предметом изучения для дру-

¹ С применяемой ими методикой изучения граффити мы познакомились во время их работы по исследованию греческих и древнерусских надписей непосредственно в Софийском соборе.

гих ученых (В.Л. Янина, А.А. Турилова, А.А. Зализняка)², в результате были предложены «кабинетно» откорректированные прочтения некоторых надписей, порой кардинально отличающиеся от чтений публикатора³.

Описанная выше методика изучения древнерусских (и не только) надписей достаточно распространена, однако именно в ее основе кроется возможность вместо реально существующего на стене текста получить тот, который существует лишь в воображении исследователя. Поэтому нами сознательно была изменена последовательность этапов изучения граффити и внесены существенные коррективы в сам процесс их фиксации⁴.

На первом этапе нами исследуется поверхность стены на предмет выявления *всех* существующих здесь граффити, определяются границы каждой надписи и рисунка, которые фотографируются при боковом скользящем сбалансированном освещении⁵. Источник освещения располагается под острым углом по отношению к плоскости стены и под углом в 45° по отношению к условной горизонтали строки надписи или рисунка. Объектив фотоаппарата, закрепленного на штативе⁶, по возможности, уста-

² Янин В.Л. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2; Турилов А.А. Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М., 2000; Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гippiус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). Т. XI. — М., 2004.

³ Впрочем, во многих случаях — и от оригинального древнерусского текста, выполненного на стене храма.

⁴ То есть, методика С.А. Высоцкого, положенная в основу современных эпиграфических исследований, нами значительно модифицирована и усовершенствована.

⁵ Это обстоятельство следует подчеркнуть, так как во время исследования древнейших датированных граффити Софийского собора С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов использовали при фотографировании сильный студийный прожектор. Слишком яркое освещение приводит к визуальной «потере» ряда прорезей, их контуры становятся размытыми и слабо отличимыми от других дефектов поверхности стены. При работе в кабинетных условиях за рассмотрением таких фотографий, что и делали упомянутые исследователи, невозможно избежать ошибок в идентификации букв. Детальнее это рассмотрено в следующей главе.

⁶ Следует заметить, что во время работы в соборе С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов проводили съемку граффити с рук, что при макросъемке неизбежно

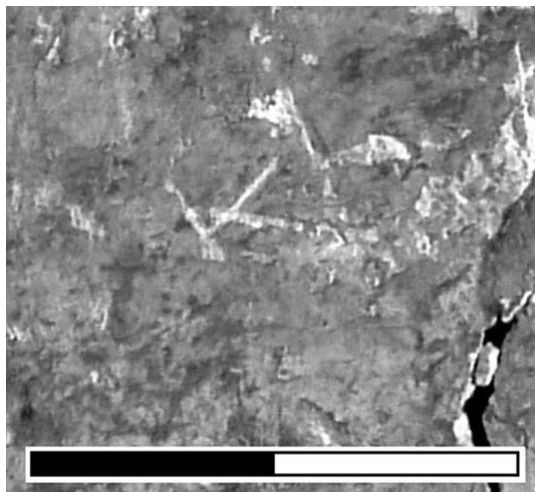

Рис. 13. Фотография псевдобуквы д, «созданной» двумя царапинами, выбоиной и неровностью поверхности стены

навливается перпендикулярно плоскости стены. Впрочем, в некоторых случаях, при условии неровности поверхности стены, угол наклона фонаря приходится несколько изменять.

Следует отметить также, что, учитывая существенные повреждения поверхности штукатурки, во многих случаях невозможно получить такой фотоснимок, на котором были бы четко видимы абсолютно все детали граффити. Кроме того, существующие повреждения штукатурки могут создавать на фотографии иллюзорную видимость дополнительных элементов надписи и рисунка, в реальности отсутствующих. Для примера можем привести «букву» д, «созданную» двумя царапинами, выбоиной и неровностью поверхности стены (рис. 13). Вместе с тем, некоторые прорезы могут выглядеть как обычные повреждения.

В условиях дальнейшего изучения снимков в кабинетных условиях, без постоянного обращения к оригиналу, исследователи довольно часто допускают досадные ошибки, «добавляя» отсутст-

ухудшает качество фотографий, не позволяя в должной мере рассмотреть отличия между прорезами и другими повреждениями штукатурки. В условиях работы с такими фотографиями сложно избежать ошибок, что будет показано в следующей главе.

вующие буквы, собранные из разных дефектов поверхности стены, в некоторых случаях, наоборот, избавляясь от «лишних» букв или их элементов, объявляя последние дефектами штукатурки или принадлежащими «другой» надписи. Кабинетную методику нельзя улучшить изготовлением нескольких фотоснимков под разными углами освещения и выполнением прорисовки по совмещенным снимкам, когда несколько таких фотографий накладываются одна на другую. Ведь в этой ситуации все же невозможно определить, являются ли спорные элементы прорезями, или же это повреждения штукатурки.

Вышеизложенные подходы открывают перед исследователем широкие возможности для корректирования текста или изображения соответственно собственному его толкованию. То есть, исследователь сознательно или непроизвольно «подтягивает» прорисовку под собственную реконструкцию текста⁷. Избегать такой опасности помогает изготовление прорисовки не в кабинетных условиях, а непосредственно в соборе, во время изучения оригинала надписи.

С этой целью нами печатается фотография граффити, по которой карандашом во время изучения выполненного на стене текста или рисунка наводятся контуры прорезей. Такая методика позволяет четко определить все составляющие надписи или рисунка, проследить этапы выполнения всех штрихов, отделить прорези или их фрагменты от случайных повреждений. Для работы нами используются увеличительные стекла с 4, 8 и 16-кратным увеличением, позволяющим до мельчайших подробностей проследить все доступные детали при обследовании участка стены в месте расположения граффити. При этом важно, чтобы источник освещения не был связан с увеличительным стеклом⁸, что позво-

⁷ Этот феномен читательского восприятия принято называть *предустановочной слепотой*: человек, имеющий установку на определенный текст, предварительно им прочитанный во время первого знакомства с граффити, субъективно видит его даже там, где он объективно отсутствует. То есть, предполагая, какой именно текст мог быть выполнен на стене, исследователь видит здесь именно этот текст. Некоторые отклоняющиеся от предполагаемого чтения особенности не воспринимаются. Конкретный пример этого феномена подробно рассмотрен Е.М. Верещагиным: Верещагин Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. — М., 2012. — С. 77—105.

⁸ Это необходимо подчеркнуть, так как во время работ в соборе С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым использовались увеличительные

ляет по необходимости изменять угол наклона освещения и линзы независимо друг от друга.

Такой тщательный анализ необходим для определения собственно прорезей, выбоин, случайных механических повреждений, таких как царапины, или для отделения составляющих исследуемого граффити от других надписей и рисунков, нередко накладывающихся на него. Для этого необходимо сравнить форму прорезей четко видимых элементов надписи с формой прорезей спорных частей, что позволяет отличить одни от других. Например, мелкие выбоины часто появляются из-за наличия мелких трещин в слое фресковой штукатурки, которые со временем разрастаются, приводя к выпадению небольших кусков раствора. В этом случае направление силы исходит от стены, поэтому никаких следов механического воздействия по направлению к стене по краям такого скола не наблюдается. Если же выпадение возникло вследствие механического повреждения извне, например, при выполнении надписи, то на одном из краев обязательно будут заметны следы такого воздействия. Данное обстоятельство позволит нам определить направление этого воздействия, что позволит проследить направление движения лезвия. В свою очередь, это поможет более четко представить, как именно выцарапывалась буква и, в случае спорной идентификации, определить ее правильно.

Направление движения лезвия устанавливается путем изучения характера повреждений фресковой штукатурки в прорези или возле ее краев. Дело в том, что когда резец двигается в ней, на его пути попадают небольшие пустоты. Их повреждения практически всегда имеют коническую форму, причем вершина конуса находится в точке, откуда двигался резец. Несколько таких поврежденных микропор позволяют без труда определить, что штрих прочерчивался снизу вверх или сверху вниз, слева на-

стекла с подсветкой на ручке. При всей эффектности внешнего вида такого инструмента, от него мало проку, так как жестко закрепленный источник освещения не позволяет высветить прорезь под разными углами, не меняя положения увеличительного стекла. Невозможность должным образом изучить форму прорезей приводит к их неполному восприятию, следствием чего являются ошибки в плане определения принадлежности к одной или нескольким надписям, направления движения лезвия и т.д. Конкретные ошибки, допущенные упомянутыми выше исследователями, рассмотрены в следующей главе.

право или справа налево. В случае попадания под лезвие небольшой твердой примеси она, выпадая, сдвигается в том же направлении, куда двигался резец, причем мелкая выбоина имеет ту же коническую форму.

Нелишним будет заметить, что в своем большинстве сохранность софийских граффити не идеальна, поэтому для подобного изучения прорезей доступны не очень большие участки. То есть, работа по исследованию граффити сопряжена с большими сложностями и требует от исследователя повышенного внимания и неоднократного обращения к изучаемому предмету, причем обязательно к его оригиналу⁹. Благодаря всем этим наблюдениям, мы можем максимально учесть все факторы, которые могли повлиять на форму прорезей. В свою очередь, это позволит уверенно определить спорные в плане идентификации буквы.

После того, как в надписи идентифицированы все возможные буквы, начинается этап реконструкции текста, причем алгоритм его восстановления строится лишь на основании *уверенно определенных знаков*. Часть такой работы, безусловно, проходит в кабинетных условиях, однако предложенные реконструкции постоянно проверяются при исследовании оригинала *in situ*, на предмет наличия достаточного места для восполнения утраченных букв. Лишь после таких проверок предлагается окончательный вариант реконструкции текста.

Исследование граффити по изложенной выше схеме дает возможность учесть все факторы, повлиявшие на них во время выполнения и дальнейшего существования. В свою очередь, это способствует восстановлению текста аутентичной надписи, реально существующей на стене, а не лишь в представлении исследователя. Ниже мы объясним, почему именно такая методика выбрана нами для изучения софийской эпиграфики.

В технологическом аспекте выполнение граффити происходило путем удаления острым твердым предметом частей фресковой штукатурки. Инструментами для этого, как определил еще С.А. Высоцкий¹⁰, служили иглы, писала или другие, близкие по

⁹ Об этом в свое время писал исследовавший софийские граффити С.А. Высоцкий: Высоцкий С.О. Декілька зауважень до «нотаток про давні київські графіті». // Археологія. — 1998. — № 3. — С. 133.

¹⁰ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 139.

форме орудия, которые имеют конические острия (шила, булавы), ножи. От формы лезвия примененного инструмента зависит и форма прорезей граффити, ниже мы покажем, как именно. Тем не менее, прежде чем перейти к освещению этого вопроса, следует рассмотреть структуру и свойства фресковой штукатурки, что позволит установить ее «поведение» во время выполнения граффити разными инструментами.

Исследование структуры фресковой штукатурки Софии Киевской было осуществлено еще в 1970-х гг.¹¹ Как было установлено, она является известковым тестом, к которому добавлялись разные виды минеральных и органических наполнителей. Соответственно их содержанию было выделено три группы фресковых растворов. Среди минералогических примесей к известковому тесту в растворах первой и второй групп, которые служили основой почти под все фрески собора, одним из основных компонентов были мелкие остроугольные кусочки шлаков от производства смальты, в меньшей мере — кусочки цемянки и зерен кварца (песка). Значительно реже применялся известковый раствор без наполнителя, имеющий белый цвет, чем он напоминает мел; этот раствор отмечается низкой прочностью. Среди органических наполнителей в известковом тесте первого типа встречаются остатки истлевшей соломы и кусочки древесного угля.

Итак, структура фрескового раствора пористая, прорезанная многочисленными капиллярами и канальцами, с органическими и минеральными вкраплениями. Густота таких вкраплений не является постоянной, местами они сосредоточены более плотно, местами — менее. Поверхность фрески не отличается идеальной гладкостью, довольно часто наблюдается рельефность, а также стыки штукатурки, когда один тонкий ее слой заходил на другой (швы дневной работы). Кроме того, как справедливо заметил С.А. Высоцкий, существенным фактором, от которого зависела твердость штукатурки, была ее влажность¹². В холодные периоды года на стенах собора конденсировалась влага, которая проникала через поры в штукатурке, смягчая ее. Соответственно, в теплое время года она отдавала влагу, становясь более твердой, а, следовательно, и более крохкой. Таким образом, материал, на ко-

¹¹ Стріленко Ю.М. Аналіз зразків... — С. 195—201.

¹² Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 138—139.

тором выполнялось граффити, отличался рельефностью, неоднородной структурой и плотностью. Каким образом эти его свойства влияли на структуру прорезей, выполненных разными инструментами?

Иголки. Выцарапанные этим инструментом прорези неглубокие, они проникают не глубже верхнего красочного слоя фрески. Тонкое острие при условии повышенной влажности позволяло не крошить штукатурку, а снимать ее верхний слой плавно в виде стружки. Вкрапления минеральных или органических примесей не служили существенным препятствием: в первом случае острие иглы их обходило, во втором — проходило по поверхности соломки или кусочку угля. Благодаря этому автору граффити удавалось выполнить правильные формы букв, так что создается впечатление, будто они выполнены по поверхности сырой, еще не высушенной штукатурки. Впрочем, коническая форма каналов прорезей позволяет установить, что граффити выполнено по уже затвердевшей штукатурке. В противном случае форма каналов прорезей была бы округлой.

При условии выполнения надписей или рисунков иглой в сухое теплое время года, частицы штукатурки крошатся, а минеральные и органические вкрапления создают существенные препятствия. Твердые минеральные примеси предопределяют срыв инструмента, следствием чего является разорванность линий; органические примеси приводят к выпадению большего количества штукатурки, поэтому в таких местах прорези также могут казаться разорванными. При таких условиях сложно достичь правильных форм написания букв, в частности, округлых элементов, которые становятся ломанными.

Пример попадания органической примеси под острие иглы можем видеть в надписи № 723¹³ при выполнении буквы **в** (третья слева в нижней строке): фрагмент соломы выкрошился, поэтому автор вынужден был выполнить букву вторично рядом (рис. 14). Однако при этом внутри выбоины остались следы от иглы, которые позволяют восстановить форму и этой буквы. Рассмотреть эти особенности без обращения к оригиналу, только по фотографии, абсолютно невозможно.

¹³ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 132, табл. IV, 4.

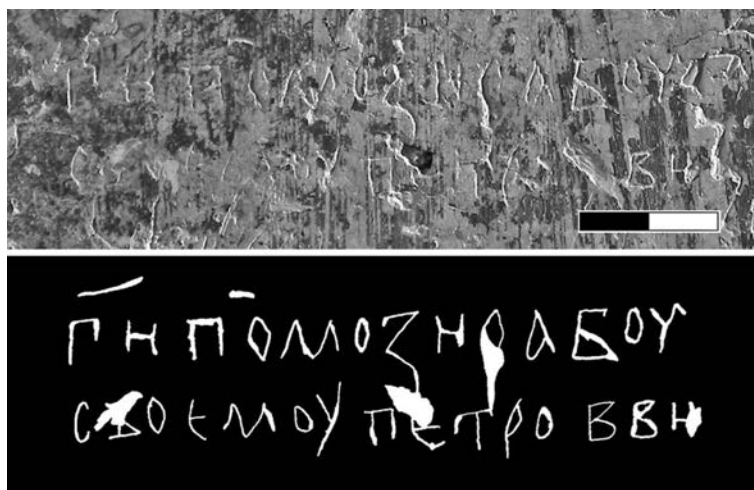

Рис. 14. Фотография и прорисовка граффити № 723

Ножи. Острое плоское лезвие ножа проникает довольно глубоко в слой штукатурки, особенно в средней части прорезей. Следовательно, прорези в начале и в конце штриха более узкие и менее глубокие, чем посередине. Вкрапления твердых минеральных примесей в случае их попадания под лезвие приводят к выпадению больших объемов штукатурки в случае сильного давления на инструмент или же к изменению направления линии в случае слабого давления. Органические примеси чаще всего выпадают вместе с окружающими фрагментами штукатурки; впрочем, в отдельных случаях они могли выпадать не сразу, а со временем, поскольку лезвие повреждало связи между примесью и окружающей известью.

В случае повышенной влажности эти явления сказываются слабее, чем в случае выполнения надписей по сухой штукатурке. Пустоты могут приводить к срыву резца, ведь лезвие сворачивает в сторону меньшего сопротивления, особенно, когда направление его движения и расположение капилляра или прорези другой записи почти совпадают. На форму прорезей влияет рельефность поверхности фрески, ведь это также предопределяет разорванность или разную толщину линий одной прорези. Кроме того, любой поворот лезвия ножа приводит к выпадению значительных кусков штукатурки, поэтому при выполнении надписей этим

инструментом преимущество принадлежит не округлым, а прямым линиям. Следовательно, это обстоятельство необходимо учитывать во время палеографической датировки надписей. Например, появление петли с заломом или двумя заломами может быть обусловлено не особенностями написания букв в определенный период, а лишь спецификой выполнения надписи ножом.

Писала или другие подобные инструменты. Следует отметить, что большинство граффити Софии Киевской выполнялись именно этими инструментами. Процесс и проблемы выцарапывания надписей ими в целом сходны с выполнением надписей ножом, ведь острое коническое лезвие так же сильно углубляется в штукатурку. Форма лезвия позволяет выполнять практически одинаковой толщины прорезы, в том числе и плавные округлые линии. Однако спецификой формы прорезей, сделанных этим инструментом является то, что в начале они тоньше и менее глубоки, чем в конце. Попадание под лезвие твердых минеральных примесей, как и при написании граффити ножом, приводит к выпадению фрагментов штукатурки или к изменению направления линии, а органические примеси чаще всего выпадают. Рельефность поверхности фрески также предопределяет разорванность или разную толщину линий одной прорези. Все это порой значительно усложняет идентификацию отдельных букв.

Для примера можем привести надпись на фреске с образом св. Пантелеймона, текст которой состоит лишь из одного имени **Ана** 'Анна' (рис. 15)¹⁴. Во время выполнения букв **н** и второй **а** рука писавшей свое имя соскользнула, вследствие чего первая буква получила весьма высокую диагональную перемычку и стала похожей на **п**, а во втором случае спинка **а** не сомкнулась с петлей, приобретя вид **и** с диагональной перемычкой.

Итак, выполнение граффити требовало от автора некоторых физических усилий и определенных навыков. Форма прорезей зависела как от вида инструмента, так и от структуры фресковой штукатурки в месте их выполнения. В сущности, сам материал для письма часто вел рукой автора, поэтому крайне важно обращать внимание на направление движения лезвия, ведь порой это движение может совпадать с естественными пустотами, например,

¹⁴ Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В. Анна Ярославна та її автографи на стіні Софії Київської // Сіверщина в контексті історії України. Збірник наукових праць. — К.-Глухів, 2010. — Вип. 3. — С. 95—97, рис. 3.

Рис. 15. Фотография и прорисовка граффити № 2187

гнездами от сгнившей соломы. Данный фактор следует учитывать во время прочтения надписи в плане определения той или другой буквы, ведь нередко разорванность прорезей может придавать ей совсем иной вид. Тщательное изучение направления движения лезвия позволяет более четко установить, какую именно букву выполнил автор записи, так как нередко она, вследствие повреждений, может иметь абсолютно иные очертания.

Следует учитывать и специфику выполнения надписи во время выделения палеографических признаков для датирования граффити. И, вдобавок, довольно часто, ввиду отсутствия у автора необходимых навыков, строки выходили неровные, буквы имели разный наклон в строке и разные раз-

меры. Часто наблюдается рост их размеров, нередко первые буквы текста в несколько раз меньше, чем последние. А в некоторых записях лишь отдельные буквы имеют увеличенные размеры. Эти явления обусловлены тем, что на больших буквах в меньшей мере отражаются упомянутые выше недостатки структуры штукатурки, такие буквы легче выцарапывать.

В качестве примера подобных текстов можем привести опубликованную С.А. Высоцким под № 132 молитвенную надпись на южных хорах¹⁵, или же текстовую часть записи учета количества проведенных поминальных служб в виме придела свв. Иоакима и Анны (рис. 16).

¹⁵ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 306—307, табл. XXXVIII, XXXIX.

Однако на вид граффити влияют и другие факторы. Не следует забывать, что надписи и рисунки, возникшие в определенный промежуток времени, не оставались «застывшими» в ожидании прихода исследователя, а изменялись вместе с материалом, на котором они выполнены. То есть, история граффити неотделима от судьбы фресок, на которых они находятся. Можем выделить естественные и антропогенные факторы по направлению их влияния на фресковую штукатурку и граффити на ней.

Естественные факторы. Следует учитывать сезонные колебания температурно-влажностного режима в помещении Софийского собора, под действием которых фресковая штукатурка выветривалась, медленно разрушаясь. Мелкие каналы и капилляры служили теми пустотами, где накапливалась влага, которая зимой промерзала, льдинки расширялись, вызывая разрушение вокруг себя. Нельзя не учитывать и возможные факторы затекания воды, вызвавшие значительные по объемам вывалы древней штукатурки. Поскольку прорезы нарушали ее структуру, выветривание служило причиной постепенного сглаживания прорезей.

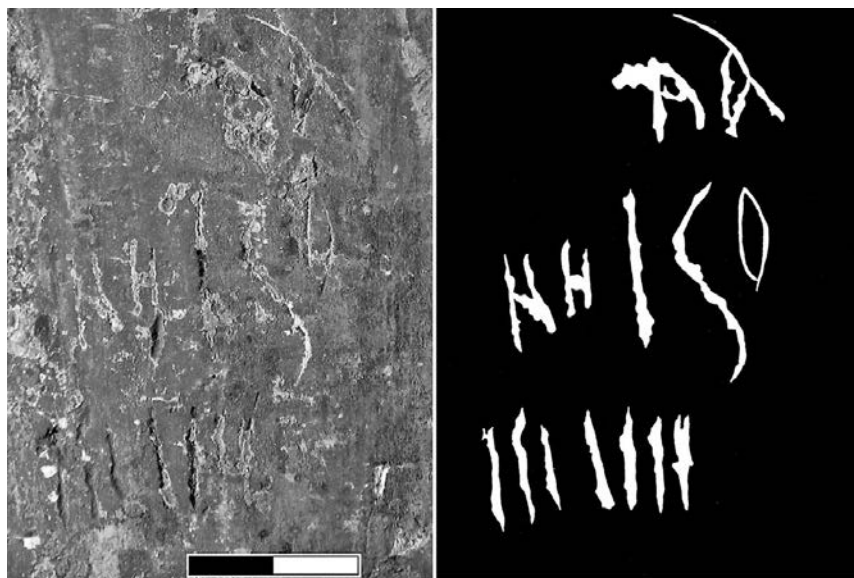

Рис. 16. Фотография и прорисовка граффити № 2522

Интенсивность этого процесса зависит от колебаний температуры и уровня влажности, поэтому вполне естественно, что осыпанию, прежде всего, подвергаются верхние части каналов прорезей возле самой поверхности. В таких случаях можем также наблюдать выпадение довольно значительных по размерам фрагментов штукатурки, когда, например, возле самого края прорези находилось минеральное или органическое вкрапление, которое со временем выпало, визуально изменив форму элемента буквы. Например, округлая петля приобретала вид петли с заломом. Установить ее истинную форму возможно лишь в том случае, когда удастся проследить направление движения лезвия. Или же разрушалась капсула вокруг сгнившей соломы, и если это происходило в месте выполнения надписи, она могла получить дополнительный «штрих». Определить его случайный характер можно лишь во время исследования оригинала граффити при условии тщательного изучения структуры канала. Фотография же такой возможности не дает.

Антропогенные факторы. Штукатурка испытывала механические повреждения случайного характера, от которых на стенах появлялись царапины, разные выбоины, потертости. Нередко надписи старались уничтожить сознательно, зачеркивая или затирая тексты¹⁶. Иногда одни граффити выполнялись по другим, причем нередко в этом случае лезвие резца соскальзывало в прорези предыдущей надписи, идя путем наименьшего сопротивления.

На состоянии сохранности граффити значительно сказались времена упадка и запустения собора, а также восстановительные работы в нем. Известно, что в XVII в. фрески частично поновлялись, а в конце XVII — в начале XVIII вв. стены собора были оштукатурены, после чего в течение почти всего XVIII в. заново

¹⁶ Ранее такие действия связывались с деятельностью церковных цензоров, отслеживающих и уничтожающих надписи нерелигиозного содержания (светского, бытового): Рибаків Б.О. Іменні написи XII ст. в київському Софійському соборі // Археологія. — І. — 1947. — С. 55—56. Однако проведенные нами комплексные исследования эпиграфики Софии Киевской и церкви Спаса на Берестове позволили поставить под сомнение существование специальной институции церковных цензоров: Корнієнко В.В. До питання про інституційний характер, час та форми діяльності церковної цензури (за результатами епіграфічних досліджень у Софії Київській та церкві Спаса на Берестові) // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії. Матеріали Дев'ятої Міжнародної наукової конференції (25—27 травня 2011 р.). — К., 2011. — С. 102.

расписаны. В середине XIX в., после того, как на стенах храма были выявлены древнерусские фрески, живопись XVIII в. была снята. Причем более позднюю штукатурку соскабливали, поэтому естественно, что фрагменты первичной фресковой штукатурки, которые имели слабое сцепление со стеной, отпадали. По завершению этих работ фреску поновили масляной краской, промазав перед тем горячей олифой. В XX в. живопись предыдущего столетия была снята реставраторами. Перед ними не ставилось специальной задачи расчистки прорезей граффити, это происходило не системно, а выборочно. Поэтому нередко в одной надписи могут быть освобождены от шпаклевки несколько букв, остальные же буквы, закрытые шпаклевкой и поздней краской, остаются практически неотличимыми от поверхности стены¹⁷. В связи с этим во время изучения эпиграфических памятников собора мы считаем необходимым консультироваться с художниками-реставраторами по некоторым спорным вопросам.

Итак, во время исследования софийских граффити необходимо учитывать огромное количество разнообразных нюансов, повлиявших на форму прорезей и их общий вид, как во время выполнения, так и во время дальнейшего существования. А выявить эти нюансы можно лишь путем натурного изучения, а не в кабинетных условиях во время рассмотрения фотографии (или фотографий). Поэтому в наших, современных, исследованиях софийской эпиграфики основной этап изучения происходит именно в соборе возле оригинала надписи или рисунка. Собственно в этом заключается одно из весомых отличий между применяемой нами, по словам оппонентов, «неправильной» и постулированной ими «правильной» методиками.

После того, как все составляющие надписи определены и получен окончательный результат в виде реконструкции текста, надпись подвергается изучению по нескольким параметрам, что позволяет определить ее датировку, языковые особенности, исторический контекст, цель выполнения, связь с конкретным изображением и т.д. Некоторые из этих параметров исследовались непосредственно в соборе, другие — в кабинетных условиях, но в любом случае в их логическом синтезе, а не автономно друг от друга.

¹⁷ См., напр.: Корнієнко В.В. Графіті з Софії Київської про дату поставлення митрополитом Іларіона // Праці Центру пам'яткознавства. — К., 2008. — Вип. 13. — С. 235–240.

Во время работы в соборе, помимо определения спорных частей надписи, изучение формы прорезей позволяло выделить хронологический диапазон, когда могла быть выполнена та или иная надпись, по сухой или влажной штукатурке. На основании этих данных может быть определен тот промежуток времени, когда выполнялось граффити¹⁸.

Многие надписи и рисунки написаны таким образом, что их элементы накладываются друг на друга. Изучение стратиграфии граффити позволяет выявить, когда появилась та или иная надпись (или рисунок), благодаря чему можно уточнить их хронологию.

Время возникновения большинства надписей по сей день определяется по форме написания букв, то есть по их палеографическим особенностям. При такой датировке исследователь сопоставляет данные по материалам датированных памятников эпиграфики и письменных источников, что позволяет определить приблизительные временные границы возникновения надписи. Для древнерусских надписей, которые будут рассматриваться в нашей книге, наиболее удобным на сегодняшний день является определение хронологического диапазона на основе внестратиграфической датировки новгородских берестяных грамот, предложенной А.А. Зализняком¹⁹. Дело в том, что большинство грамот, обнаруженных во время археологических раскопок, имеют стратиграфическую датировку в интервале 40—60 лет. Внестратиграфическая датировка берестяных документов осуществляется по нескольким параметрам, учитываются графические, палеографические и языковые особенности документа, а в некоторых случаях, и содержание. Этот метод позволяет несколько сузить вероятный хронологический диапазон примерно до четверти века. Методика внестратиграфической датировки берестяных гра-

¹⁸ О форме прорезей в процессе выполнения надписи и их изменении под воздействием природных факторов мы писали выше. Благодаря этому, можем определить три временных отрезка, в течение которых могли быть выполнены граффити: 2-е десятилетие XI в. (время строительства собора), вторая четверть XI — середина/конец XVI в., конец XVI — конец XVII в. Подробнее см.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 7.

¹⁹ Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990 — 1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. — М., 2000. — С. 134—429.

мот была опробована на некоторых граффити, в целом довольно успешно²⁰.

Однако такая датирующая шкала, разработанная на северорусских материалах, обязательно должна корректироваться с учетом имеющихся на сегодняшний день данных о южнорусской палеографии, несколько отличной, как показывают наши наблюдения, от северной²¹. Фактически в современных эпиграфических исследованиях проводится датировка по двум шкалам, которые сопоставляются между собой и анализируются²². Благодаря этому, мы получаем более точную информацию о времени возникновения граффити.

Уточнить хронологию позволяет тщательное изучение текста надписи, его сопоставление с историческим контекстом и исторической лингвистикой, благодаря чему палеографическая датировка, имеющая более широкие очертания²³, сужается до одного года или нескольких лет. В частности, в текстах граффити может содержаться прямая датировка, упоминаться лица или события, известные по письменным источникам. В некоторых случаях в тексте удастся выявить диалектные вкрапления или элементы разговорной речи, что повышает роль граффити как источника для изучения истории языка.

Как видим, современные исследования эпиграфических памятников Софийского собора предусматривают учет огромного количества разнообразных аспектов, сфера изучения которых лежит в области реставрации, истории, лингвистики, палеографии и других научных дисциплин. То есть, мы придерживаемся междисциплинарного подхода к изучению софийских граффити, который считаем единственно правильным при изучении такого рода исторических источников.

²⁰ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей... — С. 233—287.

²¹ Подробнее об этом см.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 7. Впрочем, эту особенность отмечали и другие исследователи: Орлов Р.А., Козюба В.К. Нова знахідка пряслиця з графіті з Вишгорода // Археологія. — 2008. — № 3. — С. 35—39.

²² В дальнейшем, по завершению исследований граффити в Софийском соборе и с учетом изучения других эпиграфических памятников южнорусского происхождения, планируется разработать аналогичную шкалу палеографической датировки для этого региона.

²³ При палеографической датировке надпись можно датировать минимум в пределах четверти-трети века, но это при условии наличия большого количества букв. Однако таких надписей немного, поэтому в большинстве случаев хронологический диапазон включает одно или даже несколько столетий.

Несколько слов необходимо сказать об использованной терминологии. В настоящем издании мы употребляем слово «*граффити*» только в форме *множественного числа*, хотя наши коллеги оперируют и бытующей в науке формой единственного числа «*граффито*». Следует заметить, что термин «граффити» происходит от итальянского слова *graffiti* (буквально — '*выцарапанные*'). В исходной форме это собирательное существительное находится во множественном числе, поэтому должно сохранять его в других языках, так как оно является транслитерацией исходного слова. С этой позиции употребляемый исследователями термин «граффито» является неправомерным с точки зрения морфологии языка, тем более что термин граффито (сграффито) обозначает особую технику стеной живописи. Исходя из этого, мы сочли необходимым сохранить форму множественного числа независимо от того, обозначает ли слово «граффити» одну или несколько надписей.

* * *

Выше были изложены особенности применяемой при исследовании методики фиксации и исследования граффити, объяснены причины, обусловившие ее применение. Ниже на конкретных показательных примерах мы проиллюстрируем, как она работает.

Для этого нами выбраны два софийских граффити, ранее опубликованные С.А. Высоцким: граффити № 210 из западной внутренней галереи и № 288 на южных хорах. В первом случае объектом изучения была лишь фотография, во втором, кроме использования фотографии, исследователь предварительно ознакомился с оригиналом надписи.

Граффити № 210 (рис. 17). Было опубликовано С.А. Высоцким²⁴ и читалось таким образом:

кѣꙋма | тат[и]ѣ | краи-кси | насоден--на | вон
Кузьма вор, карай если [...] на день судный.

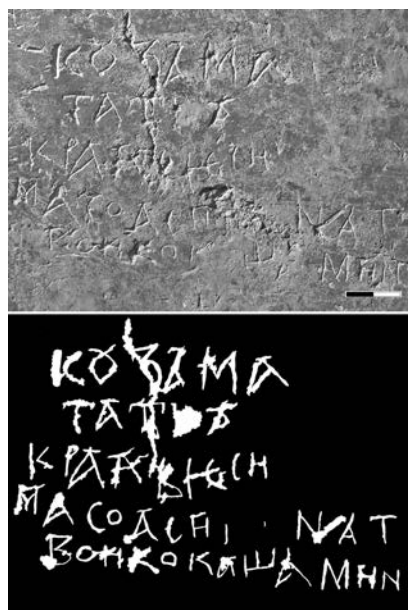
С.А. Высоцкий предполагал, что надпись на фреске является молитвой Кузьмы, который, раскаиваясь, называет себя вором и просит прощения грехов во время Судного дня. Впрочем, обращение к опубликованной фотографии и прорисовке позволяет

²⁴ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 96—97, табл. С, 1; СІ, 1.

Рис. 17. Фотография и прорисовка граффити № 210

установить, что исследователем надпись прочитана не полностью, в частности, в приведенном им тексте по какой-то причине отсутствует окончание последней строки.

А.А. Зализняк повторно изучил надпись по опубликованным материалам и пришел к выводу, что С.А. Высоцким были допущены значительные ошибки в прочтении текста. Исследовав помещенную в книге фотографию путем сканирования с определенными световыми режимами, он предложил кардинально новое прочтение и толкование надписи²⁵. Соответственно полученным результатам, текст стал читаться следующим образом:

кѹзьма | тат[ѣ] | окр[а]л[ѣ] кси | насо а си[мо]нь т[о] | твои
ковѣшь аминѣ

Кузьма вор. Ты обокрал нас. А Симонов — это твой ковш. Аминь.

Надпись трактовалась теперь не как молитвенная, а как бытовая. Исследователь полагал, что в ней автор, вероятно монах, сообщил, что Кузьма забрал себе (возможно даже по ошибке) ковш автора. Собственный же ковш Кузьмы, как сообщает автор, — это тот, что у Симона (который, соответственно, осуществил подобное «воровство»). Итак, вся эта инвектива, как отмечает А.А. Зализняк, несет, по крайней мере, частично, шуточный, иронический характер; особенно показательно в этом отношении, по мнению исследователя, завершающее фарсовое слово *аминь*.

Как видим, отличия между вариантами прочтения и интерпретации надписи С.А. Высоцким и А.А. Зализняком просто ра-

²⁵ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей... — С. 248—249.

зительные. Следовательно, объективно возникает потребность повторно обратиться к оригиналу граффити, что и позволит окончательно убедиться, с чем мы имеем дело — молитвой-искуплением или иронической надписью. Итак, рассмотрим имеющийся на стене текст по строкам.

Первая строка. В средней части она повреждена вертикальной трещиной, которая частично зацепила третью букву. Тем не менее, повреждения не влияют на прочтение этой части надписи как имени в именительном падеже **КѸзѣма**. Исследование оригинала позволило подтвердить правильность прочтения текста С.А. Высоцким, ведь на мачте четвертой буквы прочерчен небольшой штрих влево, который вынуждает идентифицировать ее как **ѣ**, а не как **ь**.

Вторая строка. Первые три буквы сохранились довольно хорошо, они однозначно идентифицируются как **тат**. Последняя из них повреждена упоминавшейся выше трещиной. Четвертая буква почти полностью уничтожена, от нее сохранилась лишь мачта. Характер повреждения — в нижней части он имеет скошенный контур — позволяет установить, что у буквы была петля. Поэтому буква **ь** здесь уверенно реконструируется. Ведь в случае наличия здесь **и** (по С.А. Высоцкому) под выбоиной сохранилась бы нижняя часть правой мачты. А ее здесь нет, штукатурка ровная. Нельзя согласиться и с версией А.А. Зализняка, что эта буква сознательно затерта автором — характер повреждений типичный для других повреждений вокруг надписи.

Итак, буква была уничтожена выбоиной позднее. Последняя, пятая буква строки, внешне напоминает **ѣ** с петлей углом вперед. Тем не менее, изучение оригинала позволило проследить направление движения лезвия: от левого конца «коромысла» вправо вниз, дойдя к «залому петли», оно возвращалось влево вниз, а потом двигалось вверх до правого конца «коромысла». То есть, по направлению движения выполнение этой буквы идентично выполнению буквы **Ѹ** верхней строки (рис. 18). Тот участок, который исследователи принимали за верхнюю часть мачты **ѣ**, возник из-за попадания под лезвие твердой примеси и, как следствие, ее выпадения вместе с окружающей штукатуркой, сразу или, более вероятно, со временем, если лезвие только нарушило связь между примесью и известковым тестом. Следовательно, в строке уверенно идентифицируются все буквы: **тат[ѣ]Ѹ**.

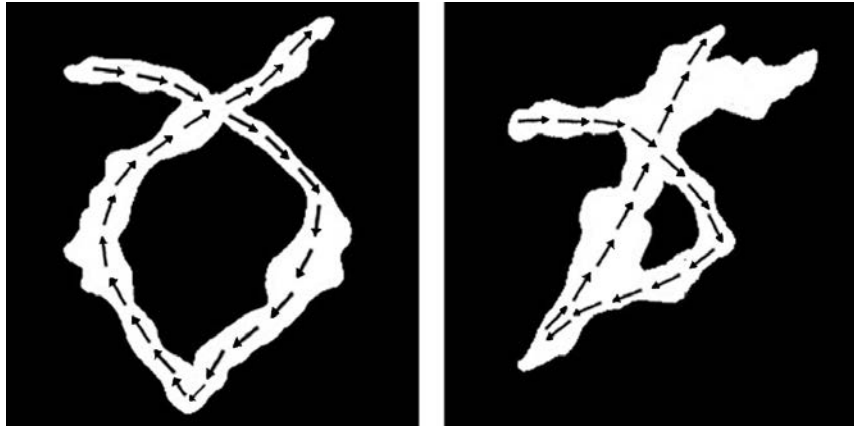

Рис. 18. Схема выполнения автором граффити № 210 буквы 8 в первой и второй строке надписи № 210

Третья строка. Никакой «частично замаскированной тем, что на том же месте поверх нее (или до нее) процарапан посторонний прямоугольник» буквы о, как полагает А.А. Зализняк, в начале строки нет. «Посторонний прямоугольник» является ничем иным, как правой частью перекладины прочерченного двойной замкнутой линией четырехконечного креста. Просто на фотографии С.А. Высоцкого он обрезан, что и воспрепятствовало А.А. Зализняку правильно его определить. Все буквы строки, несмотря на повреждения в средней части, четко читаются как **кралъксн**.

Четвертая строка. Первая буква частично повреждена, тем не менее, она уверенно идентифицируется как **м** с вертикальными параллельными мачтами, именно так ее пишет автор граффити. Поэтому чтение здесь **н** безосновательно. Следующие шесть букв просматриваются четко: **асоасн**. Дальше находится выбоина, которая уничтожила две буквы. От первой осталась левая нижняя часть мачты, от второй — небольшой округлый штрих. Сохранившийся элемент позволяет идентифицировать последнюю как уменьшенную **о** на высоте средней части других букв — именно так ее пишет автор граффити. Первая поврежденная буква по имеющимся фрагментам и контексту может быть определена как **л**. Похожим образом — левая наклонная почти вертикальна — эта буква написана в третьей строке. В случае реконструкции утраченного слога как **ло**, между правой наклонной **л** и полукругом

Рис. 19. Реконструкция утраченного слога *lo* граффити № 210 путем наложения сохранившихся элементов на взятые из другой части текста буквы

о расстояния вполне достаточно (рис. 19). В случае реконструкции на первой позиции другой буквы (например: *м*, *н*, *и* или *п*), нельзя избежать наложения ее правой части на полукружие *о*, однако сходного написания букв во всем имеющемся тексте не наблюдается. Итак, это обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу предложенной нами реконструкции двух утраченных букв. Последние три буквы также читаются четко: *ньт*. Никаких следов «неясной»

о в конце строки не прослеживается, поэтому ее реконструкция безосновательна.

Пятая строка. Ни одной «несомненной (хотя и слабо видимой) *т*» в начале строки нет. За букву А.А. Зализняк принял вертикальную трещину и зашпаклеванную горизонтальную выбоину над ней. Все буквы строки, несмотря на мелкие повреждения, читаются уверенно. Она начинается с буквы *в*, далее следуют *о*, *и*, *к*, *о*. Следующая буква определена А.А. Зализняком как *в*, тем не менее, никаких горизонтальных ограничивающих штрихов она не имеет ни сверху, ни снизу. Поэтому однозначно идентифицируется как *к*. За ней прослеживается буква *а*, верхняя часть которой повреждена неглубокой выбоиной, которая ныне закрыта шпаклевкой. Дальше четко читаются буквы *ша*. Между ними просто нет места для предложенной здесь А.А. Зализняком буквы *ь*. Три последние буквы сохранились хорошо, они четко просматриваются как слог *мин*. В конце строки указанная А.А. Зализняком буква *ъ* не существует. Штукатурка в месте ее вероятного расположения абсолютно ровная, никаких следов прорезей или уничтоживших букву повреждений в этом месте нет.

Итак, сравнение с оригинальным текстом предложенных С.А. Высоцким и А.А. Зализняком прочтений позволило установить, что оба варианта не соответствуют выполненному на стене тексту. В первом случае некоторые буквы были идентифицированы неправильно, а часть из них пропущена совсем: из сорока трех букв в тексте были приведены лишь тридцать три (правда, на прорисовке было указано больше знаков). Часть ошибок была исправлена А.А. Зализняком, однако вместе с тем были допущены новые, а в надписи появились четыре лишние буквы. Изучение же оригинала выполненного на стене текста позволило четко установить, что из сорока трех букв сорок сохранились полностью, а три, частично уничтоженные выбоинами, уверенно идентифицируются по сохранившимся фрагментам и по контексту. Поэтому сохранность граффити можем назвать отличной, ведь все его знаки подлежат уверенной идентификации, а текст — вполне осмысленному прочтению:

Кѡѡѡма тат[ь] ѡкралъ кси масо аси[до]нь твои кокаш амин.

Прежде чем перейти к уяснению содержания граффити, следует установить время его выполнения. С.А. Высоцкий определял его в пределах XIII—XIV вв. Согласно современным исследованиям софийской палеографии, по форме написания **а** и **л** с покрытием, **в** с округлой нижней петлей, наклоненной влево **ѡ** с переломом, **к** с уменьшенным верхом, уменьшенной **о**, прямой **р** с маленькой головкой, **ѡ** с короткими усами и **ѡ** с петлей углом вперед, время появления граффити очерчивается в пределах последней четверти XII в.

Разберемся теперь собственно с содержанием надписи. Как справедливо заметил А.А. Зализняк, первые два слова **Кѡѡѡма** и **татъ** стоят в именительном падеже, то есть, первое предложение является не обращением, а утверждением: '*Кузьма — вор*'.

Во второй части — **ѡкралъ кси масо** — автор конкретизирует преступление Кузьмы, причем обращается непосредственно к нему, на что указывает глагол **кси**. Итак, второе предложение граффити приобретает разоблачительное содержание — '*ты украд мясо*'. Довольно интересным является написание в слове **масо** «аза» вместо ожидаемого «юса». Впрочем, подобное написание встречаем в надписи № 9²⁶ в имени **Сватославъ**. Видимо,

²⁶ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 41—45, табл. XI; XII.

это отражает фонетическую особенность говора авторов данных граффити²⁷.

Малопонятным является третье предложение: **асилонь твон кокаш**. Обратим внимание на ключевое слово данной фразы — **кокаш**. Из контекста можем установить, что это существительное, причем предмет, принадлежащий Кузьме. На это указывает притяжательное местоимение **твон**. Для выяснения содержания слова **кокаш** следует обратить внимание на зафиксированные в народных наречиях северо-западной Белоруссии фразеологизмы, в которых сохранился компонент *кокаши*: *задрать кокаши* означает 'упасть, не удержаться на ногах', 'лежать', 'умереть', *отбросить кокашки* — 'умереть', *сесть на кокаши* — 'сидеть, согнув ноги в коленях'. То есть, слово *кокаши* в этих фразах означает человеческие ноги²⁸.

Следовательно, в нашем граффити фраза **твон кокаш** должны рассматриваться как фраза '*твои ноги*'. Учитывая структуру подобных фразеологизмов, первое слово **асилонь** следует определять как глагол **асилонити**. Вероятно, это производное от существительного осило '*ловушка, петля, сетка, силок*'. Итак, дословно фразу **асилонь твон кокаш** следует переводить как выражение '*чтоб тебе ноги спутало*'. Учитывая содержание приведенных выше фразеологизмов, это предложение следует понимать как такое, в котором автор граффити высказывает в адрес Кузьмы пожелание, чтобы тот умер. Это тем более вероятно, что покойникам и доныне связывают, т.е. спутывают ноги, дабы они не расхотелись и застыли в прямом положении (ср.: 'протянуть ноги'). Усиливающим элементом фразеологизма выступает четвертое предложение, состоящее из возгласа **амин**, буквально '*пусть так будет*'.

Граффити № 288 (рис. 20). Надпись была опубликована С.А. Высоцким как сопроводительная к рисунку²⁹, она стала предметом

²⁷ Вполне вероятно, что эта особенность является диалектной чертой говора автора надписи, возможно, выходца Полесского региона, где и поныне в разговорной речи употребляются слова с буквой **а** вместо **я** (например. *трапка* вместо *тряпка*). Впрочем, этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

²⁸ Подробнее см.: Данилович М.А. Устарелія слові ў складзе дыялектных фразеалагізмаў // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (24 кастрычніка 2001 года, Гродна) / Пад рэд. У.І. Каялы, І.Я. Лепешава. — Гродна, 2002. — С. 314—316.

²⁹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 128—129, таб. CLXI, CLXII.

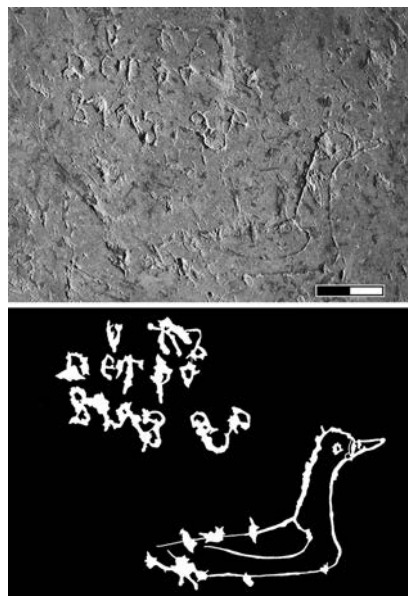
Рис. 20. Фотография и прорисовка граффити № 288

исследования В.В. Корниенко³⁰ и С.М. Михеева (рис. 21)³¹.

На фотографии С.А. Высоцкого хорошо заметен внизу рисунок птицы и выше — трехстрочная надпись. Поскольку предметом нашего дальнейшего рассмотрения будет именно текст, описание рисунка опустим, констатируя лишь, что формы прорезей идентичны. То есть, они выполнены одним автором.

Не определяя пока что ни одной буквы, определим «сухие» факты. Верхняя строка содержит три знака. В средней находится пять видимых букв, плюс не исключена гипотетическая реконструкция еще одной, уничтоженной вертикальной зашпаклеванной трещиной. В нижней строке можем видеть четыре поврежденные небольшими выбоинами буквы. Все три строки расположены на приблизительно одинаковом расстоянии друг от друга, поверхность стены вокруг них не повреждена, она ровная. Это указывает на принадлежность всех знаков одной надписи и отсутствие других граффити.

Верхняя строка. Существование этой строки полностью проигнорировано С.А. Высоцким (который, впрочем, указал некоторые из букв на прорисовке) и С.М. Михеевым, хотя все эти буквы хорошо прослеживаются. Первая имеет вид зеркальной *ч* с небольшим хвостом, которая может также быть определена как *ч*. Вместе с тем, не исключено, что на поверхности стены прочер-

³⁰ Корнієнко В.В. Кирилично-глаголичне графіті XI ст. на південних хорах Софії Київської // Чернігівські старожитності. Вип. II. Науковий збірник за матеріалами VIII Міжнародної наукової конференції «Християнські старожитності Київської Русі». — Чернігів, 2009. — С. 173—177.

³¹ Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть I // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2010. — № 2 (40). — С. 101—102.

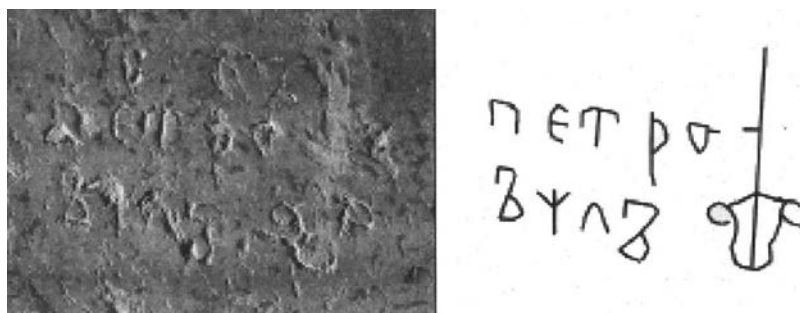

Рис. 21. Фотография и прорисовка надписи граффити № 288, выполненная С.М. Михеевым

ченная Y-подобная буква ψ . Для аналогии подобного написания буквы приведем надпись из церкви Спаса на Нередице в Новгороде³². Правильность идентификации первой буквы надписи именно как ψ подтверждается контекстным анализом остального текста. Две другие буквы уверенно читаются как $\chi\tau$. Соответственно, верхнюю строку следует рассматривать как сокращенную форму глагола $\psi(\alpha)\chi\tau$ 'писал'.

Средняя строка. Как считал С.А. Высоцкий, в этой строке находилось семь букв. Из них он идентифицировал первые пять *петро* и седьмую τ , а шестую реконструировал как *в*. С.А. Михеев убеждает читателя, что строка содержит четыре буквы *петр*, а «принятые» С.А. Высоцким за *о* и τ буквы являются завершениями перекладины «процветшего» креста, которая была прочерчена «таким образом, что заметна сейчас не совсем четко». В соответствии с нашими исследованиями, средняя строка состоит из пяти букв, складывающихся в имя *петро*. Как видим, во всех трех моментах наблюдаются определенные отличия. Рассмотрим их детальнее.

Прочтенная С.А. Высоцким последняя буква τ является обычной выбоиной, никаких элементов нарочно выполненных прорезей не прослеживается. Так же, как и указанных С.М. Михеевым горизонтальных «фрагментов перекладины креста» между вертикальной зашпаклеванной трещиной и буквой *о*. То есть, в обоих случаях исследователи «реконструировали» утраченные буквы соответственно собственному толкованию текста. На самом же деле

³² Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI—XV вв. — СПб., 1992. — С. 92—93.

средняя строка состоит из пяти довольно четко видимых и хорошо сохранившихся букв **петро**.

Нижняя строка. С.А. Высоцкий указал, что она состоит из четырех букв. Из них идентифицировал первую **ѣ** и последнюю **ѣ**.

С.М. Михеев полагает, что строка содержит четыре кириллические буквы **ѣѣѣѣ**, а последний знак, определенный С.А. Высоцким (и нами) как глаголическая буква **ѣ**, идентифицировал как нижнюю часть «процветшего креста, мачта и перекладина которого прочерчены таким образом, что заметны сейчас не совсем четко».

Согласно нашим наблюдениям, строка состоит из четырех букв, первой кириллической **ѣ** и трех глаголических **ѣ ѣ ѣ**. Обратимся теперь к оригиналу надписи и рассмотрим отличия.

Исследовав динамику выполнения первой буквы (рис. 22) можем идентифицировать ее не как глаголическую **ѣ** (С.А. Высоцкий) или кириллическую **ѣ** (С.М. Михеев), а как кириллическую **з**-образную **ѣ**. Ближайшие аналоги она находит в ранних датированных надписях XI в. (1018, 1019, 1028 гг.³³). Форму восьмерки буква приобрела в процессе выцарапывания, когда во время выполнения верхней части нижней петли резец соскользнул дальше по направлению движения, соединив обе части **ѣ**.

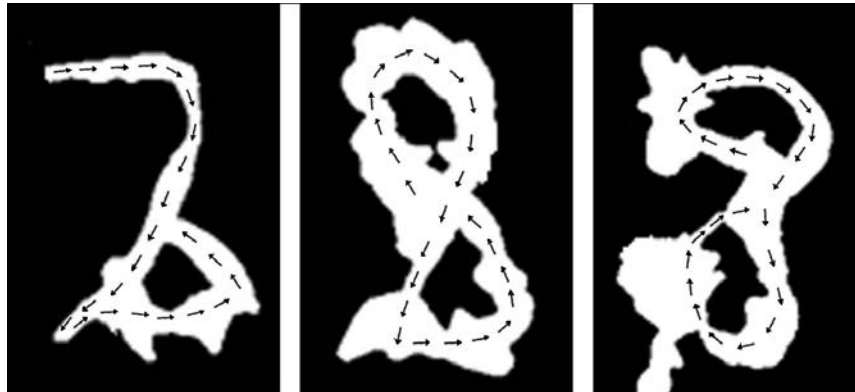

Рис. 22. Схема выполнения автором граффити № 288 буквы **ѣ** в верхней строке и букв **ѣ** и **ѣ** в нижней

³³ См. след. главу.

Следующая буква имеет вид открытого сверху квадрата с двумя обернутыми наружу полукругами в верхней части. Левое распознается по контурам, правое сохранилось хорошо. Левую часть буквы С.М. Михеев абсолютно безосновательно указал на прорисовке как кириллическую ψ . Ее «правый наклонный элемент» является гнездом от истлевшей соломки, а не прорезью, а левый вообще отсутствует. Перемычка между обеими частями « ψ » полностью проигнорирована. Кроме того, исследователем была изменена правая часть буквы, которая «избавилась» от хорошо видимого закругления и «превратилась» в левую наклонную л. Правая же часть последней на самом деле также является гнездом от выпавшей органической примеси, отличия в структуре «прорезей» заметны даже на фотографии. Итак, вместо одной относительно хорошо сохранившейся буквы появились две. На самом же деле второй знак может быть определен как глаголическая буква Φ (ϕ) без верхнего перекрытия.

Невозможно согласиться с предложенной С.М. Михеевым идентификацией следующей буквы как кириллической τ , ведь динамика ее выполнения и четко идентифицированной τ верхней строки отличны (рис. 10). А определение направлений движения резца вынуждает однозначно идентифицировать ее как глаголическую $\mathfrak{z}$ ($\mathfrak{o}$).

Последняя буква строки четко идентифицируется как глаголическая $\mathfrak{v}$ ($\mathfrak{v}$), определять ее как нижнюю часть «процветшего креста» нет абсолютно никаких оснований. И не только потому, что среди более семи тысяч выявленных в Софии Киевской граффити подобных рисунков процветших крестов нет. Дело в том, что «мачта» этого выдуманного креста указана на месте зашпаклеванной трещины, на большую часть которой должна была приходиться «мачта». Но ее фрагменты должны были бы сохраниться под трещиной и нижней частью $\mathfrak{v}$, однако штукатурка здесь ровная, никаких прорезей между буквой и трещиной нет. Так же, как и двух показанных С.М. Михеевым наклонных штрихов между трещиной и верхними частями $\mathfrak{v}$.

Следовательно, имеющийся на стене текст вероятнее всего представить следующим образом:

$\Psi(a)\chi\tau$ Петро. $\mathfrak{S} \Phi \mathfrak{z} \mathfrak{v}$.

Писал Петро. 6583 (1075/1076).

Сразу же возникает вопрос о причинах написания года смешанными буквами кириллицы и глаголицы. В текстах, выполнен-

ных хорватской глаголицей, встречается обозначение тысячи буквой **Ѡ** (ч). Глаголическая азбука просуществовала до XVI—XVII вв. в отдельных регионах Балкан³⁴ и именно к этому времени относится использование **Ѡ** для обозначения одной тысячи в датах летосчисления от Рождества Христова. Обозначение двух, трех или больше тысяч в написанных глаголицей текстах не встречается³⁵. Именно поэтому мы считаем, что автору пришлось использовать привычную кириллическую **С** для обозначения 6-ти тысячного года, а следующие цифры передать с помощью глаголических.

Как видим, подобно предыдущему граффити № 210, во время исследования С.А. Высоцкого часть букв была пропущена, вместе с тем в средней строке были добавлены две лишние буквы. В прочтении же С.М. Михеева, ознакомившегося с надписью в оригинале, из двенадцати знаков надписи осталось только восемь, причем одна буква третьей строки превратилась в две. Причиной такого насилия над текстом надписи № 288 стала приверженность С.М. Михеева тезису, что «впечатление в хаотическом смешении глаголицы и кириллицы в эпиграфических текстах не подтверждается при их детальном рассмотрении»³⁶. В результате прочтение текста было «подтянуто» под приведенный выше тезис.

Рассмотренные выше два примера наглядно демонстрируют, что изучение граффити в основном по фотографии приводит к значительному искажению текста. Недостаток знаков при этом восполняют собранные из разных штрихов и царапин химерические буквы, а их излишек для соответствующего прочтения решается путем объявления букв принадлежащими к другим надписям или рисункам. Полученный вследствие применения подобного подхода текст значительно отличается от реально существующего, что приводит к искажению содержания исторического источника.

³⁴ Katičić R., Novak S. Dva tisućljeća pismene kulture na tlu Hrvatske. — Zagreb, 1988. — S. 70—71, 92.

³⁵ Щепкин В.Н. Русская палеография. — М., 1999. — С. 165.

³⁶ Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити... — С. 102. При этом исследователь по какой-то причине не заметил, не проанализировал и даже не упомянул о фактах смешанного использования в древнерусской письменности кириллицы и глаголицы в надписях на пергаменных кодексах: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI — XIV веков на пергаменных кодексах. — М., 1998. — С. 58—60, 63—64. Кстати, подобное смешение встречается и в регионах, где употребление глаголицы было более широким (в частности, в Хорватии). См. напр.: Horvat J. Kultura Hrvata kroz 1000 godina. Knj. 1. — Zagreb, 2006. — P. 210, 236.

Такая методика исследования (кстати, называемая нашими оппонентами как наиболее правильная) на самом деле удобна больше для сознательного или несознательного «подтягивания» прочтения надписи под собственные взгляды и выводы исследователя. По нашему глубокому убеждению, такой подход к изучению граффити приводит к дискредитации эпиграфики как научной дисциплины.

В качестве примера можем привести «откорректированное» по опубликованной нами фотографии Т.А. Бобровским³⁷ прочтение фразы граффити № 861 «*воскоуру Богу ѣзъ*» *'воскую Богу я'*³⁸ как словосочетания «*проскоуру вогулѣ*». Что означает последнее слово, критик никак не объясняет. Однако *единственно* возможный контекст, при такой реконструкции, предполагает, что слово «*Богулѣ*» является уменьшительно-пренебрежительным производным от слова «*Богъ*», что выглядит как явный нонсенс. В таком случае остается лишь отметить, что наш оппонент имеет довольно широкие взгляды на то, какое кощунство мог начертить на стене храма древнерусский автор³⁹.

Напротив, когда главным предметом изучения становится оригинал граффити, а фотографии отводится более скромная роль инструмента для исследования, мы получаем возможность учесть максимальное количество факторов, повлиявших на создание и дальнейшую судьбу прорезей. Кстати, отличительной чертой применяемых нами методов исследования является тщательное изучение формы каналов прорезей, на что ранее практически не обращалось надлежащего внимания. В результате мы можем с уверенностью отделить прорезь от других повреждений штукатурки или надписей. Это особенно важно ввиду плохой сохранности большинства софийских граффити. Благодаря применению изложенной выше методики, стало возможным прочтение многих надписей, казавшихся, из-за своей плохой сохранности, малоперспективным материалом для изучения. Среди них оказались древнейшие датированные граффити, которые и будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения в следующей главе.

³⁷ Бобровский Т.А. Бреши в корпусе: (Заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської») // *Ruthenica*. — IX. — 2010. — С. 115.

³⁸ Корниенко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 55.

³⁹ Более подробно высказанные Т.А. Бобровским замечания, «новые» прочтения и толкования проанализированы нами в следующей статье: Корниенко В.В. Об'єктивна критика чи химери кривого дзеркала? (З приводу «епіграфічних нотаток» Т. Бобровського) // *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць*. — К., 2011. — Ч. 19.

ДРЕВНЕЙШИЕ ДАТИРОВАННЫЕ ГРАФФИТИ

Во время планомерных эпиграфических исследований в Софийском соборе было обнаружено несколько ранних надписей, в тексте которых стояла прямая дата, более ранняя, чем летописный 1037 г., под которым упоминается основание Софии. Две из них были опубликованы С.А. Высоцким, однако при их чтении, как показали результаты современных исследований поработанной нами методике, публикатором были допущены определенные неточности, прежде всего, в плане прочтения дат. Результаты исследования этих, а также остальных, открытых нами ранних датированных надписей, были изложены в ряде научных публикаций, посвященных вопросам датировки Софии Киевской в свете новых эпиграфических открытий¹.

Поскольку эти граффити являются одним из важнейших аргументов в пользу более ранней, чем принятая, датировки Софии Киевской, именно на них было направлено острие критики участников организованного нашими оппонентами Круглого стола (г. Киев, 7 апреля 2010 г.)². Для критических выступлений по поводу предложенного нами прочтения датированных граффити оппоненты привлекли ученых из России, как опытных специалистов — Т.В. Рождественскую и А.А. Медынцеву, так и молодых исследователей — С.М. Михеева, А.Ю. Виноградова и А.А. Евдокимову, а также киевского спелеолога Т.А. Бобровского, который, к слову, софийские граффити *in situ* не изучал.

¹ Список этих публикаций приведен нами в первой главе.

² Нелишним будет напомнить читателю, что материалы этого Круглого стола опубликованы (Заснування Софійського собору в Києві...), в нашем ответном издании аргументы оппонентов внимательно проанализированы, предложены и обоснованы контраргументы (Час заснування Софії Київської... — С. 51—76).

Следует заметить, что определенный опыт работы с софийскими граффити непосредственно в соборе имели лишь трое из названных исследователей — А.А. Евдокимова, С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов.

А.А. Евдокимова, целью изучения которой были греческие граффити, несколько раз побывала в Софии Киевской, зафиксировала и опубликовала около 80-ти надписей на первом этаже собора³. Древнейшие датированные граффити, выполненные кириллицей, не входили в сферу интересов исследовательницы.

Непосредственно перед проведением вышеупомянутого круглого стола в Софии побывали также С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов, в течение двух дней знакомившиеся⁴ с известными на то время древнейшими датированными граффити⁵.

Остальные участники Круглого стола при критическом разборе текстов граффити опирались не на оригинальные эпиграфические памятники, а на опубликованные нами или С.А. Высоцким фотографии. Это особенно важно подчеркнуть в свете показанной выше ошибочности методики подобного «кабинетного» исследования граффити.

В результате проведенного на Круглом столе обсуждения концепции ранней датировки Софийского собора, а вернее — ее единодушного гневного осуждения, оппонентами было высказано большое количество критических замечаний относительно правильности предложенного нами прочтения надписей, даны иные, по их мнению, «правильные» варианты реконструкции и толкования текста. Выводы участников Круглого стола стали тиражироваться противниками ранней датировки Софии Киевской как результаты глубокой эпиграфической экспертизы, проведенной специалистами разных стран, которые якобы окончательно доказали невозможность использования граффити в качестве надежного источника для датировки Софийского собора⁶.

³ Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити... — С. 465.

⁴ Насколько это возможно сделать за два неполных дня.

⁵ Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия и время строительства киевского Софийского собора // Заснування Софійського собору... — С. 17, прим. 1. Это принципиально подчеркнуть, так как оппонентами распространяется ложная информация о том, что других специалистов не допускают к изучению софийских надписей.

⁶ Впрочем, с подобной проблемой в свое время столкнулся и С.А. Высоцкий, посмеявшийся усомниться в правильности хрестоматийной летописной

В подготовленном нами в рамках дискуссии ответном издании внимательно рассмотрены и оспорены все высказанные в наш адрес критические аргументы участников круглого стола. Однако это, достаточно объемное широко разошедшееся научное издание, оппонентами «не замечено» и даже не упоминается в их публикациях.

Поэтому считаем необходимым еще раз рассмотреть все имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении древнейшие датированные граффити Софии Киевской, проанализировав, попутно, все высказанные замечания по поводу каждого конкретного слова и буквы надписи. Собственно этому и посвящена данная глава настоящей книги. Отметим, что надписи рассмотрены здесь в хронологическом порядке.

Надпись 1018/1021 г.⁷ Граффити (рис. 23) выполнено мелким почерком в виме главного алтаря, на восточной грани южной лопатки первого северо-восточного подкупольного крестчатого столба, на фреске с образом неизвестной святой диакониссы (рис. I, 2; IV). Надпись сильно повреждена, просматриваются лишь отдельные буквы в двух строках.

В верхней строке сохранилось четыре знака. Первый напоминает ь с наклоненной мачтой и округлой петлей, дальше уверенно читаются г-образная з с небольшим штрихом на нижней петле (обозначение тысяч), ф и IC-образная (разомкнутая) к, непосредственно за которой находится округлая зашпаклеванная выбоина на размер еще одной буквы.

В нижней строке, несколько смещенной влево, прослеживаются две вертикальные мачты буквы, далее читается прямолинейная т с петлей углом вперед, сохранившаяся средняя часть х и, на некотором расстоянии, п.

Несмотря на фрагментарность надписи, верхняя строка может быть уверенно реконструирована, поскольку здесь читаются буквы даты **С**⁸ (6000), **Ф** (500) и **К** (20). Обозначение единиц не со-

даты 1037 год как времени основания Софии Киевской и встретивший жесткую критику со стороны А.В. Поппэ и Ю.С. Асеева. См. напр.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 12—14.

⁷ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 44—45. табл. LI, 2. Тут и далее, если граффити опубликовано в статьях и в какой-либо из частей «Корпуса», в ссылках дается указание именно на последнюю.

⁸ Тут и далее, когда мы говорим о цифровом значении букв, они пишутся как заглавные.

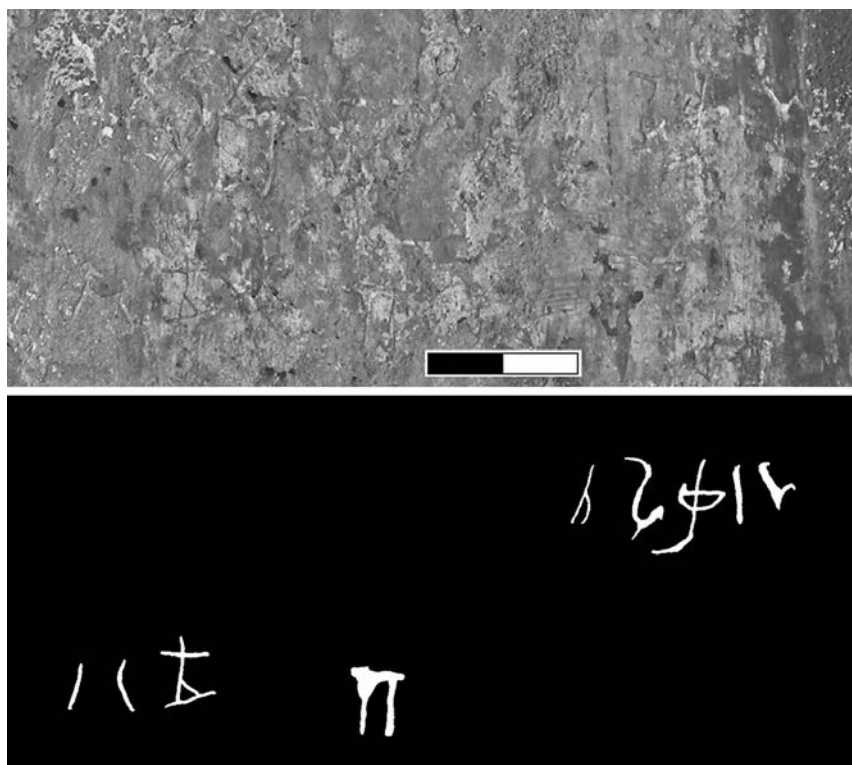

Рис. 23. Фотография и прорисовка граффити 1018/1021 г.

хранилось, здесь, напомним, находится выбоина. Первый знак верхней строки при таком прочтении может рассматриваться как **ѣ**, у которой не сохранилось коромысло⁹. При такой интерпретации ее следует рассматривать как часть слова **лѣто**, написанного в виде **лѣ** с надстрочным выносным **т**¹⁰.

⁹ Именно такой вариант идентификации этой буквы предложен в наших публикациях.

¹⁰ Подобное написание этого слова можем видеть в расположенной на этой же фреске записи № 52, которое, кстати, иллюстрирует пример разных форм написания одних и тех же букв в одной надписи, что объясняет разные формы петли (округлой и углом вперед) буквы **ѣ**. См. напр.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. 3. — С. 42—43, табл. L.

Кроме того, первая сохранившаяся буква верхней строки может быть идентифицирована как **ь**, являющийся составной предлога **въ**¹¹, введившего в текст год. Такое определение буквы нам представляется сейчас более вероятным.

Итак, верхняя строка надписи может быть реконструирована следующим образом: **[в]ь SФК-**. Последняя буква даты, обозначающая единицы, уничтожена выбоиной. Анализ прорезей показывает, что надпись была выполнена по сухой штукатурке, что позволило нам определить время ее появления в пределах 1018—1021 гг. Соответственно, в единицах даты могла находиться **S** (6), **Z** (7), **И** (8) или **Ф** (9). Контекстный анализ¹² позволяет с большой долей вероятности реконструировать в этом месте «зело». То есть, в тексте указан 6526 (1018) г.

В предложенном чтении в надписи даты усомнился Т.А. Бобровский¹³. Как полагает исследователь, такая форма буквы **к** «невероятна» для XI в., поэтому более предположительно рассматривать ее как сочетание «**ї** без точек и скорописное **є** в виде расщепа». Имеющая изгиб и выходящая за пределы строки мачта буквы **ф** также воспринимается как позднесредневековый палеографический признак. Относительно буквы **з**, то небольшая черта на нижней петле, как считает критик, не может обозначать тысячи ввиду отсутствия двух необходимых горизонтальных штрихов. На основании этих наблюдений было высказано предположение, что первая строка, ввиду характерных «для скорописи XVI—XVII вв.» форм букв **ф** и **є**, является словом **S(o)фїє**¹⁴. Нижняя же строка, по мнению Т.А. Бобровского, является остатками «другой» древнерусской надписи.

Рассмотрим правомочность приведенных замечаний. Следует сразу возразить, что исследование прорезей букв верхней и нижней строк позволило нам установить их идентичность. То есть,

¹¹ Примеры последовательного употребления **ь** в месте ожидаемого **ъ** (и наоборот) встречаются в софийской эпиграфике. Для иллюстрации приведем публикуемое в настоящем издании граффити отрока Добрынича из западной внутренней галереи.

¹² Подробно этот вопрос рассмотрен в следующей главе.

¹³ Бобровский Т.А. Некоторые замечания о софийских граффити с «ранними датами» // Заснування Софійського собору... — С. 32—33.

¹⁴ Критик не объясняет значение этого слова. Из контекста можем сделать вывод, что оно рассматривается как обращение к храму Святой Софии.

выполнены они одним инструментом и одним автором. Поэтому безосновательно выделять тут две разновременные надписи.

Отсутствие двух «характерных» обозначающих тысячи штрихов у буквы *ѡ* в древнерусских эпиграфических памятниках не такое уж редкое явление. Пример такого написания видим в софийском граффити № 8 о погребении Ярослава Владимировича 20 февраля 1054 г.¹⁵, в надписи 1068 г. на Тмутараканском камне¹⁶. Наблюдается такая форма и в письменных памятниках XI в., например, в дате «Изборника Святослава» 1073 г.¹⁷ и «Изборника» 1076 г.¹⁸

Рассмотрим теперь «невероятность» для XI в. ИС-образной разомкнутой *к* с позиций палеографии. Среди софийских граффити она встречается в памятниках этого века: № 3 (1052 г.¹⁹), № 9 (1078 г.²⁰), № 10 (до 1091 г.²¹). Представлена она и в письменных

¹⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. IX, 1; X, 1. Следует оговориться, что исследователи (С.А. Высоцкий, Б.А. Рыбаков и др.) трактовали дату надписи как день смерти Ярослава, опираясь на трактовку слова *жъпѣникъ* в значении «мирной кончины». Противоречие летописных источников, относящих смерть князя к «Федоровой» субботе 19 февраля объяснялось тем, что князь умер в ночь с субботы на воскресенье. Однако церковнославянское слово *жъпѣникъ* соответствует как греческому *κοιμησις* «мирная кончина, вечный сон, упокой», так и *κτεῖα* «погребение». Приняв последнее истолкование, мы избежим противоречия этих двух источников, летописного и эпиграфического. Прецеденты погребения усопшего на следующий день были, для примера приведем случаи с Всеволодом Ярославичем (ум. в 1093 г.) и Игорем Ольговичем (ум. в 1147 г.). Более подробно эти вопросы рассматриваются в подготовленной к печати 4-й части «Корпуса граффити». Кроме того, независимо от нас к подобным выводам пришел А.Ю. Карпов: Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. — С. 452–454, 557, прим. 37. Поэтому в дальнейшем граффити № 8 мы называем записью о погребении (а не о смерти) Ярослава Владимировича.

¹⁶ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI — XIV веков / Свод археологических источников, вып. Е — 144. — М., 1964. — Табл. XIII.

¹⁷ Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. — М., 1983. — Л. 263об.

¹⁸ Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Том I / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. — М., 2009. — Л. 276 (с. 742). В этом издании к первому тому прилагается CD с качественными фотографиями нескольких страниц рукописи.

¹⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. III, 1; IV, 1.

²⁰ Там же. — Табл. XI; XII.

²¹ Там же. — Табл. XIII; XIV.

памятниках, например, в Типографском уставе конца XI — начала XII в.²² Как видим, нет ничего невероятного в таком написании буквы в XI в.²³

Проанализируем третье замечание: имеющая изгиб и выходящая за пределы строки мачта буквы ф характерна для позднесредневековой скорописи. Подобную форму буквы легко объяснить, внимательно взглянув на особенности ее выполнения: первоначально была прочерчена сверху вниз вертикальная часть мачты, затем сила давления на резец ослабла, далее автор приложил усилие и продолжил линию мачты, свернув влево²⁴. Суживающийся конец линии свидетельствует о срыве резца, следовательно, этот штрих планировался более укороченным. Поэтому его нужно рассматривать не как продолжение мачты буквы, а как ограничивающую нижний конец мачты косую засечку. Примеры написания таких односторонних засечек²⁵ довольно часты. В нашем случае форму ф с односторонней нижней засечкой можем видеть в софийской надписи о погребении Ярослава в 1054 г. (№ 8²⁶). Скошенная засечка у «ферта» встречается и в письменных памятниках XI в., ее можем видеть в тексте «Изборника Святослава»²⁷ (1073 г.). В дате «Изборника» 1076 г.²⁸ нижняя засечка «ферта» отвернута влево, причем оформлена волнообразно. То есть, форма буквы ф не только не противоречит палеографии XI в., но и находит ближайшие аналоги в южнорусской письменности этого периода.

²² Типографский устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б.А. Успенского. — М., 2006. — Т. I. Факсимильное воспроизведение. — Л. 1 и след.

²³ Следует напомнить, что некоторые южнорусские палеографические признаки более старые по сравнению с севернорусскими (в частности — новгородскими). Показательно, что в новгородских берестяных грамотах эта форма появляется примерно со второй четверти XII в.: Зализняк А.А. Палеография... — С. 172—173. Тут и далее мы даем ссылки на таблицы образцов написания букв. Каждый образец буквы имеет номер берестяной грамоты, где встречается эта буква.

²⁴ Об этом свидетельствует небольшой выступ вправо при нижнем окончании мачты.

²⁵ См. напр. для буквы и: Зализняк А.А. Палеография... — С. 170—171.

²⁶ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. IX, 1; X, 1

²⁷ Изборник Святослава... — Л. 123 и след.

²⁸ Изборник 1076 года... — Л. 276 (С. 742).

Как видим, анализ форм букв и сопоставление их с памятниками письменности и эпиграфики XI в. не позволяет усомниться в возможности выполнения граффити в начале этого столетия. Предложенная датировка Т.А. Бобровским надписи XVI—XVII в. противоречит форме прорезей надписи, характерной для памятников более раннего периода²⁹.

Нельзя согласиться с реконструкцией слова **S(o)фїє**, противоречащей древнерусской фонетике. Дело в том, что согласная **ѕ** только по форме напоминает латинскую «S», по звуковому содержанию они различны. Буква **ѕ** изначально передавала аффрикату dz', в разное время славянскими языками утраченную. Примерно с XI века в церковнославянском языке ей стал соответствовать звук z, и в плане звучания она стала совпадать с **з**. Позднее эти две буквы с одинаковым звучанием **ѕ** и **з** стали использоваться как взаимозаменяемые. Уже на некоторых монетах Владимира Святославича слово «злато» пишется через «зело»: **ѕлто**.³⁰ Так что написание слово София через «зело», звучавшее в таком случае как «Зофия» исключено. По крайней мере, такой безграмотности не допускают авторы граффити, оставленных в стенах Софии Киевской³¹.

Наконец, нельзя не упомянуть и замечание относительно отсутствия титл над буквами, якобы не позволяющего рассматривать их как дату, что отмечала также и А.А. Мединцева³².

Как пишет исследовательница, наличие титл является обязательным, так как это единственное, что отличает буквы от букв-цифр. Хотя в цифровых обозначениях «иногда допускаются отступления в виде отсутствия титл либо точек, когда контекст указывает на то, что это количественные обозначения»³³, в датах исследовательница не знает такого правила.

²⁹ Отличия в форме прорезей надписей более раннего времени обусловлены разной степенью разрушения краев каналов прорезей под действием силы выветривания, о чем сказано в посвященной методике исследования части книги. Подробнее об особенностях форм прорезей см.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 7.

³⁰ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X — XI веков. — Л., 1983. — С. 118.

³¹ См. напр.: Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 452.

³² Мединцева А.А. К методике чтения древних граффити // Заснування Софійського собору... — С. 25.

³³ Интересно, что в своей более ранней работе А.А. Мединцева менее категорична: «эти знаки (титла и точки) часто опускались в «деловых» циф-

На самом деле таких отступлений достаточно много. Ярким примером служит берестяная иконка с датой 6537 (1029 г.), опубликованная В.Л. Яниным и А.А. Зализняком³⁴. Отсутствие титл в обозначении отдельных цифр в годах и датах можем в изобилии найти и в других эпиграфических памятниках; довольно большая их подборка представлена в работе Б.А. Рыбакова³⁵. Написание букв года без титл можно видеть и в дате 1038/9 г. в обнаруженном А.А. Евдокимовой греческом граффити на стене южной башни Софии Киевской³⁶.

Нельзя принять и тезис А.А. Медынцевой, что «отсутствие сопроводительного текста можно допустить в календарных расчетах, количественных обозначениях на амфорной таре, цифровых азбуках». Действительно, большинство наиболее ранних дат в эпиграфике Софийского собора не сопровождаются текстом, но это вовсе не случайно. Они, по нашему убеждению, либо фиксируют какое-то важное и общеизвестное историческое событие в жизни Руси, либо являются эсхатологическими, что обусловлено как местом, в котором они возникли, так и связью этих дат с наиболее сакраментальными, драматическими моментами христианской истории³⁷. И если надпись состоит лишь из одной даты, значит, автор акцентировал внимание именно на ней, а отсутствие сопроводительного текста снимает необходимость постановки титл и точек, так как выделять цифры в этом случае не имеет необходимости.

Итак, тщательный анализ особенностей выполнения надписи, формы прорезей и палеографии позволяет рассматривать ее исключительно как фрагмент текста, в котором сохранилось подлежащее осмысленной реконструкции и интерпретации указание 6526 (1018) г.: [в]ь СФК[С].

ровых записях, употреблявшихся вне текста». Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII в.). — М., 2000. — С. 34.

³⁴ Янин В. Л., Зализняк А.А. Берестяная иконка (=грамота № 914-И) // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). — Т. XI. — М., 2004. — С. 108—109. Подобное прочтение поддержали и другие исследователи: Симонов Р.А. Математическая и календарно-астрономическая мысль в Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры). — М., 2007. — С. 211.

³⁵ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... (см. надписи №№ 38, 39, 44, 45, 46, 47, 49, 53, 55).

³⁶ Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити... — С. 493—494.

³⁷ Освещению этого вопроса посвящена следующая глава книги.

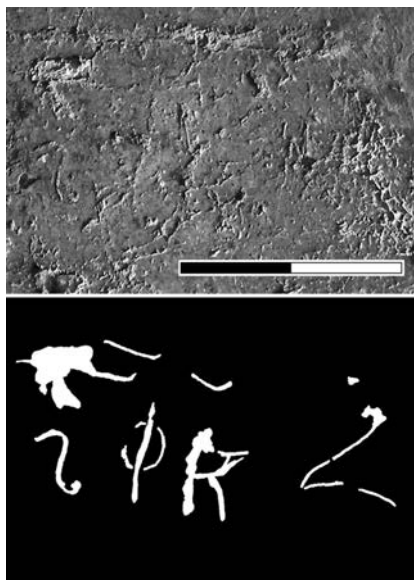

Рис. 24. Фотография и прорисовка граффити 1019 г.

*Надпись 1019 г.*³⁸ Граффити (рис. 24) процарапано иголкой очень мелким почерком в центральном нефе на фреске с образом св. Пантелеймона (рис. I, 4; VI). Надпись состоит из четырех букв, несмотря на низкий, почти сведенный к нулю рельеф прорезей, четко и однозначно идентифицируемых. В начале строки просматривается з-образная **З**, прямолинейная **Ф** с округлыми петлями, сомкнутая **К** с отворотом влево на верхней косой³⁹ и замыкает ряд наклоненная влево **З** с переломом.

Она сохранилась частично, верхняя часть уничтожена выбоиной. Над каждой из букв прочерчено по титлу. То есть, текст следует рассматривать как дату **ЗФКЗ** — 6527 (1019) г. Надпись состоит из одной даты, никакого сопроводительного текста нет.

Предложенное чтение стало предметом критики А.А. Евдокимовой⁴⁰ и Т.А. Бобровского⁴¹. Исследовательница высказала догадку, что в начале надписи вместо представленного нами как буква **З** «некоего знака» вероятнее читать фрагментарно сохранившуюся часть (спинку) прописной «альфы» или «аза». Тогда надпись следует датировать XVI в. Догадку поддержал Т.А. Бобровский, добавив, что начертания букв **к** и **з** более характерны для «позднесредневековой кириллической палеографии». Кроме того, он высказал сомнение, что в надписи четыре буквы, так как на прорисовке отсутствует «целый ряд очевидных линий и даже букв».

³⁸ Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті... — С. 93, рис. 4.

³⁹ Следует заметить, что последняя может интерпретироваться и как засечка.

⁴⁰ Евдокимова А.А. О некоторых граффити Софии Киевской // Заснування Софійського собору... — С. 24.

⁴¹ Бобровский Т.А. Некоторые замечания... — С. 34—35.

Начнем с последнего замечания. В первой главе книги мы подробно рассмотрели методику изучения надписей, позволяющую отличить именно прорези от механических повреждений: царапин, выбоин, гнезд от сгнившей соломы и др. Данная надпись находится в месте, где штукатурка имеет различного вида повреждения. Однако никаких следов других букв и прорезей в этом месте нет, что видно даже на фотографии. Надпись состоит только из четырех букв.

Относительно «загадочного» знака в начале надписи, то его никак нельзя интерпретировать как спинку «аза» или «альфы». Буква сохранилась достаточно хорошо, никаких следов петли нет. Поверхность фресковой штукатурки в этом месте ровная, не несет на себе следов повреждений.

Что касается формы, то перед нами z-образная буква з, встречающаяся, например, в новгородских берестяных грамотах с XI в.⁴², в письменных памятниках XI в. — Реймском евангелии⁴³, Путятиной минее⁴⁴, Типографском уставе⁴⁵.

Сказанное будет справедливым и для формы написания вертикальной к, верхняя косая которой примыкает к середине мачты, а нижняя — к верхней. Наличие отворота влево на верхней косой тоже встречается в материалах новгородских берестяных грамот XI в.⁴⁶

Форма наклоненной влево буквы з с переломом также характерна для берестяных грамот этого столетия⁴⁷, впрочем, как и для письменных памятников, например, Саввиной книги⁴⁸.

Таким образом, палеография не противоречит началу XI в. как времени возникновения надписи. Это подтверждается сильно сглаженной выветриванием формой каналов прорезей, указывающей на значительный временной отрезок существования

⁴² Зализняк А.А. Палеография... — С. 166—167.

⁴³ Реймське евангеліє Анни Ярославівни / Александрович В.С. — Львів, 2010. — Л. 2 (с. 72) та наступні.

⁴⁴ Щеголева Л.И. Путятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1—10 мая. — М., 2001. — Л. 14 об (с. 417).

⁴⁵ Типографский устав... — Л. 1 и след.

⁴⁶ Зализняк А.А. Палеография... — С. 172—175.

⁴⁷ Там же. — С. 168—169.

⁴⁸ Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века. Часть I: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Издание подг. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. — М., 1999. — С. 150 и след.

граффити. Таким образом, у нас нет причин сомневаться в прочтении тут даты 6527 (1019) г.: **СФКЗ**. Другие предложенные оппонентами варианты чтения не находят подтверждения.

Поскольку формы написания букв находят ближайшие аналогии именно в новгородских берестяных грамотах, с большой долей вероятности можем допустить выполнение граффити носителем северорусской палеографической традиции. Возможно, он был новгородцем, участвовавшим в походе Ярослава Владимировича на Киев в 1019 г.

Первая надпись 1022 г. Граффити выполнено на фреске с образом св. Василия Великого в виме придела св. Георгия Великомученика (рис. I, 1; III). Запись опубликована С.А. Высоцким (рис. 25—27), ее было предложено читать как **въ лѣто н СФ^{лос} 'в лето 50 6500-лос'**⁴⁹. То есть, граффити предполагалось датировать 6550-м (1042) г., в котором десятки поставлены перед обозначением тысяч. В таком чтении и интерпретации справедливо усомнились В. Орел и А. Кулик⁵⁰. Они предложили датировать надпись 6530 (1022) г. или, вероятнее, 6540 (1032) г., хотя аргументов в пользу предпочтения более поздней датировки не привели. Интересно, что при этом исследователи указали на вполне четкое прочтение в граффити даты 6530 г.⁵¹ Предложенные разночтения при сравнении с оригиналом нами проанализированы⁵², поэтому здесь ограничимся приведением результатов нашего исследования (рис. 28).

Надпись состоит из двух строк, которые группируются вокруг двух больших букв даты **СФ** (6500). Нижняя строка расположена по обе стороны от букв, верхняя — только справа.

⁴⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 15—16, табл. I, 1; II, 1.

⁵⁰ Орел В., А. Кулик. Заметки о древних киевских граффити // Археология. — 1995. — № 1. — С. 124—125.

⁵¹ Полагаем, что на выводах этих авторов, уверенных в том, что София основана в 1017 г., сказалась авторитетность летописи, связывающей создание Софии с именем Ярослава. Год 1022 как верхний возможный временной рубеж завершения постройки и росписи собора, видимо, показался им очень ранним, не «вписывающим» создание Софии в хронологический контекст княжения Ярослава. Стоит также отметить, что граффити рассматривалось ими не в оригинале, а по фотографиям и прорисовке С.А. Высоцкого. В результате смысл надписи по-прежнему остался мало понятным, а при исправлении некоторых ошибок были допущены новые.

⁵² Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 9—11. Там же указаны и другие наши работы, касающиеся исследования данной надписи.

Рис. 25. Фотография граффити 1022 г. (№ 1), опубликованная С.А. Высоцким; на фото нечетко видимые штрихи подведены, т.е., она была отретуширована

Рис. 26. Фотография граффити 1022 г. (№ 1) без ретуши из архива С.А. Высоцкого; публикуется впервые

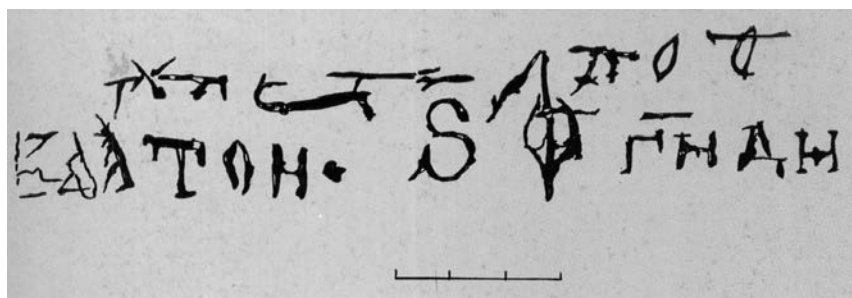

Рис. 27. Прорисовка граффити 1022 г. (№ 1), опубликованная С.А. Высоцким

Граффити начинается с даты **СФ** (6500) с вынесенной в верхнюю строку **Л** (30), что позволило автору надписи объединить обе строки. Поврежденная часть верхней строки восстанавливается как словосочетание **о пасцѣ** («на Пасху» или «Пасхи»). Итак, здесь речь идет о **Пасхе** 6530 (1022) г. В нижней автор указывает характерные признаки самой Пасхи: **златой** (**златон**), т. е. особенной; **господственной** (**господьственон**) дни (**дъни**). Из подобных характеристик видно, что речь идет о Кириопасхе, Пасхе господственной, когда она совпадает с праздником Благовещения. Именно поэтому, по нашему мнению, слова **златон** и **господьст-**

Рис. 28. Фотография и прорисовка граффити 1022 г. (№ 1) и молитвы (слева вверху)

венон, которые характеризуют Кириопасху⁵³, написаны в одной строке по обе стороны от даты, словно «окаймляя» ее.

Последнее слово граффити сильно повреждено, однако сохранившаяся часть позволяет реконструировать его как логему *прости* — вставши, стоя прямо.

Таким образом, полный текст надписи нами реконструируется так: {Въ лѣто} **СФЛ** о пас[цѣ] з[л]агои г(осподьствено)и д(ьн)и. [Пр]ости 'В лето 6530 (1022) на Пасху златую господственную дни. *Прости*⁵⁴.

Предложенное нами прочтение подверглось пересмотру оппонентов, в частности С.М. Михеева и А.Ю. Виноградова, Т.В. Рождественской, Т.А. Бобровского. Следует указать, что из всех исследователей лишь первые изучали надпись в оригинале, следовательно, рассмотрение приведенных не в пользу предложенного нами чтения аргументов нужно начать именно с них.

Прежде всего, исследователи⁵⁵ разделили граффити на четыре (!) самостоятельные надписи (рис. 29). Так, верхняя строка и граффити № 1а⁵⁶ рассматриваются как фрагментарно сохранившаяся греческая надпись. Первое слово нижней строки — как часть сокращенного имени и количества поминаний, обозначаемое вертикальными засечками⁵⁷. Буквы **СФ** — как самостоятельная надпись, обозначающая 6500 (992/993 г.)⁵⁸. Правая часть

⁵³ Богословы переводят слово «*Κυρίοπαχα*» как «Пасха господственная», т. е. главная, истинная, настоящая, ибо по церковному преданию Воскресение Христа произошло 25 марта, в день Благовещения. Поэтому считалось, что Второе Пришествие Христа (или Конец света), когда Он придет судить живых и мертвых, произойдет на Кириопасху. Люди ожидали ее наступления с душевным трепетом и, видимо, этим объясняется появление на стене Софии рассматриваемой надписи. Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в следующей главе.

⁵⁴ В данном контексте это не глагол, а возглас, составная часть литургического возгласения «Премудрость, прости!», то есть, слушая Слово Божье (Премудрость), будьте особо внимательны, стойте прямо.

⁵⁵ Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия... — С. 17—18.

⁵⁶ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 11—12.

⁵⁷ Не лишним будет заметить, что такая атрибуция этой группы надписей была аргументированно обоснована именно В.В. Корниенко: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 381—385.

⁵⁸ Как полагают исследователи, дата либо осталась недописанной, либо является записью календарного характера. Правда, в последнем случае осталась необъясненной причина написания года «задним числом», чего в граффити не наблюдается. На это указывают даже наши оппоненты. Считаем

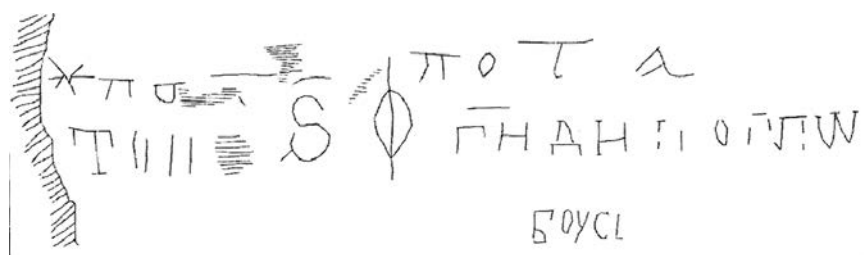

Рис. 29. Прорисовка граффити 1022 г. (№ 1) и молитвы (слева вверху), опубликованная С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым

нижней строки и фрагмент граффити № 730 — как традиционная молитвенная формула.

Несколько забегая вперед, отметим, что анализ приведенных исследователями аргументов показывает: во время работы ими был допущен ряд методических ошибок, на рассмотрении которых мы сосредоточим свое внимание⁵⁹.

Следует отметить следующее: изучение поверхности стены в месте расположения граффити позволило установить, что левая и средняя части записи во время реставрационных работ расчищались от шпаклевки, и это придало им более широкую грубую форму, обусловив различие форм прорезей левой и правой половин надписи. Правая же часть находится на несколько выпуклой поверхности стены, в этом месте древняя штукатурка сильно затерта, поэтому мы имеем дело с основной прорезей букв. Граффити находится не столь близко к краю крестчатого столба, как полагают С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов, а на расстоянии от края около 15 см. При этом от левого края надписи штукатурка хотя и имеет повреждения, однако ее поверхность в целом сохранилась

необходимым привести высказывание полностью: «Но одно из свойств надписей-граффити в храмах — это их синхронность, как правило, событию. Обычно надписи о каком-то событии писались «по свежим следам». Если же предположить, что надпись о дате написана ретроспективно, тогда надо объяснить, почему это было сделано именно позже, что вызвало появление такой надписи и убедительно это аргументировать»: Рождественская Т.В. О сомнительных реконструкциях при чтении софийских граффити // Заснування Софійського собору... — С. 26.

⁵⁹ Теоретические основы и различия применяемых методик рассмотрены нами во второй главе книги, здесь же сосредоточим свое внимание на конкретных ошибках оппонентов.

достаточно хорошо. Но все эти нюансы, как можем сделать вывод из приведенных прочтений и аргументации оппонентов, ими не были учтены.

Первое, что бросается в глаза при сравнении оригинала надписи (или фотографии С.А. Высоцкого) и предложенной С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым прорисовки, это сильно обрезанное начало левой части нижней строки. Трещину на поверхности древней фресковой штукатурки исследователи выдали за ее обвал.

В результате этого первые три буквы слова **златон** были отсечены, хотя они четко видны даже на фотографии⁶⁰. Кроме того, от буквы **и** были оставлены только мачты, хотя на тех же фотографиях видна перемычка. Также буква **о** показана в виде двух полукруглых вертикальных линий, хотя ее прочтение в этом месте безупречно. Как видим, слово **златон**⁶¹ читается в надписи достаточно уверенно. Более толстые прорези, как мы указали выше, обусловлены их грубоватой расчисткой.

Над этой строкой находится другая надпись, являющаяся поврежденной выбоинами, но вполне читаемой традиционной молитвенной формулой **ги помози**⁶². Присоединив к ней верхнюю строку рассматриваемого граффити (напомним, читаемой нами как **о пас[цѣ]**), С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов предложили читать тут фрагментированную грекоязычную фразу [ε]λε[η]σ[δ]...πο[τα]⁶³.

Однако предложенная исследователями прорисовка этой части надписи и сравнение с оригиналом заставляют усомниться в такой идентификации букв. Если поврежденные трещинами буквы **ги** можно с большой натяжкой принять за написанные в виде лигатуры **λε**, никаких следов еще одной **ε** перед ними нет, штукатурка в этом месте ровная. То есть, приняв предложенное чтение, следует признать возможность написания глагола **ἐλέησ(ον)** в форме **λέησ(ον)**, что является весьма маловероятным. Следующую за «слогом **λε**» букву совершенно безосновательно читать как **η**,

⁶⁰ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. I, 1.

⁶¹ Кстати, впервые прочитанное так В. Орлом и А. Куликом: В. Орел и А. Кулик. Заметки... — С. 125.

⁶² Так же читали эту надпись В. Орел и А. Кулик: В. Орел и А. Кулик. Там же. — С. 124.

⁶³ Как полагают исследователи, это «остатки прошения» **ἐλέησ(ον)**, **δέσποτα** 'Помилуй, Владыко!'

ведь буква *п*, процарапанная тут, сохранилась очень хорошо. Никаких дополнительных верхних продолжений мачт не наблюдается, и собрать их из повреждений штукатурки невозможно. Следующая за ней буква *о* по форме действительно напоминает греческую *σ*, однако она возникла вследствие срыва резца в процессе завершения смыкания верхней части левого полукружия с верхней частью правого. Направление движения лезвия позволяет установить, что буква прочерчивалась сверху вниз справа налево. Поэтому срыв резца уходит вправо, а не влево. Нелишним будет заметить, что на своей прорисовке С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов сильно «срезали» верх буквы, примерно на половине полукружий.

Следующие несколько букв значительно повреждены, видимо, поэтому они были полностью проигнорированы исследователями. Несмотря на округлую выбоину, четко просматриваются фрагменты широкой *м* с плечами и острой петлей. Полностью сохранилась небольшая буква *о*, прочерченная между титлом и верхней петлей *Σ*, *z*-образная *z*, *и*. Причем левая мачта буквы частично смыкается с мачтой «ферта». Форма прорезей молитвы отличается от прорезей рассматриваемой надписи 1022 г. Расположение букв указывает на то, что молитвенное обращение возникло после надписи о Кириопасхе.

Первая буква верхней строки этой надписи С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым показана как греческая *π*. Однако на прорисовке левая наклонная значительно отодвинута влево и занимает более вертикальное положение, чем на самом деле. Нами эта буква идентифицируется как *л*. На это указывает как общая форма буквы, так и особенности ее выполнения. Левая наклонная значительно опускается вниз, пересекая правую петлю ферта. Исследование направления движения лезвия позволяет установить, что вначале была прочерчена правая косая, затем от ее верха вниз — левая. Такая особенность выполнения характерна именно для буквы *л*. Горизонтальная черта над ней — титло, которое автор по случайности сомкнул с верхней частью буквы⁶⁴. Например, буква *п* в этой надписи прочерчена совершенно иначе: первоначально были выполнены вертикальные мачты⁶⁵, а затем — го-

⁶⁴ Подчеркнув тем самым цифровое значение этой буквы и ее принадлежность к двум другим — «зелу» и «ферту».

⁶⁵ В нижней части мачты «соединены» гнездом от выпавшей соломы.

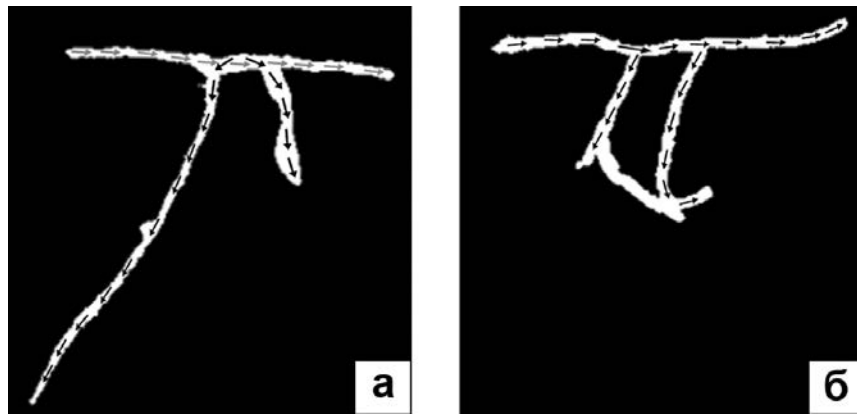

Рис. 30. Динамика написания буквы л (а) и п (б) в граффити 1022 г. (№ 1)

горизонтальная перекладина (рис. 30). С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов эту букву идентифицировали как τ , пропустив хорошо заметную левую мачту. Две последние буквы надписи, сохранившиеся во фрагментах, также были проигнорированы исследователями.

Таким образом, предложенное оппонентами прочтение греческой надписи не соответствует оригиналу, в ней искусственно соединили кириллическое молитвенное граффити и часть верхней строки надписи 1022 г. Также искусственно правая часть нижней строки была сведена с частью опубликованной нами под № 730⁶⁶ молитвенной надписи, расположенной ниже. Форма прорезей этих двух граффити отличная, поэтому для их объединения нет никаких оснований.

Вернемся к нижней строке надписи 1022 г. После хорошо читаемых букв **гиди** С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов реконструируют букву **п**, сохранившую обе мачты и фрагмент перекладины. Однако в этом месте штукатурка сильно повреждена небольшими выбоинами и царапинами, так что прорези тут не просматриваются совсем. Поэтому указывать тут какую-либо букву не представляется возможным. Несмотря на сильные повреждения цара-

⁶⁶ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 19, табл. VII, 2. Причем С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов указали на прорисовке лишь часть букв этой надписи, сославшись при этом на нашу книгу, где опубликована полная фотография данного граффити и реконструирован его полный текст.

пинами, прорези трех последних букв строки просматриваются. Тут находится буквосочетание **сти**. Специфика выполнения и сохранности последних нами рассмотрена достаточно подробно⁶⁷.

Буква **с** повреждена выбоиной в нижней части.

Буква **т** повреждена выбоинами и царапинами. Хорошо заметна параллельная мачте вертикальная черта слева, напоминающая слишком длинную засечку. Подобный штрих, уходящий в выбоину, замечен и справа. Таким образом, форма буквы может быть восстановлена в виде **т**, у которой замыкающие переключки засечки спускаются почти до основания мачты, внизу заканчивающейся горизонтальной засечкой, более длинной с правой стороны. Такое написание встречается в раннем XI в., в частности, в имени «Петрос», одном из составляющих легенды «Θρεος Πетρος» на втором типе монет Святополка I (1018 г.)⁶⁸. Этот палеографический признак является, в свою очередь, важным датирующим фактором. Кроме того, стоит принять во внимание символический аспект: такая **т**, образованная тремя буквами **г** (гамма), означает число 9, поскольку **г** имеет числовое значение 3. Число 9 означает конец, предел цифровой серии до ее возвращения к единице — символу Бога⁶⁹. То есть применение такой буквы может символизировать конец времен, Второе Пришествие и грядущее воскресение праведных. Наверное, такое значение придано этой букве и на монете Святополка, поскольку его патрон апостол Петр, в чье имя вписана подобная **т**, возвещает скорый приход дня Господня и создание «нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3: 10-13)⁷⁰.

Буква **и** повреждена мелкими царапинами и выбоинами. Небольшая царапина, верх которой уходит в выбоину, проходящая от верхней части левой мачты к нижней части правой, делает букву **и** более похожей на **н**. Однако, внимательное изучение прорезей раскрывает вторичный характер царапины.

Проигнорировав эту информацию, С.А. Михеев и А.Ю. Виноградов указали на прорисовке слог **mw**: частично наведенная **с**, не-

⁶⁷ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 10—11.

⁶⁸ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет... — С. 86.

⁶⁹ Керлот Х.Э. Словарь символов. — М., 1994. — С. 576, 579.

⁷⁰ Подобная трактовка употребленной в надписи формы буквы подтверждается и эсхатологическим содержанием граффити. Об этом будет рассказано ниже, в следующей главе.

сколько мелких выбоин за ней и левая часть **т** с искусственно удлиненной правой засечкой преобразованы в **м**; правая часть **т**, опять же с искусственно удлиненной и сомкнутой с основой левой мачты **и**, вертикальной диагональной царапины между ее мачтами и правая мачта **и** преобразованы в «красивую, почти ажурную» **ω**.

Таким образом, искусственность подобных построений легко подтверждается обращением к оригиналу надписи, в некоторых случаях — даже к опубликованным фотографиям. Изложенное выше не позволяет принять ни одну из предложенных С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым поправок, допустивших ряд существенных методических ошибок и просчетов при изучении текста граффити 1022 г.⁷¹

Т.В. Рождественская⁷², не касаясь вопроса собственно даты, остановила свое внимание на реконструированной нами фразе о **пасце златои**⁷³. По мнению исследовательницы, подобная форма окончания «гипотетически» вероятна для более позднего времени, XII—XIII вв. А для XI в. более вероятной формой прилагательного была бы **златѣ** или, менее вероятной, **златѣи**.

На основании этого исследовательница делает вывод о том, что предложенная нами реконструкция с позиций древнерусской грамматики противоречит ранней датировке надписи.

Действительно, с точки зрения наших представлений о древнерусской грамматике правильной формой в местном падеже единственного числа была бы **златѣ** вместо **златои**.

Однако в письменных памятниках мы можем встретить примеры нестандартного склонения прилагательных. Например, двойственное число полного прилагательного с твердой основой **свѣтъи** должно иметь форму **свѣтою** в родительном падеже. Однако в Типографском уставе конца XI — начала XII в. оно представлено в форме **с(вѣ)тою**. Конечно, можно было бы предположить ошибку писца, пропустившего букву **ѣ**. Но подобной трактовке противоречит последовательное употребление такой формы во всей рукописи⁷⁴.

⁷¹ Не упустим случая заметить, что такая работа является классическим примером предустановочной слепоты, когда прорисовка подтягивается под заранее заданные параметры.

⁷² Рождественская Т.В. О сомнительных реконструкциях... — С. 26—27.

⁷³ Текст подается нами без указания реконструируемых в квадратных скобках букв.

⁷⁴ Типографский устав... — Л. 33. 35об, 52об, 54об, 69об, 70, 70об, 71об, 77, 77об.

Таким образом, в письменной традиции встречаются некоторые отклонения от привычных норм древнерусской грамматики. С этой точки зрения, пример с Пасхой *златон* вместо *златѣ* не свидетельствует о невозможности существования такой словоформы в древнерусском языке.

Кроме того, даже если учитывать вероятность ее появления в XII—XIII вв., нельзя исключить возможность рассматривать форму *златон* в надписи 1022 г. как раннее проявление этой словоформы. Например, в софийском граффити № 8 о погребении Ярослава в 1054 г. для обозначения дня недели древнерусский автор употребил слово *въскръсєннѣ*⁷⁵. Однако для обозначения дня недели это слово стало использоваться гораздо позднее, письменные памятники XI—XIV вв. его не упоминают⁷⁶. Однако никто из ученых-эпиграфистов, исследовавших эту надпись, не усомнился в том, что она возникла в середине XI в.⁷⁷

Таким образом, сомнения Т.В. Рождественской по поводу правильности реконструкции фразы *о пасце златон* отнюдь не опровергают возможность относить время возникновения граффити к первой четверти XI в. Более вероятно предположить, что форма *златон* отражает фонетическую особенность южнорусского говора⁷⁸.

Т.А. Бобровский⁷⁹ ограничился коротким изложением предложенных прочтений надписи С.А. Высоцким, В. Орлом и

⁷⁵ Рыбаков Б.А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. — 1959. — № 4. — С. 245—249; Орел В., Кулик А. Заметки... — С. 128—129; Зализняк А.А. К изучению... — С. 269.

⁷⁶ Словарь древнерусского языка XI — XIV вв. — М., 1989. — Т. 2. — С. 70—71.

⁷⁷ Впрочем, следует заметить, что С.В. Цыб, отталкиваясь от этого факта (а также употребления слова *царь* по отношению к князю Ярославу), высказал сомнение в том, что граффити № 8 следует датировать именно 1054 г., и предположил позднее происхождение надписи: Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Издание второе, исправленное. — СПб, 2011. — С. 82—83. Однако исследователь совершенно не касается вопросов палеографии и текстологии надписи, что делает его версию весьма шаткой.

⁷⁸ Кстати, подобную тенденцию С.А. Высоцкий прослеживал во многих софийских граффити. См., напр.: Висоцький С.О. Київська писемна школа X — XII ст. (до історії української писемності). — Львів-К.-Нью-Йорк, 1998. — С. 185—189.

⁷⁹ Бобровский Т.А. Некоторые замечания... — С. 34—35.

А. Куликом⁸⁰, Н.Н. Никитенко и В.В. Корниенко, а также упомянул версию С.М. Михеева и А.Ю. Виноградова, что **СФ** являются недописанной или памятной датой 6500 (или 992 г. от Р.Х.), наконец, привел сомнение Т.В. Рождественской относительно фразы **о пасце златон**. Собственные же наблюдения исследователя свелись к предположению, что буквы, принимаемые за числа, могут составлять «позднесредневековую запись **С°Ф°(▲)** — «София», достаточно явно просматривающуюся на прорисовке Н. Никитенко и В. Корниенко»⁸¹.

Абсурдность подобной реконструкции с точки зрения фонетики рассмотрена нами выше. Что же касается «позднесредневекового» характера букв, то формы написания «зело» и «ферта» находят ближайшие аналогии как в эпиграфических, так и письменных памятниках XI в. Среди первых для примера приведем софийские граффити 1052 г. (№ 4⁸²) и 1054 г. (№ 8⁸³), а также надпись 1068 г. на Тмутараканском камне⁸⁴. Среди вторых — ука-

⁸⁰ Не лишним будет заметить, что в изложении прочтения этих исследователей Т.А. Бобровский значительно искажил текст статьи, на которую ссылается: «В. Орел и А. Кулик увидели в этой надписи иную дату — «40 (и) 6500» (т.е. 6540 г. от с.м. или 1032 г. от Р.Х.)». Чтения даты надписи как «**40 (и) 6500**» эти исследователи не предлагали, подчеркнув невозможность инверсии «с небывалой перестановкой десятков с последнего места на первое — перед тысячами». Чтобы читатели имели возможность представить, насколько Т.А. Бобровский искажил мнение В. Орла и А. Кулика, процитируем два дальнейших предложения полностью: «Между тем, числительное состоит из *s* как обозначения тысяч, *φ* как знака для сотен и еще одного надписного знака как числа десятков. Этот знак, в первом приближении, ясно читается как *л* «30», однако небольшой след над левым наклонным элементом заставляет предполагать здесь следы *м* «40». Иными словами, надлежит читать *сφм* «6540» (или, менее вероятно, *сφл* «6530», то есть, в любом случае не 1042 г., как думал С.А. Высоцкий, а 1032 г.». Как видим, найти в этом отрывке приведенную цитату «**40 (и) 6500**» невозможно. Подобный произвольный пересказ публикаций, на которые делается ссылка, присутствует и в других работах этого автора, посвященных теме датировки Софии Киевской. В частности, критический разбор статьи Бобровский Т.А. Хто будував Софійський собор у м. Києві? (археологічний коментар) // Заснування Софійського собору... — С. 63—65 представлен в нашем издании: Час заснування Софії Київської... — С. 106—108.

⁸¹ Бобровский Т.А. Некоторые замечания... — С. 28.

⁸² Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. III, 1.

⁸³ Там же. — Табл. IX, 1; X, 1.

⁸⁴ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... — Табл. XIII.

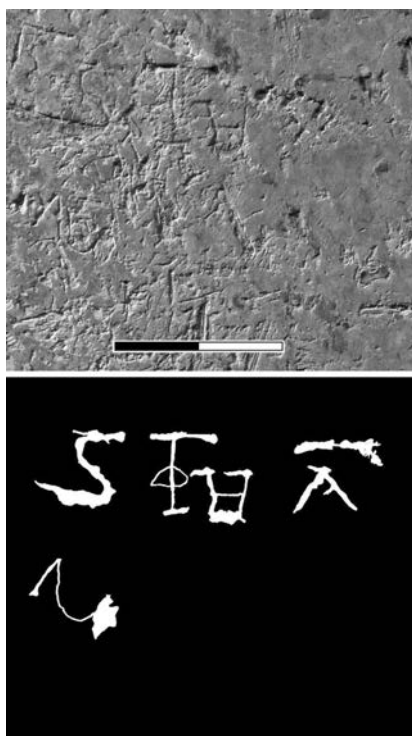

Рис. 31. Фотография и прорисовка граффити 1022 г. на южных хорах Софии Киевской

знание дат в «Изборнике Святослава»⁸⁵ и в «Изборнике» 1076 г.⁸⁶ Заметим, что форма написания букв всей надписи не противоречит указанной в ее тексте прямой датировке.

Итак, у нас нет причин сомневаться, что надпись 1022 г. прочитана и реконструирована нами соответственно оригиналу. Что касается причин такого «удивительного» расположения слов в тексте, сгруппированных вокруг двух букв даты, то они раскрываются нами ниже.

Вторая надпись 1022 г.⁸⁷ Граффити (рис. 31) обнаружено на южных хорах Софийского собора, на фреске с образом неизвестного святого (рис. II, 12; XIV). Фресковая штукатурка в

месте выполнения двухстрочной записи сохранилась достаточно хорошо, все буквы подлежат уверенной идентификации.

В начале верхней строки выполнена S-образная **з** с горизонтальным титлом над ней. Во время выполнения титла автор сильно приблизил его к верхней петле буквы. Со временем тонкая перемычка фресковой штукатурки между ними разрушилась, поэтому теперь титло и буква кажутся написанными слитно. Однако, проследив этапы их выполнения, можем определить, что сначала была прочерчена буква, а уже потом — титло над ней. S-образная форма **з** присуща всему XI в., примеры такого ее напи-

⁸⁵ Изборник Святослава... — Л. 263об.

⁸⁶ Изборник 1076 года... — Л. 276 (с. 742).

⁸⁷ Корнієнко В.В. Нова знахідка графіті 1022 р. на південних хорах Софії Київської // Софія Київська... — С. 57—62.

сания в эпиграфических и письменных памятниках мы рассмотрели выше.

Второй буквой верхней строки является ϕ , петли которого прочерчены одним движением вокруг середины вертикальной мачты, в основе которой находится небольшая горизонтальная засечка. Над буквой выполнено длинное горизонтальное титло. Причем, как ни странно, автор процарапал его раньше, чем мачту «ферта», ведь последняя срывается в прорезь титла. Аналогий именно такому написанию ϕ — с горизонтальной срединной нижней засечкой — в эпиграфических памятниках этого периода мы не выявили, однако такая форма встречается в письменных памятниках XI в., например, в Реймском евангелии⁸⁸.

Следующей была прочерчена буква π с направленными в левую сторону верхними засечками. Такая форма буквы не противоречит XI в., например, она часто встречается в новгородских берестяных грамотах⁸⁹. В нижней части древняя штукатурка выкрошилась, так что мачты кажутся соединенными между собой. Титла над буквой нет. Структура поверхности фрески указывает, что оно не было прочерчено изначально.

Четвертой буквой в строке была выполнена λ . Ее правая верхняя часть выступает за угол смыкания косых, чем она напоминает греческую λ . Такая форма этой буквы встречается в эпиграфических памятниках XI в., например, в надписи на мощенице из черниговского Спасо-Преображенского собора⁹⁰. Над буквой прочерчено прямое горизонтальное титло.

Нижняя строка состоит лишь из одной незаконченной буквы μ с наклоненной левой мачтой и провисающей дуговой петлей. Гладкая поверхность фрески за ней указывает, что надпись осталась незавершенной. Форма написания буквы не противоречит ее отнесению к XI в., она встречается на уже упоминавшейся черниговской мощенице⁹¹, а также в новгородских берестяных грамотах⁹².

Верхняя строка должна однозначно рассматриваться как запись года, на что указывают титла над буквами. Причем числовое

⁸⁸ Реймське евангеліє... — Л. 6 та наст.

⁸⁹ Зализняк А.А. Палеография... — С. 170.

⁹⁰ Холостенко Н.В. Мощеница Спаса Черниговского... — С. 201, рис. 3.

⁹¹ Там же. — С. 201, рис. 3.

⁹² Зализняк А.А. Палеография... — С. 178.

значение имеют лишь три из них — **СФЛ**, так как титла прочерчены только над ними. Поэтому букву **и** мы предлагаем рассматривать как союз, соединяющий тысячи (**С**) и сотни (**Ф**) с десятками (**Л**).

Подобные записи годов встречаются в кириллических эпиграфических памятниках. Например, в надписи 1161 г. на напестольном кресте работы мастера Лазаря Богши, пожертвованном святой княжной Евфросинией Полоцкой в Спасский монастырь (г. Полоцк, Беларусь), между обозначением тысяч **С** (6000) и сотен, десятков и единиц **ХЗФ** (669) поставлен союз **и**⁹³. В ктиторской надписи 1332 г. церкви св. Николая в Станичене (Македония) тысячи и сотни **SW** (6800) соединены с десятками **М** (40) с помощью союза **и**⁹⁴. Подобная традиция сохранялась и в более поздний период, в частности, соединения тысяч **З** (7000), сотен **С** (200) и единиц **Е** (5) двумя союзами и можем видеть в надписи 1697 г. на фасаде церкви св. Георгия монастыря в Темце (Сербия)⁹⁵.

Подобные написания лет встречаются и в письменных памятниках. В частности, в выходной записи 26 августа 1164 г. дьяка церкви Святых Апостолов Константина-Добрилы обозначение тысяч **С** (6000) и сотен, десятков и единиц **ХОВ** (672) соединены союзом **и**⁹⁶. Аналогичную ситуацию наблюдаем в записи 1354 г. писца монаха Иоанна Телеша: тысячи **С** (6000) и сотни, десятки и единицы **WЗВ** (662) соединены союзом **и**⁹⁷. А в записи 1317 г. поповича Ески тысячи **С** (6000) и сотни (**восмьсотонѡк**) с десятками и единицами **КЕ** (25) соединены союзом **и**⁹⁸.

Как видим, приведенные выше примеры свидетельствуют о значительной вариативности способов написания дат. Поэтому нет противоречий в предполагаемом нами прочтении даты как **СФил** (6530 г.). Относительно нижней строки — недописанной

⁹³ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... — С. 32—33, табл. XXXII, 4.

⁹⁴ Овчаров Н.Д. Исторически приноси към старобългарската и старославянската епиграфика и книжовност. — София, 2006. — С. 151, fig. 1.

⁹⁵ Там же. — С. 341.

⁹⁶ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI — XIV веков. — М., 2000. — С. 89—90.

⁹⁷ Там же. — С. 277—279.

⁹⁸ Там же. — С. 222.

буквы **м** — то первоначально мы в качестве более вероятной реконструкции предложили истолкование ее как незавершенное слово **м(ѣсѣ){цѣ}** 'месяца'⁹⁹. Однако после обнаружения еще одной надписи 1022 г. более вероятным будет реконструировать тут предлог **м{ѣ}** как составляющую текста не памятной, а молитвенной надписи.

Третья надпись 1022 г.¹⁰⁰ Граффити (рис. 32) обнаружено в Михайловском приделе на фреске с изображением орнамента (рис. I, 7; IX). Поверхность стены в месте нахождения граффити сильно повреждена выбоинами и затерта, часть выбоин не расчищена от шпаклевки и позднейшей масляной краски. Тем не менее, практически все буквы подлежат уверенной и однозначной идентификации.

Надпись состоит из двух строк. В верхней четко просматривается буква **в** с переломом, петли которой не касаются мачты, за ней — **ь** с наклонной мачтой. Далее посередине строки находится точка. За ней сохранилась s-образная буква **ѡ**, на нижней петле которой находится обозначение тысяч¹⁰¹. Правее, несмотря на повреждение выбоинами, читаются буквы **ѣ** и **л**. За ними, посередине строки, снова поставлена точка. После нее находятся две сильно поврежденные выбоинами буквы. Вторая уверенно определяется как **и**. О первой можно сказать лишь то, что она имела только одну мачту и продолжение вправо. Это позволяет рассматривать ее как **г** или **р**. По контексту следует отдать предпочтение первому варианту.

На эту мысль наталкивает четко, несмотря на повреждения, читаемое в нижней строке слово **спаси**. Следует заметить, что первая **с** сохранилась лишь наполовину, а буква **и** определяется только по контурам.

Итак, в верхней строке три буквы **ѡѣл** отделены от остального текста точками. Над ними находится достаточно большая овальная выбоина, что не позволяет установить, были ли над буквами прочерчены титла. Однако присутствие значка тысяч и двух точек не оставляют сомнения, что тут поставлена дата. Например, выделение цифр точками можем видеть в надписи 1068 г.

⁹⁹ Корнієнко В.В. Нова знахідка графіті 1022 ... — С. 61.

¹⁰⁰ Впервые публикуется в настоящем издании.

¹⁰¹ Два «характерных» горизонтальных штриха отсутствуют. Примеры подобного написания рассмотрены нами выше.

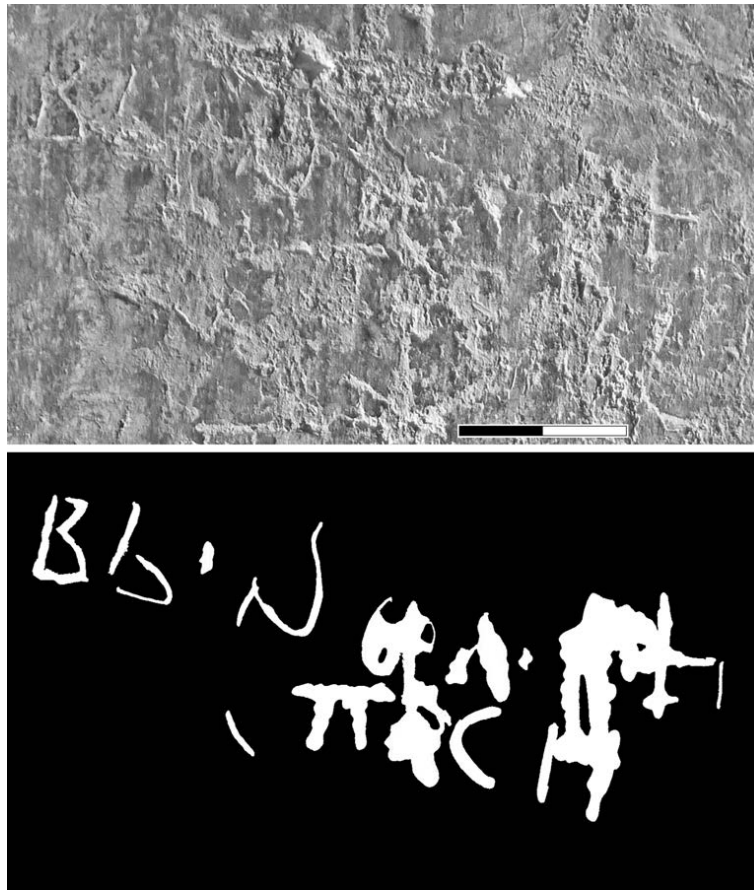

Рис. 32. Фотография и прорисовка граффити 1022 г. из Михайловского придела

на Тматораканском камне¹⁰². Более широко это представлено в письменных памятниках XI в., например, в «Изборнике Святослава» 1073 г.¹⁰³, Путятиной минее¹⁰⁴, Типографском уставе¹⁰⁵ и др.

¹⁰² Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... — С. 32—33, табл. XXXII, 4.

¹⁰³ Изборник Святослава... — Л. 23об. и след.

¹⁰⁴ Щеголева Л.И. Путятина минея... — С. 414—421.

¹⁰⁵ Типографский устав... — Л. 1 и след.

Учитывая все сказанное выше, выделенные точками буквы следует рассматривать как запись 6530 (1022 г.).

Таким образом, благодаря выделению даты, первые две буквы верхней строки следует рассматривать как предлог **въ**¹⁰⁶. А две последние, благодаря четко читаемому глаголу-просьбе **спаси** — как традиционную форму сокращенного написания **Господи** в виде букв **гп** под титлом. В данной надписи титло не сохранилось из-за повреждений штукатурки. Формы написания букв не противоречат датировке надписи началом XI в. Итак, весь текст может быть реконструирован следующим образом: **въ • SFL • Господи спаси 'в 6530-е Господи, спаси'**.

Надпись 1023 г.¹⁰⁷ Граффити (рис. 33) обнаружено в приделе свв. Иоакима и Анны на фреске с изображением Честного Креста (рис. 1, 5; VII). Прорези букв практически не расчищены от шпаклевки и масляной краски XIX в., однако в целом сохранность надписи хорошая, все ее составляющие просматриваются довольно четко. Надпись состоит из пяти знаков.

Первый является вертикальной буквой **в** с переломом, петли которой касаются мачты. Причем нижняя петля направлена углом вперед, что является архаическим признаком. Например, в новгородских берестяных грамотах такая форма исчезает в середине XII в.¹⁰⁸

Далее четко просматривается **з**-образная **з**, над которой прочерчено горизонтальное титло.

Следующая буква повреждена выбоинами, однако по сохранившимся фрагментам однозначно определяется как **ф** с ассиметричными петлями. Это объясняется тем обстоятельством, что обе петли прочерчивались одним круговым движением вокруг мачты, и круг несколько сместился влево. В результате левая петля стала шире по сравнению с правой. Над буквой было прочерчено горизонтальное титло, от которого сохранилась правая часть.

Далее видим букву **л** обычного вида. Следует отметить, что параллельно правой косой внутри буквы находится зашпаклеванное гнездо от сгнившей соломы, так что создается впечатление, будто она прочерчена двойной линией. Над буквой прочерчено горизонтальное титло.

¹⁰⁶ Употребление **ъ** вместо ожидаемого **ѣ** сближает это граффити с надписью 1018/1021 гг., рассмотренной нами выше.

¹⁰⁷ Впервые публикуется в настоящем издании.

¹⁰⁸ Зализняк А.А. Палеография... — С. 156.

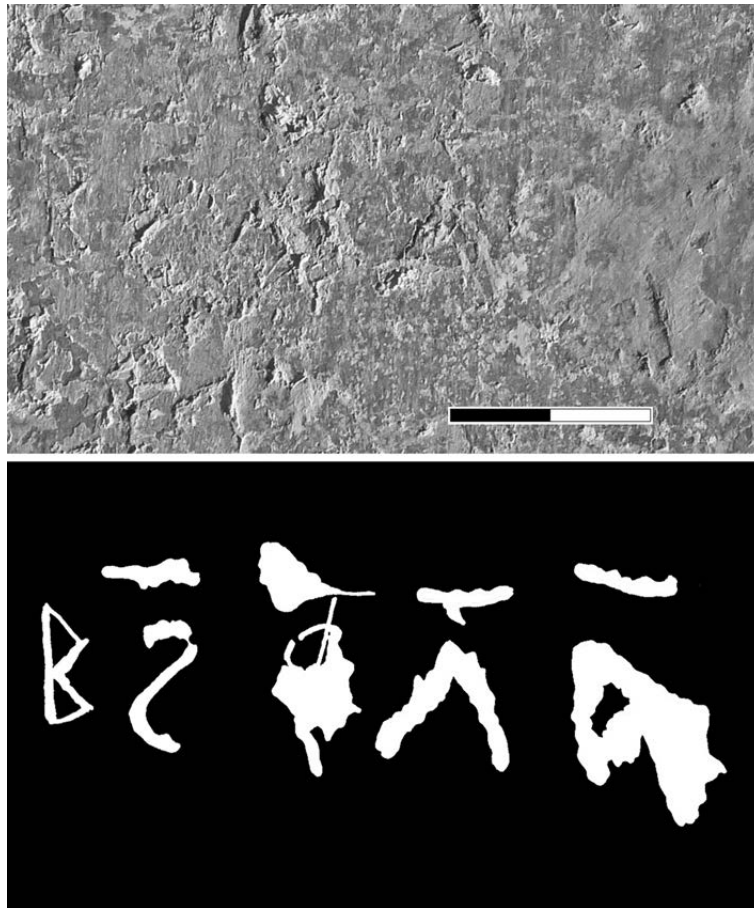

Рис. 33. Фотография и прорисовка граффити 1023 г.

Последней просматривается, несмотря на значительные повреждения фресковой штукатурки, буква **а**. Причем, судя по форме повреждения в нижней части буквы, она имела удлиненную спинку. Над ней прочерчено слегка наклоненное вправо вниз прямое титло.

Как видим, из пяти букв четыре имеют цифровое значение, показанное наличием титл. Весь этот текст следует реконструировать следующим образом: **В(ъ) СФЛЛ 'В 6531 г.'** Нелишним

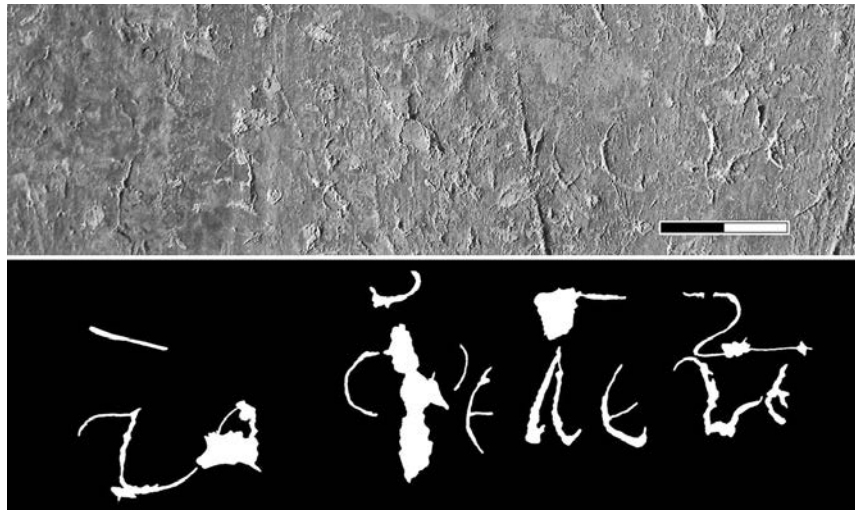

Рис. 34. Фотография и прорисовка граффити 1028 г.

будет еще раз акцентировать внимание на том, что палеография не противоречит датировке этой надписи первой четвертью XI в.

Надпись 1028 г.¹⁰⁹ Граффити (рис. 34) находится в приделе свв. Иоакима и Анны на фреске с образом св. Саввы (рис. I, 6; VIII)¹¹⁰. Поверхность стены в месте расположения надписи сильно затерта, некоторые буквы повреждены выбоинами, не расчищенными, как и часть прорезей, от шпаклевки. Тем не менее, все восемь букв граффити подлежат уверенной идентификации.

В начале строки уверенно читается ς -образная ς ¹¹¹, над которой было прочерчено наклонное титло. От него сохранился только фрагмент.

¹⁰⁹ Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті... — С. 94—95, рис. 6.

¹¹⁰ Образ святого идентифицирован благодаря надписи-граффити, сообщающей его имя: Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабьянов В.Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской. Западное пространство основного объема под хорами // Искусство Христианского Мира: Сборник статей: Выпуск XI. — М., 2009. — С. 240—241. Граффити выявлено А.А. Евдокимовой: Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской (публикация) // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики III. — М., 2008. — С. 632—633.

¹¹¹ Выше мы приводили аналогии подобному палеографическому признаку.

Следующая за ней буква в средней части повреждена большой выбоиной. По сохранившимся сверху и внизу фрагментам можем определить, что буква имела вид открытого вправо полукруга, что позволяет идентифицировать ее как *с* или *е*. Структура всей надписи заставляет отдать предпочтение последнему варианту идентификации. Титло над ней не прочерчено.

Третья буква также пострадала от выбоин, однако сохранившиеся фрагменты двух петель с обеих сторон от поврежденной мачты не оставляют сомнений в идентификации тут буквы *ф*. Над ней прочерчено дуговое титло в виде открытого вверх полукруга.

Далее уверенно просматривается дугообразная вертикальная *е*, форма написания которой не противоречит датировке надписи XI в., поскольку такая форма буквы *е* встречается уже в начале данного столетия в новгородских берестяных грамотах¹¹², на монетах Владимира, Святополка и Ярослава¹¹³.

Несмотря на небольшие повреждения, буква *л* обычного вида просматривается довольно четко. В ее форме примечателен отворот вправо на нижней правой косой — односторонняя засечка. Возможно, такая засечка находилась и на левой косой черте, однако в нижней части она повреждена выбоиной, которая и могла уничтожить засечку. Такая форма буквы *л* с длинными засечками встречается в новгородских берестяных грамотах с XI в.¹¹⁴ Над буквой прочерчено горизонтальное титло.

За ней четко просматривается наклоненная влево *е*. Примечательно, что из всех четырех букв *е* надписи лишь она одна имеет наклон в другую сторону. Учитывая это обстоятельство, характерная для более позднего периода форма *е* в данном граффити с большей или меньшей долей вероятности может быть определена как случайная. Буква прочерчивалась сверху вниз, автор надавил на резец с большей силой, поэтому окончание нижнего полукружия сильно выдвинулось вперед, в результате чего буква получила наклон влево. Заметим, однако, что даже если отбросить случайный характер указанной формы буквы *е*, то и в таком случае можно найти аналогии ей в раннем XI в., например, в новгород-

¹¹² Зализняк А.А. Палеография... — С. 162.

¹¹³ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет... — С. 118 и след.

¹¹⁴ Зализняк А.А. Палеография... — С. 176.

ских берестяных грамотах¹¹⁵ и на монетах Владимира¹¹⁶. В любом случае, форма написания буквы ϵ не противоречит предложенной нами датировке граффити. Титло над буквой отсутствует.

Далее на фреске просматривается z -образная z , затем — вертикальная округлая ϵ . Над ними прочерчено волнистое титло необычной формы, напоминающее z -образную «зелю». На первый взгляд титло и седьмая буква напоминают z , верхняя и нижняя части которой разомкнуты. Внимательное изучение оригинала позволило определить, что буква и титло выполнялись разновременно. Нижняя округлая часть титла плавно переходит в горизонтальную линию вправо. Это было бы невозможным, если бы автор стремился написать букву «земля». Необычность формы титла объясняется тем, что поскольку последние буквы завершают текст, окончание было сознательно выделено.

Учитывая приведенные выше данные, граффити следует рассматривать как указание года (лета) $\text{Se}\Phi\epsilon\text{LeSe}$, в котором к каждой цифре добавлено окончание — ϵ : «[В лето] шеститысячное пятисотое тридцатое шестое». Таким образом, в надписи указывается 6536 (1028) г.

В правильности предложенного прочтения усомнилась А.А. Евдокимова, которую смутило отсутствие примеров подобной «вставки гласной в даты». Как вариант, было предложено чтение граффити как греческой надписи¹¹⁷ « $\phi\epsilon\lambda\epsilon\tau\epsilon$ = $\tau\omicron\ \phi\epsilon\lambda\epsilon\tau\alpha\iota$ субстантивированный инфинитив от глагола $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$, с встречающимися в других греческих граффити собора заменами θ на ϕ и $\alpha\iota$ на ϵ »¹¹⁸.

Глагол $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ ($\epsilon\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$) в представленной А.А. Евдокимовой форме соответствует древнерусскому **желати** (**желѣти**) или **хотѣти**. Теоретически, появление надписи на стене Святой Софии с употреблением данного глагола вполне допустимо, однако когда он является составной частью какого-либо текста. В нашем случае запись состоит лишь из восьми букв, поэтому рассматривать ее как фрагмент большего по объему текста нет никаких оснований. Употребление же лишь одного глагола, да еще в форме инфини-

¹¹⁵ Там же. — С. 162.

¹¹⁶ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет... — С. 157, 179.

¹¹⁷ С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов высказали предположение, что это фрагмент греческой надписи, от которой сохранилось только ... $\epsilon\lambda\epsilon$...: Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия... — С. 19.

¹¹⁸ Евдокимова А.А. О некоторых граффити... — С. 24.

тива 'желать, хотеть', делает надпись совершенно бессмысленной. Кроме того, рассматривать данное граффити как слово не позволяют титла над буквами, передающими именно их числовое значение.

Хотя А.А. Евдокимова и не знает примеров подобного написания дат, на самом деле они есть, более того, довольно часто встречаются в эпиграфических и письменных памятниках, в том числе и в Софии Киевской. Например, в надписи № 55 из Софии Киевской к обозначению тысяч и сотен добавлены окончания —*нок*, а десятков и единиц — окончание —*к*¹¹⁹. В граффити № 114 ко всей дате добавлено общее окончание —*е*¹²⁰. В надписи на кресте Владимира Ольгердовича буквенные обозначения тысяч и сотен также имеют окончание —*нок*¹²¹. В ряде записей писцов на пергаменных кодексах к разным буквенным обозначениям дат также добавлены окончания: в № 167 свода таких записей к тысячам добавлено —*ное*, в № 212 — окончание —*нок*, в № 235 к числу даты приставлены буквы —*н*, а в № 239 к обозначению тысяч, сотен и десятков с единицами дописано окончание —*к*¹²².

Как видим, прочтение даты как *SeΦeΛeSe*, где к каждой цифре добавлено окончание —*е*, отнюдь не противоречиво. Формы написания букв граффити также не противоречат его датировке первой третью XI в.

Первая надпись 1033 г. Граффити (рис. 35) обнаружено в арке второго яруса между диаконником и главным алтарем собора, на фреске с образом св. Евстафия Плакиды (рис. II, 11; XIII)¹²³. Несмотря на мелкие повреждения выбоинами, стертость поверхности фрески и частично расчищенные от шпаклевки прорези, сохранность надписи хорошая, все буквы уверенно идентифицируются.

¹¹⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 98.

¹²⁰ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 122.

¹²¹ Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А. Дослідження південної частини Подолу в 1984—1985 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984—1989 рр. Збірник наукових праць. — К., 1993. — С. 122, рис. 12.

¹²² Столярова Л.В. Свод записей... — С. 187, 222, 235, 237.

¹²³ Образ идентифицирован В.В. Корниенко благодаря обнаруженному на фреске граффити с именем этого святого: Корнієнко В.В. Графіті в арках другого ярусу центральної апсиди Софії Київської: деякі підсумки дослідження // Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь. Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Софійські читання». Київ, 25—26 жовтня 2007 р. — К., 2009. — С. 389.

Рис. 35. Фотография и прорисовка граффити 1033 г. в арке второго яруса

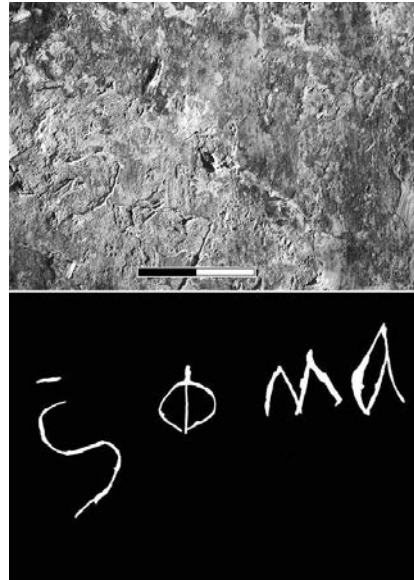
В начале надписи читается хорошо сохранившаяся s-образная буква **с**, над которой прочерчено горизонтальное титло. Форма написания буквы характерна для XI в., о чем мы писали выше. Наличие титла указывает на ее числовое значение.

За ней просматриваются петли и верхняя часть мачты буквы **ф**. Несмотря на повреждения фресковой штукатурки в центре буквы, ее сохранившиеся фрагменты не позволяют сомневаться в определении знака именно как «ферта».

Две последние буквы, несмотря на практически полностью закрытые шпаклевкой прорези, четко читаются как **м** и **а**.

Как полагает Т.А. Бобровский¹²⁴, форма написания этих двух букв соответствует нормам XII—XIII вв. На этом основании высказывается сомнение, что надпись выполнена в XI в. Однако такие формы написания буквы **м**, острой с наклонными мачтами, встречаются с XI в. в новгородских берестяных грамотах¹²⁵, в софийском граффити 1036 г., на монетах Владимира¹²⁶. Кстати, на последних присутствует **а**, как и в граффити, со слегка изогнутой мачтой и выпуклой петлей¹²⁷.

Итак, форма написания букв не противоречит датировке надписи первой третью XI в., что позволяет с уверенностью читать текст как запись **сФМА**: 6541 (1033) г.

¹²⁴ Бобровский Т.А. Некоторые замечания... — С. 31.

¹²⁵ Зализняк А.А. Палеография... — С. 176.

¹²⁶ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет... — С. 118—180.

¹²⁷ Там же. — С. 118, 179.

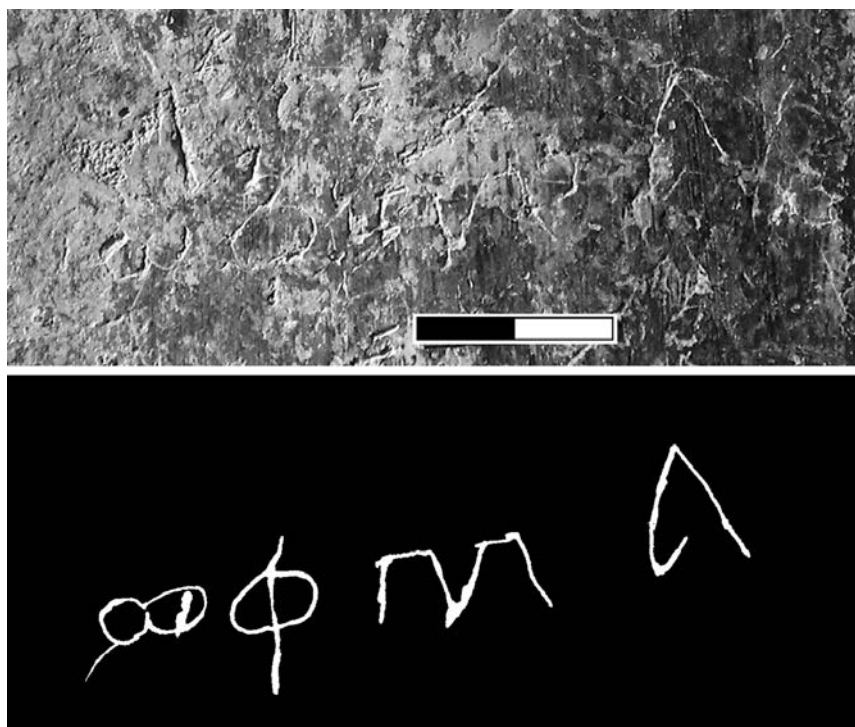

Рис. 36. Фотография и прорисовка граффити 1033 г. из Георгиевского придела

Вторая надпись 1033 г.¹²⁸ Граффити (рис. 36) находится в приделе св. Георгия Великомученика, на фреске с образом св. Василия Великого (рис. I, 1; III). Надпись выполнена иглой, однако сохранность ее достаточно хорошая, все составляющие уверенно идентифицируются. Текст состоит из четырех знаков.

В начале строки просматривается буква, имеющая вид лежащей восьмерки. От ее левой части вниз прочерчена косая черта. По нашему мнению, эту букву следует идентифицировать как написанную на боку букву *z* со значком обозначения тысяч. Подобное написание в датах встречено в двух датированных XI в. грекоязычных граффити Софии Киевской¹²⁹. Одно из них обна-

¹²⁸ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 15, табл. IV, 1.

¹²⁹ Именно поэтому несостоятельным является утверждение Т.А. Бобровского, что подобное «опрокинутое «зело» не имеет аналогий в греческой или

ружено В.В. Корниенко, это частично сохранившаяся молитва в алтарной части Георгиевского придела¹³⁰. Второе выявлено в южной лестничной башне А.А. Евдокимовой¹³¹. Похожее написание этой буквы в датах встречается и в более поздних письменных памятниках, например, в записи XV в. на страницах Хлудовской псалтири о времени основания Лавры св. Афанасия¹³².

Далее довольно четко просматривается буква **ф** с вертикальной мачтой и симметричными петлями.

Следующая буква достаточно хорошо сохранилась, она уверенно читается как широкая **м** с плечами, наклонными мачтами и острой петлей.

За ней прочерчена буква **а** с незамкнутой со спинкой нижней частью петли. Внизу спинки просматривается наклоненная вправо царапина, напоминающая прорезь. Однако различия в форме каналов прорезей буквы и царпины различны, причем последняя возникла раньше **а**, так как ее спинка срывается в царпину.

На основании этих наблюдений текст надписи был прочитан нами как указание даты **СФМΛ**, то есть, 6541 (1033) г.

Новое прочтение этой надписи предложили С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов (рис. 37)¹³³, присоединив к ней текст опубликованной нами другой греческой надписи¹³⁴. Граффити стало читаться оппонентами как [Σ]οφία ὡρθῆ, возглас «Премудрость, процветай!», возможно, в русском произношении «Софийа»

Предварительно заметим, что по форме прорезей эти два граффити очень похожи, возможно, они выполнены одним и тем же автором. Однако большое расстояние между «строками» заставило нас рассматривать их как две отдельные надписи. Впрочем, не исключена контекстная взаимосвязь, однако соединять их в одну нет достаточных оснований.

Внимательное сопоставление предложенных С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым прорисовок с оригиналом заставляет усомниться в предложенном чтении.

кириллической палеографии XI в.»: Бобровский Т.А. О некоторых граффити... — С. 32.

¹³⁰ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 45, табл. XLIII, 1.

¹³¹ Евдокимова А.А. О некоторых граффити... — С. 23—24.

¹³² Фонкич Б.Л. Хлудовская псалтирь: кодикология и палеография; история рукописи // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. — М., 2008. — С. 583, рис. 3.

¹³³ Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия... — С. 20.

¹³⁴ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 15, табл. IV, 2.

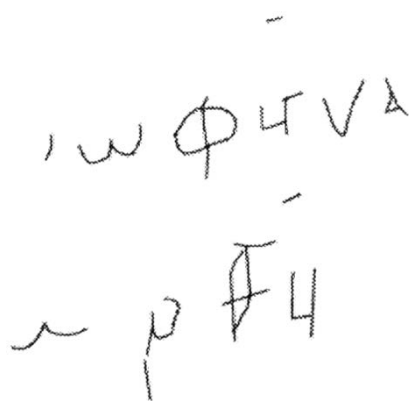

Рис. 37. Фотография и прорисовка граффити 1033 г. из Георгиевского придела, опубликованная С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым

Состоящая из четырех букв надпись, рассматриваемая нами как дата, по какой-то причине «избавилась» от последней **а**. Правда, взамен она получила фрагмент округлой **с** перед началом строки. Но штуртурка тут довольно хорошо сохранилась, никаких следов

прорезей в этом месте нет. Есть, правда, небольшое гнездо от выпавшей органической примеси, однако принимать его за букву нет никаких оснований.

Следующую букву, рассматриваемую нами как **з** в виде лежащей восьмерки, исследователи интерпретируют как **ω**, убирая при этом «лишние» верхние замыкающие части петель, хорошо видимые в оригинале.

Но самую сильную метаморфозу претерпела буква **м**, превращенная сразу в три (!) буквы. Так, от нее была отсоединена левая мачта и примыкающая к ней половина плеча. Далее примерно на уровне середины мачты к ней слева присоединяется овальная выбоина в виде **с** с выкрошенной серединой, правда, наводится только левая внешняя часть выбоины. Полученная таким образом буква приобрела вид кириллической **ц** с односторонней засечкой на верхней части мачты и стала трактоваться как **η**. Оторванная посредством «удаления» плеч от **м** петля стала читаться как **υ**. А к правой мачте буквы **м** была в средней части добавлена небольшая выбоина от выпавшей минеральной примеси, причем наведена только ее внешняя часть. В результате буква стала похожей на **α** с очень длинной спинкой и маленькой петлей. Результатом всех этих натяжек¹³⁵ стало маловероятное с лингвистической точки зрения слово Σωφίρα.

¹³⁵ Подобные метаморфозы претерпели буквы расположенной ниже надписи. Подробнее см.: Час заснування Софії Київської... — С. 59—61.

Как видим, предложенное С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым альтернативное прочтение надписи изобилует таким количеством курьезных натяжек и явных манипуляций, что вычитанное тут невероятное с лингвистической точки зрения греческое слово Σοφία греческими буквами в русском произношении Σοφία может вызвать лишь ироническую улыбку. Предложенное же нами прочтение текста как даты, учитывая приведенные выше примеры, не противоречиво и максимально соответствует оригиналу надписи.

Третья надпись 1033 г.¹³⁶ Граффити (рис. 38) находится в центральном нефе, на фреске с образом неизвестного святого (рис. I, 3; V). Поверхность фрески в месте расположения надписи несколько пострадала от выпадения ряда органических примесей, гнезда от образования которых, как и часть прорезей, ныне закрыта шпаклевкой, поверхность которой вследствие эрозии имеет мелкопористую структуру. Это особенно важно учитывать, отделяя повреждения от прорезей.

В начале надписи написана несколько наклоненная влево s-образная буква **ς**. В нижней части петли ее окончание повреждено выбоиной, от которой вверх поднимается гнездо от сгнившей соломы. Поэтому первая буква внешне напоминает **ω**. Отделить прорези от случайных повреждений позволяет только обращение к оригиналу.

Следующая буква, несмотря на повреждения, может быть однозначно идентифицирована как **φ**. Это подтверждается особенностями ее выполнения: сперва была прочерчена вертикальная мачта, затем справа от ее верхней части вниз выцарапывалась линия, которая пересекла мачту, образовав правую петлю, прошла дальше и повернула вверх, образовав левую петлю, не достигающую до верха мачты. Нелишним будет заметить, что левая петля буквы закрыта шпаклевкой, а к ней примыкает также закрытое шпаклевкой гнездо от сгнившей соломы.

Следующая буква, несмотря на поврежденную выбоиной нижнюю часть, однозначно определяется как острая **μ**.

Средняя часть последней буквы выкрошилась и закрыта шпаклевкой, однако по контурам она достаточно четко определяется как **α** с несколько изогнутой спинкой. Похожее ее написание встречается в надписи 1033 г. в арке второго яруса на фреске с

¹³⁶ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 118, табл. CLXXXIV, 1.

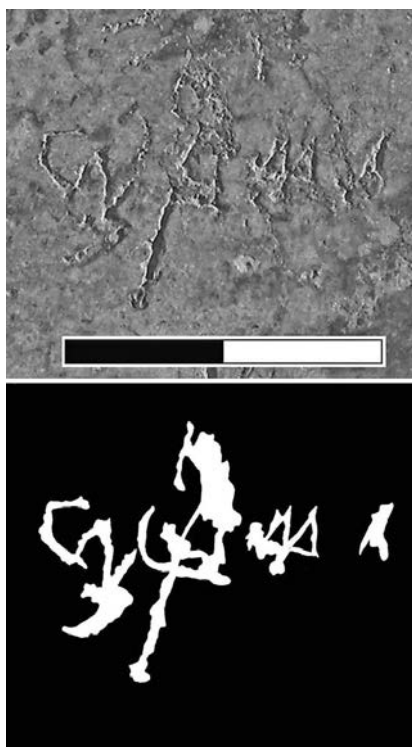

Рис. 38. Фотография и прорисовка граффити 1033 г. из центрального нефа

изображением св. Евстафия Плакиды, рассмотренной выше¹³⁷.

На основании этих наблюдений, не противоречащих палеографии, нами предложено чтение граффити как записи года **СФМА**, то есть, 6541 (1033).

В таком прочтении усомнились С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов (рис. 39)¹³⁸, предложившие читать ее как греческое слово *ῥυμ[ι]* 'порыв'.

Выше мы уже достаточно четко описали состояние сохранности букв надписи, что позволяет определить допущенные исследователями ошибки.

Так, у написанной несколько наклонно первой буквы **с** по воле оппонентов появился дополнительный штрих, который на самом деле является

гнездом от сгнившей соломы, добавленной в штукатурку. Даже на предложенной прорисовке он не совпадает с линией буквы. На ней же правая часть «омеги» в оригинале выглядит иначе, ведь в нижней части **з** имеет выбоину. Два показанных на прорисовке штриха над «омегой» являются гнездами от сгнившей соломы, закрытыми шпаклевкой.

Петля определенной как **р** второй буквы имеет продолжение влево, плавно поднимаясь вверх. Проблема лишь в том, что эта часть петли не расчищена от шпаклевки, поэтому слабо различима на фотографии. То есть, на фреске выцарапана именно буква **ф**.

¹³⁷ Там же приведены примеры подобного написания этой буквы в XI в.

¹³⁸ Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия... — С. 21—22.

Последняя буква показана оппонентами в виде наклонного штриха, при этом второй наклонный в противоположном направлении штрих и высыпающаяся между ними штукатурка не показаны. В результате буква *а* превратилась в *і*.

Как видим, допущенные ошибки при определении буквы привели к неправильному прочтению надписи как написанного вне контекста слова *орѣ* 'порыв' с недопустимо модернизированной, как для древнерусского времени, эмоциональной артикуляцией, с одной стороны, и явно противоречащей жанровой специфике граффити, с другой: по мнению С.М. Михеева и А.Ю. Виноградова, это слово могло быть обозначением какого-то душевного движения писавшего, и названием чего-то, например, корабля.

Таким образом, и в этом случае предложенное нами прочтение надписи как указания 6541 (1033) г. максимально соответствует оригиналу граффити. Палеография не противоречит его датировке первой третью XI в.

Надпись 1036 г. Граффити находится в приделе св. Георгия Великомученика, на фреске с образом св. Василия Великого (рис. I, 1; III). Сохранность надписи хорошая, все составляющие уверенно идентифицируются. Текст состоит из пяти знаков.

Надпись опубликована С.А. Высоцким (рис. 40)¹³⁹. Первоначально она читалась как указание 6554 (1046) г.: *ѡфмѣ*¹⁴⁰ д. В дальнейшем чтение надписи было им изменено: первые три буквы по-прежнему рассматривались как указание цифр в дате, но уже как 6540 (1031—1032) г., а буквы *ід* — как указание 14 индикта этого года¹⁴¹.

Рис. 39. Фотография и прорисовка граффити 1033 г. из центрального нефа, опубликованная С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым

¹³⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 16, табл. I, 2; II, 2.

¹⁴⁰ Числительное 50, по мнению исследователя, было составлено из букв *м* (40) и *і* (10).

¹⁴¹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 198—201, рис. 10; с. 251.

Рис. 40. Фотография граффити 1036 г., опубликованная С.А. Высоцким

В правильности подобного прочтения усомнились В. Орел и А. Кулик, рассматривая ее как указание 6540 (1031—1032) г., а буквы *id* они относили к нижней строке греческой двухстрочной надписи¹⁴².

Современные исследования В.В. Корниенко (рис. 41)¹⁴³ позволили установить, что все пять знаков принадлежат одной надписи. В начале строки просматривается s-образная *s* несколько большего размера, чем остальные буквы. Этим оно очень напоминает надпись 1033 г. в арке второго яруса на фреске с образом св. Евстафия Плакиды. Над буквой прочерчено горизонтальное титло.

Далее четко читается *f* с прочерченными одним круговым движением петлями, чем напоминает схему выполнения «ферта» в надписи 1033 г. из центрального нефа. Только направление движения резца различные. В нашем случае движение начиналось от середины мачты влево вверх, достигнув верхней ее части, опускалось вниз, причем, не смыкаясь с мачтой. Над *f* прочерчено титло.

За «фертом» четко читается острая *m* с наклонными мачтами, над которой прочерчено горизонтальное титло.

¹⁴² Орел В., Кулик А. Заметки... — С. 125.

¹⁴³ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 12—14, табл. III, 2.

За ней видна вертикальная черта, которая первоначально трактовалась нами как случайно выполненный автором штрих, когда он вместо наклонной линии прочертил прямую¹⁴⁴. В дальнейшем такое чтение нами было пересмотрено, и мы сочли, что этот штрих более вероятно считать союзом *i*, соединяющим десятки и единицы¹⁴⁵. То,

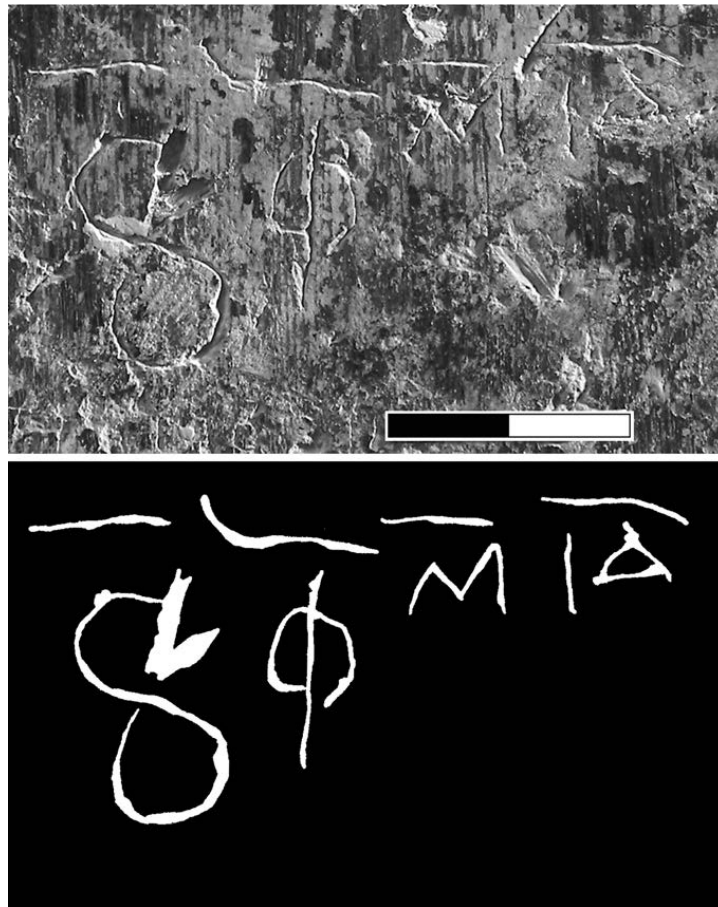

Рис. 41. Фотография и прорисовка граффити 1036 г.

¹⁴⁴ Там же. — С. 14.

¹⁴⁵ Корнієнко В.В. Нова знахідка графіті 1022... — С. 60, прим. 19.

что буква не имеет цифрового значения, четко прослеживается по соотношению титла и буквы: во всех четырех случаях левый край титла несколько выступает вперед от оси букв.

Последняя буква читается нами как *д*. По форме она напоминает греческую «дельту», однако ее нижняя часть, хотя и сохранилась плохо, позволяет идентифицировать знак как кириллическую *д* с короткими ножками. Последние не сохранились из-за повреждения штукатурки. Над буквой прочерчено горизонтальное титло.

Итак, учитывая эти особенности, надпись следует читать как указание 6544 (1036) г.: **ΣΦΜιΔ**.

Следует заметить, что Т.А. Бобровский указал на наличие еще одного знака в надписи, имеющего «отчетливое титловое обозначение и конфигурацию, близкую кириллической *з* или греческой *ζ*»¹⁴⁶. Как полагает исследователь, эта буква может обозначать число индикта 7, а саму надпись следует читать как «6540 индикта 7» (т.е. 6547 г. от с.м. или 1039/40 гг. от Р.Х.). Искусственность подобной реконструкции обусловило обращение исследователя только к фотографии граффити, ведь изучение оригинала показывает, что принятый за букву дефект штукатурки является на самом деле выбоиной, а титло над ней — царапиной. Неправомочность реконструкции Т.А. Бобровского установлена, независимо от нас, С.М. Михеевым, изучавшим надпись в оригинале (рис. 42)¹⁴⁷.

Последним, как и А.Ю. Виноградовым¹⁴⁸, поддержано прочтение в надписи даты. Однако отличие предложенного ими определения текста граффити состоит в двух моментах. В первом исследователи показывают две точки вокруг союза *и*, во втором определяют последнюю букву как *а*, а не *д*.

Две точки вокруг *и*, как показывает изучение оригинала граффити, на самом деле являются небольшими повреждениями штукатурки. Это доказывает отличие структуры «прорезей», так как выпадение фрагментов штукатурки происходило по направлению от стены. Это возможно, когда под небольшим фрагментом штукатурки находится микротрещина, постепенно увеличивающаяся и

¹⁴⁶ Бобровский Т.А. О некоторых граффити... — С. 29.

¹⁴⁷ Михеев С.М. О датировке Софии Киевской... — С. 55, прим. 9; Михеев С.М. Когда был построен Софийский собор в Киеве? // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. — М., 2012. — С. 236, прим. 13.

¹⁴⁸ Михеев С.М., Виноградов А.Ю. Эпиграфические открытия... — С. 19—20.

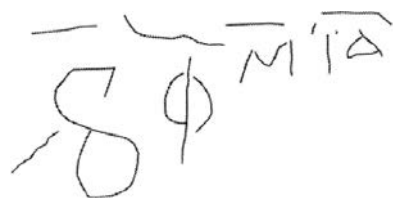

Рис. 42. Прорисовка граффити 1036 г., опубликованная С.М. Михеевым и А.Ю. Виноградовым

приводящая со временем к вывалу этого фрагмента. Никаких следов воздействия силы по направлению к стене, как было

бы в случае выцарапывания точек, не наблюдается.

Относительно второго уточнения, то действительно, последняя буква может трактоваться и как «азъ». Как полагает С.М. Михеев, на это указывает отсутствие левой ножки у д, а также сходство буквы граффити с некоторыми формами написания а в памятниках X—XI вв.¹⁴⁹ В связи с таким утверждением прорисовка этой буквы С.М. Михеевым была несколько «подправлена» в пользу более округлой левой части, чтобы быть похожей на петлю а¹⁵⁰. На самом деле эта часть буквы имеет несколько иную форму, ниже рассмотрим, какую именно.

Особенности написания последней буквы таковы, что она действительно может быть интерпретирована двояко. Ведь подобно приведенным С.М. Михеевым примерам дельтовидной формы а, в эпиграфических памятниках этого периода также можно отыскать такие формы д, например, на монетах Владимира¹⁵¹. Однако стоит обратить внимание на то, что нижняя часть спорной буквы сохранилась плохо, в обоих углах штукатурка выкрошилась. В оригинале хорошо заметно, что линии левой косой черты и горизонтали прочерчивались отдельно. Кстати, на прорисовке С.М. Михеева верхняя косая черта плавно с изворотом переходит в горизонтальную и доходит до правой косой¹⁵². На самом же деле, они возникли в два этапа: сначала была прочерчена левая косая черта сверху вниз, а затем горизонтальная, справа, от правой косой, налево, выходя за пределы левой косой. Судя по характеру повреждений штукатурки в этом месте, низ левой косой черты несколько спускался под горизонтальную (рис. 43). А это и есть «недостающая» левая ножка д. Поэтому последний вариант идентификации этой буквы именно как буквы «добро» представляется нам более вероятным.

¹⁴⁹ Михеев С.М. О датировке Софии Киевской... — С. 55—56; Михеев С.М. Когда был построен... — С. 236.

¹⁵⁰ Михеев С.М. Когда был построен... — С. 235.

¹⁵¹ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет... — С. 130.

¹⁵² Михеев С.М. О датировке Софии Киевской... — С. 55, рис. 1.

Рис. 43. Динамика выполнения буквы д в надписи 1036 г.

* * *

Итак, рассмотренный нами материал позволяет утверждать, что древнейшие даты в граффити читаются достаточно четко, предложенные оппонентами аргументы против такой идентификации, как и их новые прочтения, не выдерживают критики. Если все же сле-

довать трактовкам этих граффити, предложенным нашими оппонентами, то можно прийти к настоящим курьзам.

Как мы показали выше, наличие двух начальных букв дат **С** и **Ф**, а также внешнее сходство первой с латинской «S» побудили Т.А. Бобровского предложить прочтение двух дат как слов **С'ф"▲** или **С(о)фїє**. Такое чтение воспринимается явным нонсенсом в контексте славянской фонетики, ибо вряд ли древнерусские авторы не отличали значение звонкого звука 'z' от шипящего 's', написав 'Зофия' вместо 'София'.

Не менее «оригинальное» прочтение с точки зрения фонетики продемонстрировали С.М. Михеев и А.Ю. Виноградов, предположив, что греческое слово «Премудрость» было написано греческими буквами в русском произношении **Σοφία** '*Софийя*'. Если принять правомочность подобных истолкований текстов софийских надписей, то придется признать, что древнерусский человек не имел ни малейшего представления о произношении и написании слова 'София', служившего названием митрополичьего храма Киевской Руси. Вывод абсурдный, ведь достаточно посмотреть летописные сообщения с упоминанием этой лексемы, дабы убедиться в том, что она была хорошо известна и писалась без подобных ошибок.

Хотя большинство рассмотренных здесь наиболее ранних датированных граффити не сопровождаются текстом, тем не менее, они не являются следствием ошибочного написания, неправильного прочтения, либо случайным явлением, результатом какой-то неосознанной рефлексии и т.д. Учитывая место их написания и особенности средневековой ментальности, эти надписи фиксируют нечто важное, особенно значимое для их авторов. Исследованию проблемы контекстуальной наполненности граффити посвящена следующая глава.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДРЕВНЕЙШИХ ДАТИРОВАННЫХ ГРАФФИТИ

Древнейшие датированные граффити Софии Киевской, в том числе и те, которые представляют собой одну лишь дату, не спонтанны, они вовсе не существуют «вне контекста», а именно в последнем пытаются убедить читателя наши оппоненты¹. На самом деле, даты в граффити, как и граффити-даты, вписываются в актуальный для времени их появления исторический контекст. Аргументируем выдвинутый нами тезис контекстным анализом древнейших датированных надписей.

*Запись 1018/1021 г.*² Как мы писали в предыдущей главе, от этой первоначально текстовой записи уцелела фактически лишь дата, если не считать отдельных сохранившихся букв от сопровождавшего эту дату текста. По форме каналов прорезей, учитывая факт уничтожения последней буквы даты выбоиной, время появления граффити определялось нами в пределах 1018—1021 гг. Более уверенно определить, когда именно между 1018 и 1021 гг. надпись могли выцарапать на фреске, позволяет обращение именно к контекстному анализу граффити. Для этого следует внимательно проанализировать место расположения фрески, на которой выцарапано граффити, а также написанный на ней образ.

Надпись выполнена в главном алтаре на фреске с изображением неизвестной святой, которая держит в руке крест, являющийся символом мученичества. Изображение ее в главном алтаре, куда женщины кроме диаконисс не допускались, весьма сим-

¹См.: Архипова Е.И., Толочко А.П. «Новая датировка» Софийского собора в Киеве: критика гипотезы // Российская археология. — 2011. — № 3. — С. 128. Необходимо отметить, что приведенные в статье критические замечания нами были подробно проанализированы в издании: Никитенко Н.Н., Корниенко В.В., Рясная Т.А. Новая датировка Софии Киевской...

²Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті... — С. 91—93.

птоматично. Поскольку монументальная живопись собора, как и в других средневековых памятниках, носила функционально-богослужебный характер, то есть, была тесно связана со службами и обрядами, которые здесь происходили, с большой долей вероятности можем определить данную святую как диакониссу.

Диаконисса (гр. διακόνισσα) — известный еще с апостольских времен чин церковного служения женщин в древней Церкви. В Послании к Римлянам апостол Павел упоминает диакониссу Фиву: «Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому» (Рим. 16:1—2). Согласно византийскому гражданскому и церковному праву, диакониссы считались членами клира и имели сан священства, который был эквивалентным сану дьяконов-мужчин. В частности, император Юстиниан Великий говорит о принадлежности диаконисс к «священству» (ἱερωσύνη); то же самое удостоверяет византийский Евхологий. Диаконисса принимала причастие в алтаре непосредственно после клириков и к ней обращались «высокочтимая» и «преподобная». В 123-й новелле Юстиниана диакониссы безоговорочно рассматриваются наравне с монахами и аскетами. Известно, что в состав клира Софии Константинопольской входило 100 дьяконов и 40 диаконисс, и чин диаконисс существовал в Византии до XI в. Диакониссу, как и дьякона, после анафоры поставляли (χειροτονεῖν — «хиротонисали») в алтаре, где епископ возлагал на нее диаконский орарь под мафорием, оставляя оба его конца спереди. Это было связано с ее ролью в богослужении, особенно в обряде крещения женщин: после того, как епископ или священник помазывал святым елеем чело новокрещенной, диаконисса ради соблюдения благопристойности помазывала другие части ее тела³.

К числу прославленных святых принадлежали диакониссы, связанные родством или деятельностью со святителями, изображенными в мозаике главного алтаря Софии Киевской. Это сестра св. Василия Великого и св. Григория Нисского блаженная Феозва (гр. Θεοσεβία — Феосевия), мать св. Григория Богослова и

³ Mary P. Truesdell. The Office of Deaconess. The Diaconate now (ed. by Richard T. No 1) — Washington, 1968; Желтов М., диакон. Диаконисса // Православная энциклопедия. — Т. 14. — М., 2007. — С. 580—587.

жена св. Григория Назианзина св. Нона, сподвижница св. Иоанна Златоуста св. Олимпиада. Возможно, одна из них изображена на стене алтаря Софии в образе вышеупомянутой святой.

Примечательно, что диаконисса на стене алтаря Софии Киевской изображена в мафории, надетом поверх подпоясанного золотистого богослужебного подризника, через который перекинут широкий полуорарь (так как орарь — дьяконский наплечник-лента, спускавшаяся с плеч), свисающий обоими концами вниз. О происхождении слова «орарь» существуют три мнения, которые, впрочем, не противоречат друг другу. Одни выводят это слово от латинского «орайо» — молитва, другие — от латинского «рот», поскольку в древности дьякон вытирал орарем уста тех, кто причащался. «Плат для вытирания лица» известен и в классической латыни. С этим связано третье значение слова «орарь» — лат. «полотенце», лентион. На Тайной Вечере, собираясь омыть ноги ученикам, Спаситель снял с себя верхнюю одежду и подпоясался длинным полотенцем (лентием), а затем начал омывать ноги ученикам и вытирать их концами этого полотенца. Именно такое полотенце видим на диакониссе, изображенной на алтарной фреске Софии.

В пандан к упомянутой святой, на внутренней плоскости южного столба триумфальной арки, фигурирует еще одна диаконисса, держащая в руке евхаристический плат — аналог ораря. А.М. Лидов, рассматривая вопрос о священстве Богородицы, которую традиционно изображали с белым платом в руке или за поясом, вполне справедливо отмечает, что такой плат находит прямые аналогии в лентовидных литургических одеждах (епитрахиль, орарь, епигонатий). Исследователь приводит иконографические примеры, которые указывают на византийскую практику литургического использования плата; он отмечает, что белый плат также присутствует в изображениях символических прообразов Евхаристии, поскольку является важнейшим евхаристическим символом⁴.

Все это является ключом к пониманию размещения рассматриваемого граффити на изображении диакониссы в главном алтаре собора: литургический характер этого образа, размещенного напротив престола, может указывать на связь надписи с наиболее

⁴ Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. — М., 2009. — С. 248—254.

великим таинством — первой Евхаристией, состоявшейся в Святой Софии во время, указанное в тексте граффити. Исходя из того, что первая Евхаристия произошла здесь во время освящения престола 11 мая 1018 г., можно сделать вывод, что в тексте указан 6526 (1018) г. Следовательно, этот год следует признать нижней возможной датой выполнения граффити.

Эта дата подтверждается временем возникновения данной фрески. Как установил киевский искусствовед Ю.А. Коренюк, оба образа святых жен в главном алтаре, определенные нами как диакониссы, являются несколько позднейшими дополнениями к первичным фрескам собора, поскольку они написаны на участках новой штукатурки, хотя техника и стиль их выполнения близки первичным росписям. «Таким образом, возникли они, — пишет исследователь, — вскоре после завершения последних. Однако штукатурка этих дополнений имеет чисто белый цвет, который свидетельствует о том, что он является чисто карбонатным и отличается от штукатурки первичных фресок»⁵.

Такая штукатурка была изготовлена по упрощенной технологии, когда в известковый раствор почти не добавлялось никаких наполнителей, кроме соломы. Вместе с тем, в первичной штукатурке в качестве наполнителей использовались минеральные примеси, в частности шлак, который образовывался при варке мозаичной смальты⁶. Ю.А. Коренюк на основании технологических аналогий допускает датирование этих фресковых изображений временем, близким к выполнению росписей Спасо-Преображенского собора в Чернигове, то есть серединой XI в.⁷

Московские искусствоведы О.С. Попова и В.Д. Сарабьянов также отметили стилистическую близость рассматриваемых софийских фресок к образам мучениц на фресках черниговского Спасо-Преображенского собора; как аналогию они приводят об-

⁵ Коренюк Ю. Про деякі пізніші доповнення до фресок у Софії Київській // Міжнародний освітній фонд імені Ярослава Мудрого. Тези конференції «Освіта і культура XI ст. Діяльність Ярослава Мудрого і сучасність» — К., 1996. — С. 18—19.

⁶ Коренюк Ю. Фрески Софійського собору в Києві (технологія, техніка, деякі питання стилю, проблема майстрів). Автореферат дис. ... канд. мистецтвознавства. — К., 1995. — С. 4—5.

⁷ Там же. — С. 5; Коренюк Ю.А., Первухина Н.В. К вопросу о технологии и технике исполнения стеной росписи Софийского собора в Киеве // Практика реставрации памятников монументальной живописи. — М., 1991. — С. 135.

раз св. Феклы из этого храма⁸. Тем не менее, верхняя возможная дата граффити на алтарном изображении св. диакониссы — 1021 г. — надежно удостоверяет возникновение софийских фресок не позднее этого времени.

Почему эти фрески в нижней части столбов главного алтаря Софии возникли в последнюю очередь, перед самым освящением храма? Г.Н. Логвин, который исследовал стыки фресковой штукатурки, определил, что Софийский собор расписывали от периферии к центру, сверху вниз⁹. Такой порядок росписи можно объяснить тем, что, пока мозаичисты декорировали центр собора, исполнители фресок работали на его периферии, постепенно приближаясь к центру, где стояли громоздкие леса для выполнения мозаичных работ. Итак, в последнюю очередь должны были возникнуть фрески подкупольного креста и главного алтаря. Это были именно те участки храма, декорирование которых фресками завершили в правление Ярослава Владимировича, когда смальту уже не варили, поэтому во фресковой штукатурке с изображением диаконисс отсутствует шлак от смальтоварения¹⁰. Следовательно, граффити с указанием 1018 г. фактически фиксирует время завершения строительства и росписи Софии Киевской.

Надпись 1019 г.¹¹ Напомним, что надпись обнаружена на столбе центрального нефа. Указанный в граффити 1019 год, по нашему мнению, здесь не является случайным, ведь именно в этом году Ярослав Владимирович после победы в междоусобной войне за власть на Руси утвердился на киевском престоле: *Ярославъ же сѣде Кыевъ, оутверъ пота с дружиною своєю, показавъ побѣду и трѹдъ великъ*¹².

⁸ История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века. — М., 2007. — С. 193—194.

⁹ Логвин Г.Н. Новые наблюдения... — С. 154—160; Логвин Г.Н. Собор Святої Софії... — С. 100—102.

¹⁰ Более подробно вопросы истории оформления декора и перестроек главного алтаря рассматриваются в нашей работе: Корниенко В.В. К вопросу о времени создания, перестроек и реконструкции первоначального вида декора нижнего яруса главного алтаря Софии Киевской в свете новых эпиграфических исследований // Архитектурное наследство. — М., 2010. — № 53. — С. 5—24.

¹¹ Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті... — С. 93—94.

¹² ПСРЛ — Т. 1. — Стлб. 146.

Показательно, что надпись-дата сделана под княжеским групповым портретом, на изображении св. Пантелеймона, игравшего особую роль в жизни Владимира Святославича и его сына Ярослава — ктиторов Софии Киевской, представленных на портрете как раз над этой фреской. Известно, что раскопками М.К. Каргера в 1940 г. на месте древнего престола собора найден древнерусский медный ковчежец с мощами св. Пантелеймона, о чем извещала сделанная на ковчежце надпись. Местонахождение мощей под престолом полностью отвечало византийскому чину на основание храма. О закладке мощей святых под престол будущего храма знаем из Киево-Печерского патерика и из материалов археологических исследований древнерусских храмов¹³. Мощи св. Пантелеймона, положенные под престол Святой Софии, должны были «и ныне, и присно, и во веки веков» освящать алтарь «митрополии русской», а, значит, и сам собор, Киев и всю христианскую Русь.

Великомученик и целитель св. Пантелеймон принадлежал к кругу избранных святых, особо чтимых византийскими императорами, которые дарили драгоценные частицы мощей святого великомученика Церкви того государства, правитель которого вступал в брак с византийской царевной. Исследовательница киевской святокультовой традиции Н.В. Верещагина в этой связи обращает внимание на такой выразительный факт: в 972 г. племянница императора Византии Иоанна Цимисхия царица Феодано вышла замуж за наследника престола, будущего германского императора Оттона II (973—983 гг.). В роскошном приданом, которое она получила от венценосного родственника, были богатые дары для Папы Римского, императора, известных сановников. Но среди многочисленных святынь, данных царственной невесте, особого внимания удостоились мощи св. Пантелеймона. Сам Цимисхий торжественно вручил их архиепископу Кельнскому, который возглавлял немецкое посольство, встречавшее Феодано в Константинополе и сопровождавшее ее дальше¹⁴.

¹³ Подробнее см.: Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 48; Teteriatnikova N.B. Relics in the walls, pillars, and columns of byzantine churches // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. — М., 2003. — С. 77—92; Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабянов В.Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской... — С. 210—212.

¹⁴ Верещагіна Н. Мощі великомученика Пантелеїмона — святиня Київської Русі // Проблеми та досвід вивчення, захисту, збереження і використання

Допуская, что аналогичный дар получила молодая Русская Церковь при заключении династического брака князя Владимира и византийской царевны Анны, Н.В. Верещагина делает вывод о том, что мощи великомученика стали родовой реликвией великокняжеской семьи, и это подтверждает еще одна историческая находка¹⁵: в 1966—1969 гг., во время ремонтно-реставрационных работ в черниговском Спасо-Преображенском соборе под древним престолом была выявлена серебряная мощеница, судя по надписям-именам на крышке, с мощами свв. Пантелеймона, Акакия и Маккавея¹⁶. Храм основан ок. 1030 г. черниговским князем Мстиславом Владимировичем (1026—1036), сыном Владимира Великого. Став вслед за отцом христианином, Мстислав должен был получить «на благословение себе» от Владимира христианские святыни, в том числе и частицы родовых реликвий. Со временем мощи св. Пантелеймона были вложены в основанный им Спасский собор — одно из величайших сооружений обращенного в новую веру государства¹⁷.

В свое время, исследуя проблему идейных истоков иконографической программы однофигурных фресок Софийского собора, мы связали рассматриваемый образ св. Пантелеймона (с греч. — «Всемилоственного») с Владимиром Великим, который характеризуется в древнерусской литературе как князь милостивый, щедрый, во всякое время проявляющий заботу о подданных, особенно о немощных и убогих. Именно за эту свою добродетель, вместе с заслугой Крестителя, князь Владимир возводится древнерусскими книжниками в ранг небожителей¹⁸.

Вместе с тем, мы неоднократно обращали внимание на бесспорную связь образа св. Пантелеймона с Ярославом, поскольку на южной стене Владимирского алтаря Святой Софии, именно над его гробницей, стоящей здесь с XI в., фигурирует еще одно изображение этого святого. Достоверно установлено, что данное поясное изображение св. Пантелеймона является вторичным, так как оно возникло на месте счищенного первичного сюжета, при-

ня архітектурної спадщини. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань. Київ, 27—28 листопада 2002 р. — К., 2003. — С. 58—59.

¹⁵ Там же. — С. 60.

¹⁶ Холостенко Н.В. Мощеница Спаса Черниговского... — С. 189—202.

¹⁷ Верещагина Н. Мощи великомученика Пантелеймона... — С. 60.

¹⁸ См. Никитенко Н.Н. К иконографической программе... — С. 101—107; Никитенко Н.Н. Программа однофигурных фресок... — С. 173—180.

чем вскоре после написания последнего. Это обуславливалось необходимостью создания усыпальницы для Ярослава в уже возведенном и почти полностью расписанном при Владимире соборе. Причем Ярослав встроил в собор усыпальницу в самом начале своего киевского княжения, ведь в древних обществах, в том числе в Византии и на Руси, важным государственным делом было сооружение усыпальницы правителя сразу после занятия им трона. В Византии выбор мрамора для царской гробницы даже вошел в коронационный обряд.

Введение образа св. Пантелеймона в роспись Ярославовой усыпальницы мы объяснили давней литургической практикой предсмертного и посмертного елеосвящения человека и его останков. Мы сослались при этом на принятый в Руси византийский Студитско-Алексеевский устав, по которому гробница ктиitora должна быть установлена в притворе св. Пантелеймона, где будут правиться панихиды за умершим¹⁹.

Но могла быть еще одна причина появления образа св. Пантелеймона над гробницей Ярослава. В византийской и древнерусской традиции существовал обычай называть человека двумя (общеизвестным крестильным и тайным молитвенным) или даже несколькими христианскими именами²⁰. Основываясь на исторических свидетельствах, указывающих на формирование по инициативе князя Владимира патронального ему культа св. Николая в Десятинной церкви, а также на данных росписи Софии Киевской и надписей-граффити на ее стенах, мы сделали вывод, согласно которому, наряду с крестильным именем Василий, князь имел и молитвенное — Николай. Молитвенное имя было дано ему в честь св. Николая Мирликийского, равноапостольного «князя Церкви», духовного патрона князя и его соратника-чудотворца в деле крещения народа Руси.

Дело в том, что в соответствии с византийскими церемониально-дипломатическими нормами князь-неофиты получали имена своих восприемников от святой купели — императора и

¹⁹ См. Никитенко Н.Н., Никитенко М.М. Княжеская усыпальница... — С. 454—472; Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 169—170, 233—239; Никитенко Н.Н. Святые целители в стенописи Софии Киевской // Человеческая целостность и встреча культур / Сост. К.Б. Сигов. — К., 2007. — С. 265—272.

²⁰ Яркий пример тому — рассматриваемая в следующей главе запись-молитва княжича Меркурия-Ивана, одного из сыновей князя Святополка I.

патриарха. А поскольку таковыми по отношению к Владимиру были император Василий II и патриарх Николай Хрисоверг, то крестильным именем князя стало Василий, а молитвенным — Николай²¹. Кстати, образ св. Николая фигурирует на столбе центрального нефа Святой Софии, как раз напротив св. Пантелеймона, а такая топографическая симметрия по средневековым иконографическим канонам означает и симметрию смысловую, то есть, устанавливает идейную взаимосвязь обоих образов.

Так же и Ярослав, названный крестильным именем Георгий, мог получить молитвенное имя Пантелеймон, известное лишь его ближайшему окружению. Св. Пантелеймон Целитель являлся едва ли не наилучшим патроном для князя, который с детства хромал и, как установили антропологическая, медико-анатомическая и рентгенологическая экспертизы его останков, не отличался крепким здоровьем²².

Интересно, что имя Пантелеймон получил внук Владимира Мономаха Изяслав Мстиславич. Существуют данные об особом почитании св. Пантелеймона бабкой Изяслава Гидой и его отцом, Мстиславом Владимировичем. Кроме того, сохранился целый ряд княжеских печатей с изображением св. Пантелеймона, удостоверяющих факт крещения представителей рода Ярослава в его честь²³.

Итак, прослеживается родовая традиция именования потомков Ярослава в честь св. Пантелеймона, поэтому не исключено, что эта традиция начата самым Ярославом (Пантелеймоном?) как основателем собственной династии. Не случайно на фреске центрального нефа с изображением св. Пантелеймона размещена известная надпись (№ 8) о погребении в соборе Ярослава Владимировича 20 февраля 1054 г.²⁴ В таком случае становится понят-

²¹ Никитенко Н., Верещагина Н. Проблема имянаречения князя Владимира в свете новых исследований // *Медієвістика*. Зб. наук. праць. — Вип. 5. — Одеса, 2009. — С. 6—28.

²² См.: Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. — 1940. — VII. — С. 46—57.

²³ Подробнее см.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. — М., 2006. — С. 564.

²⁴ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 39—41, табл. IX, 1; X, 2. Кстати, именно на этой фреске оставила свои «автографы» дочь Ярослава Анна: Никитенко Н.М., Корнієнко В.В. Анна Ярославна... — С. 93—98.

ной причина написания на изображении св. Пантелеймона даты вокняжения в Киеве (1019 г.) и погребения Ярослава (1054 г.). Кстати, довольно интересный факт — обе надписи расположены на одной высоте и недалеко одна от другой.

Надпись 1023 г. Мы полагаем, что указанный в граффити год также следует рассматривать в контексте политических событий борьбы за Киев между Владимировичами. В ПВЛ в статьях 6531 и 6532 гг. сообщается о походе тмутороканского князя Мстислава против своего брата Ярослава: «**Поиде Мстиславъ на Ярослава с Козары и съ Касоги**»²⁵. Как далее пишет летописец, Мстислав с союзниками подошел к Киеву (сам Ярослав находился в Новгороде), однако, не принятый жителями города, ушел в Чернигов: «**приде Мьстиславъ ис Тъмѣторокана Кыеву и и не приаша кго Кыяне. он же шедь сѣде на столѣ Черниговѣ. Ярославу сущю Новгородѣ тогда**»²⁶.

Таким образом, благодаря позиции горожан, Киевское великое княжение осталось в руках Ярослава. Видимо, как и в случае с записью 1019 г., неизвестный автор счел необходимым внести эту дату в «летопись» Софийского собора как год, в котором Ярослав снова утвердился на престоле. Однако в этом случае надпись сделана не на фреске с образом св. Пантелеймона, как мы показали выше, особо чтимого в семье Ярослава, а рядом, на фреске с изображением Чесного Креста. Вероятнее всего, причина выбора места для выполнения граффити кроется в восприятии этого события как особой милости Божьей для Ярослава и его подданных, так как войска Мстислава отступили от Киева, как свидетельствует летопись, без боя, благодаря чему город избег кровопролития, а вражда между братьями не привела к активным боевым действиям.

Надпись 1028 г.²⁷ Как мы упоминали выше, граффити выполнено на фреске с изображением св. Саввы, образ которого надежно идентифицируется благодаря грекоязычной надписи, называющей его имя²⁸. У св. Саввы выраженный аскетический тип лица с запавшими щеками, он сед и подчеркнуто чернобров. На

²⁵ ПСРЛ. — Т. 1. — Стлб. 147.

²⁶ Там же. — Стлб. 147.

²⁷ Нікітенко Н., Корнієнко В. Нововиявлені ранні датовані графіті... — С. 94—96.

²⁸ Сохранность граффити отличная, текст уверенно читается: ο αγιος Σαβας; см.: Евдокимова А.А. Греческие граффити... — С. 632—633.

нем — облачение игумена знаменитой обители: черный монашеский аналав (пояс-шарф) с крестами, пурпурная мантия. Судя по почетному месту фрески на столбе компартиментов, где во время служб стояла знать, а также по особенностям иконографии святого, изображенного в виде властного игумена, на фреске представлен св. Савва Освященный, основатель и игумен лавры близ Иерусалима, носившей его имя. Единое, что может вызвать сомнение в этой атрибуции — это крест в руке святого, который по обыкновению отмечает изображения мучеников. Св. Савва же скончался мирно, не испытав пыток от рук палачей. Но он продолжительное время был монахом-отшельником, вел жизнь подвижника в пустыне и испытал немало лишений, а подвиг таких святых монахов приравнивался к мученическому подвигу. Например, преподобный Ефрем Сирин, который также скончался мирно, говорил: «Я родственник мученикам»²⁹.

С крестом в руке, как мученики, изображены, например, в современных софийской фреске сюжетах монументальной живописи XI в. знаменитые монахи-подвижники, скончавшиеся мирно, такие как свв. Арсений Великий, Иларион Великий, Нил Синайский, Дорофей Египетский (мозаики кафоликона Осиевского в Фокиде), Евфимий Великий (фреска Софии Фессалонийской)³⁰.

Обращает на себя внимание то, что граффити написано чуть ниже колена, и это, по нашему мнению, не является случайным. С давних времен колени рассматривались как место сосредоточения физической и духовной силы, как символ власти и социального авторитета. Именно с этими представлениями связаны высказывания «преклонить колени» — поза смирения, покорности богам, подвластности кому-то; «коснуться колена» — просить защиты и покровительства. Слово «колени» на многих языках означает также «рождение», «семью», «род». В христианском искусстве с этими представлениями связаны такие сюжеты как «Лозо Авраамово», «Отечество» и некоторые Богородичные ком-

²⁹ Димитрий Ростовский, св. Жития святых: январь—декабрь. — К., 1999. — С. 625—626.

³⁰ Подробнее см.: Сарабянов В.Д. Монашеская тема во фресках собора Рождества Богородицы Антониевого монастыря в Новгороде // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912—1999): Сборник статей. — М., 2005.

позиции. На многочисленных изображениях тронной Богоматери св. Мария кладет руку на колено Младенца. Это жест мольбы, с которым Богоматерь обращается к своему божественному Сыну, заступаясь за род человеческий. Этот жест также подчеркивает божественное происхождение, силу и власть Иисуса³¹.

Какое же событие 1028 г. инспирировало появление граффити с этой датой на фреске с изображением св. Саввы? Расположение надписи в «аристократическом» компартименте собора и написание ее возле колена святого позволяет допустить, что оно акцентирует какую-то родственность, знатность, святость рода, то есть в 1028 г. произошло некое важное событие, связанное с семьей киевского князя. Можем вспомнить, что в ближайшие дни после 12 ноября 1028 г. умер Константин VIII³², родной брат княгини Анны, последний мужской представитель знаменитого Македонского дома, с которым породнились Рюриковичи посредством заключенного в конце X в. династического брака князя Владимира и принцессы Анны. Этот брак имел для Руси исключительное значение, поскольку знаменовал собой ее крещение. Недаром о нем рассказывают светские фрески лестничных башен Софии, на которых присутствуют изображения обоих братьев Анны — императоров Василия II и Константина VIII³³.

Над фресковым изображением св. Саввы, на противоположных склонах арки, представлены полуфигуры мучеников Кирика и Улиты — календарных святых Владимира, умершего на день их памяти 15 июля³⁴. Поэтому, в таком размещении граффити можем усматривать его связь с княжеской четой Владимира и Анны и с родословной последней, которой, бесспорно, гордились и во времена Ярослава, не случайно назвавшего своих старших детей в их честь Владимиром и Анной.

Важно то, что св. Савва Освященный издавна почитается как автор Иерусалимского устава, великий молитвенник, трудившийся над составлением чина всенощного бдения (агриппии), которому отводилось особое место в поминании умерших. Смысл таких служб — непрерывная молитва, не перерывающаяся ни на миг ради дарования умершим милости Божьей и Царства Небес-

³¹ Гукова С.Н. Знаки приснодевства Богоматери // *Byzantinoslavica*. — 2005. — Vol. 63. — P. 229—230.

³² Михаил Пселл. Хронография. — М., 1978. — С. 21, 268.

³³ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 77—122.

³⁴ Там же. — С. 171—172. Эти фрески возникли около 1018 г.

ного. Агриппии были основным отличием Иерусалимского устава от принятого со временем на Руси Студийского³⁵. Итак, кроме поминания в дни общих панихид и ежедневного — во время литургии (в ектеньи за умерших), членов княжеской семьи и близких им лиц, очевидно, поминали также во время агриппий.

Но был еще один повод написать «поминальную» относительно Константина VIII дату на изображении св. Саввы. Память этого святого отмечалась 5 декабря, а согласно церковным канонам панихида по умершим отправлялась на 3-й, 9-й, 20-й и 40-й день после смерти³⁶. Поэтому надпись на фреске, скорее всего, была сделана 5 декабря 1028 г., на 20-й день после смерти императора Константина VIII, дня, пришедшегося, как тогда обычно писали и говорили, «на память» св. Саввы.

Возникает вопрос: а могла ли весть о кончине Константина VIII достичь Киева за столь короткий для тех времен срок? Можно ответить утвердительно, если вспомнить свидетельство Киево-Печерского патерика о том, что строители Успенского собора прибыли в Киев на десятый день после того, как покинули Царьград, то есть вдвое быстрее, чем сюда пришла весть о смерти Константина VIII³⁷. Причем в нашем случае можно даже говорить о специальном гонце, в задачу которого входила немедленная доставка в Киев известия о смерти близкого родственника князя. Эта последняя новость, закодированная в поминальной дате-молитве, тут же была зафиксирована на стене Софии.

³⁵ Желтов М., диакон, Ткаченко А.А. Всенощное бдение // Православная энциклопедия. — Т. 9. — М., 2007. — С. 668—680.

³⁶ Последование парастаса, сиречь великие панихиды и всенощного бдения, певаемых по усопшим отцем и братьям нашим и по всем православным христианам преставльшимся. — К., 1876.

³⁷ См.: Киево-Печерский патерик... — С. 6—7. Быстрота передвижения зависела от тех или иных обстоятельств. Полагают, что «по необходимости, пользуясь давно известным кратким путем напрямик через море» жители византийского Херсона могли достичь Константинополя за сутки—двое. См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000. — С. 272. Константинопольский патриарх Николай Мистик в письме от 917 г. к болгарскому царю Симеону упоминает, что стратиг Херсона *ежедневно в своих посланиях и речах* сообщает ему о враждебных действиях болгар против ромеев. См.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Ч. 2. — Харьков, 2005. — С. 1479—1480. Легкое судно могло в те времена одолеть до 225 км в день, а гонец — 100 км в день как минимум. См. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... — С. 245, 264.

Если принять во внимание тот факт, что на стенах Софии найдено немало граффити с записями о кончине и погребении того или иного князя, можем сделать вывод, что автор граффити «занес» 1028 г. в «синодик» Рюриковичей на стенах «митрополии русской» для вечного поминания Константина VIII — шурина князя Владимира Святославича и близкого родственника его сына Ярослава. Такое поминание воспринималось как чрезвычайно важный акт еще и потому, что Константин VIII был непосредственно причастен к крещению Руси — ее Спасению во Христе.

Интересно, что на восточной лопатке этого же столба есть вышеупомянутая четко датированная надпись 1054 г. о погребении Ярослава Владимировича, на соседнем столбе — надписи о внесении в марте (1077 г.) в Софию руги — платы на помин души Святослава Ярославича (ум. 27 декабря 1076 г.) и о помещении в Софии 14 апреля, в великий четверг, раки с останками еще одного сына Ярослава, Всеволода-Андрея (ум. 13 апреля 1093 г.), причем надписи сделаны сразу же или в скором времени после смерти этих князей³⁸.

Итак, нет сомнений в актуальном характере всех этих поминальных граффити, что, в свою очередь, позволяет с достаточной долей вероятности говорить о возникновении рассматриваемой надписи на фреске с образом св. Саввы именно в 1028 г.

Надписи эсхатологического содержания 1022, 1033 и 1036 гг.³⁹

Для уяснения исторического контекста появления на стенах Святой Софии нескольких граффити с указанием одного и того же года, следует обратить внимание на фреску с образом св. Василия Великого в Георгиевском приделе, на которой присутствуют все три указанные даты.

Древнейшей надписью этой группы является граффити 1022 г., текст которого, напоминая, реконструируется нами следующим

³⁸ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 18—24, 39—45.

³⁹ Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В. Есхатологічні дати в графіті на фресках Софії Київської як історичне джерело // Архіви України. — Вип. 5—6 (262) — С. 43—63; Никитенко Н.М., Корниенко В.В. Эсхатологический календарь в граффити на фресках Софии Киевской // Судейский сборник. — Выпуск IV. — К.-Судак, 2010. — С. 173—191; Никитенко Н.М., Корниенко В.В. Эсхатологические даты в древнейших граффити Софии Киевской // Память и надежда: горизонты и пути осмысления / Сост. К.Б. Сигов. — К, 2010. — С. 484—507; Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 400—410.

образом⁴⁰: *Въ лѣто СФЛ о пасцѣ златои господьственои дни прости.*
'В лето 6530 на Пасху златую господственную дни. Прѣсти'.

Выше мы писали, что центральной частью надписи являются две большие цифры даты **СФ**, вокруг которых группируются три фрагмента одного предложения. И способ написания граффити, и его содержание указывают на существенную семантическую нагрузку этого уникального текста, его значимость. Остановимся на символическом содержании указанных «рамок» даты 1022 г.

Как известно, средневековая теологизация хронологии обусловила введение в летоисчисление элементов символизма. В частности, византийские хронисты, отыскивая скрытую от непосвященных сверхъестественную тайну, увлекались не только символикой, но и богословским содержанием чисел, чтобы доказать истинность христианского летоисчисления, обосновать освященные церковной традицией даты. Символичность же возникает тогда, когда вырисовывается определенная тождественность. Например, анонимный автор известной византийской Пасхальной хроники VII в. усматривает такую тождественность между буквами и цифрами, являющимися для него единством, в котором все элементы взаимозависят друг от друга. Для него не история рассказывает о времени, а наоборот — время об истории, то есть, хронология приобретает пророческий характер⁴¹.

Именно на такой тождественности основывается гематрия — древнее учение о числовом значении слов. Фактически это один из способов герменевтики священного текста Библии для уяснения ее сокровенного содержания. Гематрия была «детищем» буквенной цифири, то есть способа передачи в древнем еврейском, греческом и славянском языках букв и цифр одними и теми же знаками. Принимая буквы за числа и находя их сумму, можно вычислить числовое значения любого слова. Причем гематрия предусматривает сознательные символические связи между словами, которым отвечают равные числа. Рассматривая софийское граффити сквозь призму гематрии, можно получить весьма интересный результат.

⁴⁰ В данной, интерпретационной главе книги, прежде всего, интересует целостный текст граффити, позволяющий лучше понять его смысл, поэтому указания в скобках пропущенных и утраченных букв опущены. Они есть в предыдущей главе.

⁴¹ Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. — Т. 45. — М., 1984. — С. 60—65.

Если в слове *златон* заменить буквы их числовым значением, а затем, как того требовала средневековая символика чисел, прибавить числа друг к другу и свести полученное сложное число к элементарному, единичному, а значит — сущностному, то можно получить число 2: $7+3+1+3+7+8=29$; $2+9=11$; $1+1=2$. Двойка — это универсальная женская числовая субстанция, число луны как символа девства, непорочности и, одновременно, число *Magna Mater* (Великой Матери), а в христианстве — Богоматери, которая в христианском искусстве изображалась с полумесяцем под ногами. Этот иконографический атрибут Богоматери обусловлен текстом Апокалипсиса: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12: 1—2).

Согласно христианской символической луна (женское начало) — символ Богоматери, а солнце (мужское начало) — символ Христа, названного в Священном Писании «Солнцем Праведности». Солнце, в лучах которого все становится ясным, является атрибутом персонифицированной Истины, имя которой — Христос. Однако солнце одновременно является символом Богоматери, но скорее — единства Богоматери и Христа. В проповеди Феодора Студита на Успение говорится, что вместо Богоматери на земле остался образ, «которого сущность подобна Луне, что ночью освещается Солнцем»; вот почему Богоматерь — «женщина, облеченная в солнце», а «под ногами ее луна». В Священном Писании Церковь Божья, образом которой является Богоматерь, сравнивается с Невестой таинственного Жениха — Христа: она «прекрасная, как луна, светлая, как солнце» (Песн. 6: 10).

Символом солнца является золото, которое также символизирует как Христа, так и Богоматерь. Интересно, что именно с символическим объяснением образа Богоматери христианская традиция метафорически связывает золото: «золотая стамна», «золотой ковчег», «золотая кадьница», «золотой сосуд» (сравн. Евр. 9: 4). Число 2 — это единство мужского и женского начал, числовой код Богочеловека, символизирующий единство Христа и Богоматери, неба и земли. Проведя аналогичное превращение с лигатурой слова *г(осподьствено)и*, снова получаем число 2: $3+8=11$; $1+1=2$. Таким образом, слово *златон* тут семантически тождественно слову *г(осподьствено)и*, и оба они обозначают Кириопасху как таковую, что соединяет Христа и Богородицу.

Примечательно, что в дате 6530 две первые буквы **зф** выделены большими размерами (значит, акцентированы) и стоят в одном ряду со словами **златон** и **г(осподьство)и**, а буква **л** является заметно меньшей и вынесена над строкой. Причем, левая косая буквы **л** значительно длиннее по сравнению с правой, она опущена вниз и вписана в букву **ф**; этим, очевидно, показана принадлежность буквы **л** дате 6530 г. В то же время, тот факт, что **л** вынесена над строкой и уменьшена в размерах, свидетельствует о том, что ее числовое значение не «вписано» в числовой код даты.

Нельзя не заметить, что центральные буквы **зф** в сумме дают искомое число 2: $6(\text{з}) + 5(\text{ф}) = 11$; $1+1=2$. Это, по-нашему мнению, означает семантическую связь всего текста, его сакральную значимость. Тут присутствует и литургическая символика, ведь в Акафисте Пресвятой Богородицы, поющемся на Литургию Кириопасхи, именно второй икос развивает тему Благовещения Богородицы и Воплощения через нее Христа.

Ориентируясь на мировоззренческие нормы средневекового человека, можем допустить, что обобщенным числовым кодом, связанным с апокалипсической символикой, была обозначена вся эта уникальная (то есть присущая лишь данной конкретной ситуации, инспирировавшей появление граффити⁴²) триада: **златон зф ги**, которая является мистической сердцевиной рассматриваемого граффити. Таким образом, сакраментальной числовой субстанции граффити является число 6: $2+2+2=6$. Книга Бытия определяет, что 6 — это количество дней сотворения мира, принадлежащих космической седмице: «Так совершены были дела Свои, которые он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт. 2: 1—3).

Поскольку в Апокалипсисе все действия уничтожения Господом грешного мира прямо противоположны Его актам творения в Книге Бытия⁴³, число 6 является апокалипсической антитезой

⁴² Мы рассматриваем появление этого и других граффити не как акт спонтанной слабо осознанной рефлексии, а как результат целенаправленной казуальной деятельности индивида в условиях определенной исторической реальности.

⁴³ Сравн.: Волохонский А. Бытие и Апокалипсис. — Иерусалим, 1994.

шестого завершающего дня Сотворения мира, то есть, мистическим числом Судного дня и Конца света. Именно в шестой главе Апокалипсиса говорится о снятии шести из семи печатей с Книги жизни в деснице Господа Судии, сидящем на престоле славы, о появлении шести бед и гибели мира после раскрытия шестой печати, потому что «пришел великий день гнева Его» (Откр. 6: 17). Именно здесь рассказывается о сворачивании неба в свиток — этот сюжет традиционно входит в средневековые изображения Конца света⁴⁴. Также 6 — число глобальной катастрофы — означает уничтожение земли, когда протрубили шесть ангелов, а уже число 7 (день благословенного дня Господнего отдыха в Книге Бытия) является символом прихода Царствия Божьего — Воскресения (Откр. 8—11).

Последнее слово граффити сильно повреждено, однако сохранившаяся часть позволяет реконструировать его как **прѣсти** — вставши, стоя прямо. Это слово — составная часть литургического возгласия «Премудрость, прѣсти!», которым перед чтением Писания находящимся в храме внушается необходимость духовной предусмотрительности и бдительности (прѣсти) для того, чтобы слово Божье (Премудрость) было усвоено умом и сердцем. Употребление слова «прѣсти» позволяет допустить, что надпись сделана несколько ранее указанной даты, которую нужно встретить достойно. Вероятно, автор граффити накануне грядущей Кириопасхи оставил запись на стене Георгиевского придела — необходимо быть внимательным, духовно очиститься, ведь могут наступить последние дни.

Присутствие слова «прѣсти» весьма симптоматично и многозначительно. Как показывают исследования древнерусских текстов, эсхатологические записи в них уничтожались путем вымарывания либо вырывания листов рукописи⁴⁵. Дело в том, что Церковь не поощряла (и не поощряет) пророчеств о времени Конца света, ибо оно известно лишь Богу. Но эсхатологические ожидания существовали всегда, и в данном случае достаточно

⁴⁴ См., напр., фреску XII в. в нартексе Кирилловской церкви в Киеве (Марголіна І., Ульяновський В. Київська обитель святого Кирила. — К., 2005. — С. 111—113), или фреску XIV в. из церкви Карие в Константинополе (Chora museum. — Istanbul, 2011. — S. 13, 140—141, 144—145).

⁴⁵ Романова А. А. Эсхатологические записи XV в. и записи в пасхалиях // Российское государство в XIV — XVII вв.: Сборник статей. — СПб., 2002. — С. 235—236.

было напомнить о Втором Пришествии словом «прѣсти». Примечательно, что именно в этом слове употреблена буква **т** в неординарном написании, что акцентирует скорый приход Судного дня. Слово «прѣсти» как призывание к особому духовному вниманию в данном случае ассоциируется с обращенными к ученикам объяснениями Христа о признаках Конца света и Втором Пришествии, а также Его постоянным призывом в связи с этим пребывать в готовности: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мф. 24: 42), «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий» (Мф. 25: 13).

И все же, несмотря на невозможность высчитать день Второго Пришествия, совпадение Пасхи и Благовещения — двух главных христианских праздников — издавна предвещало людям это событие и подталкивало их заботиться о чистоте своей души. Дело в том, что Церковь рассматривает Благовещение и Пасху как начало и завершение истории Спасения, поэтому весьма редкому совпадению этих праздников (в XI в. такое совпадение случилось лишь в 1011, 1022 и 1095 гг.) придавалось огромное значение. В XI в. Кириопасха действительно пришлась на 1022 г., повторив тем самым первую Пасху.

Кириопасха названа в граффити «золотой» еще и потому, что золоту в иерархии металлов отводится первенствующее место. Именно на Кириопасху 1022 г., согласно исследованиям Н.Н. Никитенко, первый Киевский митрополит-«русин» Иларион, современник создания Софии, произнес свое знаменитое «Слово о Законе и Благодати», в котором София упоминается как уже хорошо известная «всеми округниимъ странамъ»⁴⁶.

Как мы писали выше, люди связывали Второе Пришествие Христа с Кириопасхой и остро переживали ее наступление, радуясь и одновременно страшась, ведь после Судного дня праведные пойдут в рай, а грешные — в ад. Праведным уготовано Царствие Небесное, поэтому Кириопасха — это Пасха золотая, ибо золото — символ будущего золотого века, века нетления и бессмертия.

Понимание эсхатологического контекста даты 1022 г. подтверждает новая находка молитвенного обращения на фреске с

⁴⁶ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 206—208. Из последних работ Н.Н. Никитенко на эту тему см.: Нікітенко Н.М. Датування «Слова» митрополита Іларіона в контексті новітніх досліджень Софії Київської // Студії з архівної справи і документознавства. — 2010. — Т. 18. — С. 125—134.

изображением орнамента в Михайловском приделе: **въ • SΦΛ •** **Господи спаси 'в 6530-е Господи, спаси'**. Видимо, ожидания Конца света инспирировали выполнение на хорах еще одного граффити с датой 1022 г., оставшегося, правда, недописанным.

Неподалеку от граффити с записью о Кириопасхе, обнаружена надпись с указанием 6544 (1036) г. Важно отметить, что над ней находится греческая надпись, реконструируемая нами таким образом⁴⁷: ἐλέησόν ἡμᾶς ὁ ἅγιος Κύριε 'помилуй нас, Святой Господь'. Структурно граффити напоминает слова третьего стиха 122-го псалма «Помилуй нас, Господи, помилуй нас» или гимна τὸ τρισάγιον (Трисвятое), который поется в литургии св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого при малом входе: «Ἅγιος ὁ Θεός, Ἅγιος Ἰσχυρός, Ἅγιος Ἀθάνατος, ἐλέησον ἡμᾶς». Очевидно, именно эти строки послужили для автора основой при составлении текста надписи.

Данный факт свидетельствует о его хорошей осведомленности в сфере литургической практики и гимнографии и, одновременно, о не совсем умелом владении греческим языком: Д.С. Гордиенко обратил наше внимание на то, что автор граффити вместо правильной формы обращений «Святой Господь» употребил ὁ ἅγιος Κύριε вместо правильного ὁ ἅγιε Κύριε. Такое несоответствие позволяет предположить, что автором был клирик Софии Киевской, русич по происхождению, который использовал для составления текста знакомое по служебной практике клише, не задаваясь вопросом о правильном синтаксическом построении предложения, что подтверждается наблюдениями над греческими граффити Софии Киевской⁴⁸.

В непосредственной близости от греческой надписи и даты 1022 г. расположены еще два граффити, написанные кириллицей: **Господи помози рабоу своему Петрови и Господи помози рабоу своему Николи**⁴⁹.

Симптоматично, что молитвы Петра, Николы и автора греческой надписи группируются вокруг записи с указанием 6544 г., что сигнализирует о смысловой взаимосвязи этих граффити. По-

⁴⁷ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 17—18, табл. V, 2.

⁴⁸ Евдокимова А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской. Автореф... дис. канд. филологических наук. — СПб., 2008. — С. 20—21.

⁴⁹ Граффити № 723 и № 724: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 16—17, табл. IV, 4; V, 1.

явление их рядом с эсхатологическим текстом 6530 (1022) г. явно не случайно, ведь именно в 6544 г. ожидалось судьбоносное для авторов надписей событие Священной истории, требовавшее Господней помощи с целью благоприятного исхода. С этой же точки зрения необходимо рассматривать расположенные в непосредственной близости от даты 1022 г. пять надписей-молитв⁵⁰.

Таким образом, можем утверждать, что перед нами два комплекса граффити, состоящие из 7-ми (группирующихся вокруг надписи 1022 г.) и 4-х (вокруг надписи 1036 г.) текстов.

Кроме упомянутых комплексов, в процессе исследования фрески была обнаружена еще одна дата, представляющая собой указание 6541 (1033 г.) Сопроводительного текста она не имеет, хотя несколько ниже сохранился фрагмент надписи, являющийся частью молитвенной формулы βοήθει 'помоги'⁵¹. Напомним, что в разных частях собора встречены еще две надписи с указанием именно 6541 (1033) г., видимо, маркирующие какое-то знаменательное для авторов граффити событие.

Годы появления на стенах Софии древнейших датированных граффити относятся ко времени утверждения на киевском столе Ярослава Владимировича, положившего начало почти 600-летнему правлению на Руси собственной династии. Ярослав пришел к власти в результате победы в кровавой усобице, разгоревшейся на Руси после смерти Владимира Великого между его потомками. Хотя пик усобицы пришелся на 1015—1019 гг., когда погибли Борис, Глеб и Святослав Владимировичи, борьба за киевский стол продолжалась с 1015 г. (год смерти Владимира) по 1036 г. (год смерти Мстислава Владимировича и «всажения» Ярославом «в поруб» Судислава Владимировича). Следовательно, все три даты древнейших граффити — 6530, 6541 и 6544 гг. — укладываются в хронологические рамки княжеской междоусобицы. В рассказе «Повести временных лет» об этой усобице приводятся библейские пророчества о посылаемой Богом каре на ту землю, князья которой «зли и лукави бывают», ибо князь «глава есть земли». Грех братоубийства, — утверждает летописец, — навлечет на русских князей еще более страшную кару, чем та, которой Бог наказал Святополка Окаянного⁵².

⁵⁰ Граффити №№ 726—730: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 18—19, табл. VI—VII.

⁵¹ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 15, табл. IV, 2.

⁵² ПСРЛ. — Т. 2: Ипатьевская летопись. — М., 2001. — Стлб. 127, 132—133.

Эти даты древнейших софийских граффити не просто маркируют сложный период в истории Руси, но, как будет показано ниже, весьма точно вписываются в контекст христианской эсхатологии, что было чрезвычайно важным для человека средневековья. Как известно, с развитием христианства под влиянием текстов Священного Писания, особенно предсказания Христа в Евангелии от Матфея (Мф. 24), сложилась тенденция ассоциировать вызываемые злом, взаимной враждой и беззакониями беды с признаками приближающегося Второго Пришествия и Конца света. Эсхатологические ожидания особенно усилились в канун 1000 г. от Рождества Христова, что было навеяно апокалипсическим пророчеством о тысячелетнем Царстве Христа на земле в конце истории (Откр. 20:1).

Невероятно напряженно ожидали Конца Света и в 1492 г., т. е. в 7000-м году, поскольку полагали, что 7 дням творения мира (космической седмице) должны соответствовать 7 тысячелетий его существования, ибо, как сказано у апостола Петра, «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3:8).

В то же время, возможность точного расчета даты Конца света в принципе отвергалась, поскольку, по словам Христа, «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой» (Мф. 24:36). Тем не менее, попытки таких расчетов предпринимались неоднократно и определение конкретной даты Второго Пришествия Христа, как правило, связывалось со временем Его Первого Пришествия. Но Первое Пришествие трактовалось неоднозначно: то как Благовещение, то как Рождество, то как Воскресение. В любом случае, в основе расчетов лежало убеждение в симметричности событий Священной и земной истории: ветхозаветной истории символично соответствовала новозаветная, а последней — история, современная авторам расчетов даты Конца света.

Как полагают, конкретный анализ эсхатологических взглядов в Древней Руси возможен лишь начиная с конца XI в., «когда в источниках, прежде всего в летописи, появляются относительно развернутые тексты эсхатологического содержания и комментарии к ним летописцев»⁵³. Проанализировав эти тексты, А.Ю. Карпов пришел к заключению, «что эсхатологические ожидания в Древней Руси были связаны не столько с различного рода хронологи-

⁵³ Карпов А.Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. — М., 2002. — № 2. — С. 4.

ческими расчетами и совпадениями, сколько с целенаправленным уяснением тех многочисленных знамений, признаков и примет, которые воспринимались в то время как свидетельство приближающегося светопреставления»⁵⁴.

Однако граффити Софии Киевской позволяют говорить об эсхатологических ожиданиях, волновавших древнерусское общество, уже в начале XI века, и показывают тесную связь этих ожиданий именно с «хронологическими расчетами и совпадениями». То есть уже вскоре после крещения Руси здесь, по всей видимости, существовали календарные эсхатологические расчеты, что вполне соответствовало общехристианской традиции, берущей начало со II—III вв. н. э. В науке установлено, что древнерусская календарно-вычислительная традиция, отличавшаяся сакральным характером, имела эсхатологическую семантику, поскольку вся история Спасения по своей сути эсхатологична⁵⁵.

Ввиду того, что на рубеже первого и второго тысячелетий усилились ожидания близкого Второго Пришествия и Страшного Суда, вновь приобрело популярность раннехристианское учение о тысячелетнем Царстве Христовом, предшествующем Концу Света. Это учение основывалось на Откровении Иоанна Богослова об установлении тысячелетнего Царства для воскресших мучеников перед последней битвой с сатаной и последующих всеобщем воскрешении, Страшном Суде и вечном Небесном Иерусалиме (Откр. 20:1—3).

По учению Церкви, тысячелетнее Царство Христа уже наступило с воплощением Иисуса Христа: на Западе этот взгляд утвердился благодаря авторитету блаж. Августина, на Востоке — св. Иоанна Златоуста. В Литургии Иоанна Златоуста ставится акцент на «уже осуществленной» эсхатологии, поскольку евхаристический канон служит напоминанием о Втором Пришествии Христовом в ряду уже бывших событий — Креста, Гроба, Воскресения и Вознесения⁵⁶. Златоуст утверждал, что история закончится, когда будет завершено соби́рание тела Церкви⁵⁷.

⁵⁴ Там же. — С. 4.

⁵⁵ Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). — СПб., 2000. — С. 64, 119—120, 240 и др.; Шмеман А., протопресвитер. Введение в литургическое богословие. — М., 1996. — С. 88—94.

⁵⁶ Мейендорф И., протоиерей. Византийское богословие: исторические тенденции и доктринальные темы. — Минск, 2007. — С. 310.

⁵⁷ Св. Иоанн Златоуст. Беседа III на послание к ефессянам 1, 23.

С тех пор 1000-летнее Царство стали аллегорически понимать как Церковь в ее исторической перспективе — со времени Пятидесятницы и до Второго Пришествия, ибо «Церковь есть Пасха, переход от ветхого к новому, из мира сего в «невечерний день Царства Божия»⁵⁸. Эта эсхатологическая концепция была унаследована Русью как одна из составляющих христианского вероучения.

Но если 1022 г. как год Кириопасхи вполне отвечал эсхатологическим настроениям, то даты 1033 и 1036 гг. требуют дополнительных пояснений, которым посвящена специальная статья В.В. Корниенко⁵⁹. Тут мы приводим расширенное по аргументации и обобщенное совместное виденье нами всего цикла как своеобразного «эсхатологического календаря»⁶⁰.

Исследователь И.Н. Данилевский, рассматривая вопрос эсхатологических ожиданий в Киевской Руси, приводит цитату из первой славянской полной Библии, названной «Геннадиевой» по имени Новгородского архиепископа, осуществившего перевод всех канонических книг Священного Писания в 1499 г. Здесь, в качестве своеобразного послесловия к Откровению Иоанна Богослова, говорится:

Рече евангелист, яко связа диавола на тысящу лет. Отнеде же бысть связание его? От вшествия въ ад Господа нашего Иисуса Христа в лето пять тысящное пятсотное и тридесять третье да иже до лета шесть тысящного и пятсотного и тридесять третнего, внемгда исполнитися тысяща лет. И тако отрешитсѣ сатана по праведному сѣдѣ Божію и прельстити мир до реченаго емѣ времени, еже три и пол лета, и потомъ бѣдетъ конецъ. Аминь.⁶¹

По мысли И.Н. Данилевского, данный отрывок означает то, «что после 6537 г. от Сотворения мира (видимо, 1037 г. н. э.) ожидание конца света приобрело на Руси особое напряжение», а летописная статья 1037 г., своеобразное «резюме» деятельности Ярослава, приурочена именно к этому событию⁶². Согласно мне-

⁵⁸ Шмеман А., протоиерей. Литургия и предание. — М., 2005. — С. 146.

⁵⁹ Корниенко В.В. Датовані графіті 30-х рр. XI ст. із Софії Київської в контексті давньоруської есхатології // «1020-ліття хрещення Русі-України — із Києва по всій Русі»: Збірник матеріалів науково-практичної конференції (Київ, 21 жовтня 2008 р.). — К., 2008.

⁶⁰ Термин предложен И.Н. Никитенко.

⁶¹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX — XII вв.). Курс лекций. — М., 2001. — С. 236—237.

⁶² Там же. — С. 237.

нию А.И. Алексеева, кроме «Геннадиевой Библии», некоторым подтверждением ожидания Конца света в 30-е гг. XI в. служат пророческие статьи сербской рукописи XIII в. «Сборника попа Драголи» (восходит к оригиналу X в.), в которых Конец света приурочивается к середине 7-й тысячи лет, что, как поясняется в сочинении, означает 1000-й год от Воплощения, то есть, 1000-й год от Р.Х.⁶³

Нетрудно заметить, что в приведенном выше отрывке Геннадиевой Библии счет ведется не по константинопольской (или византийской) эре, согласно которой от Сотворения мира до Рождества Христова прошло 5508 лет, а по широко применявшейся в древнерусских текстах эре антиохийской (иначе — александрийской, аннианской), сводившей эту разницу к 5500-м годам⁶⁴.

Поскольку Христос умер на кресте и воскрес в 33 года⁶⁵, от Его «вшествия въ ад» (Воскресения) в 5533 (т.е. 33) году до 6533 (т. е. 1033) года прошло ровно 1000 лет. Согласно цитируемому в Геннадиевой Библии тексту послесловия к Откровению (Ср. Откр. 20: 2—7), при сошествии во ад Христос сковал сатану на 1000 лет, и по прошествии 1000 лет, (т. е. в 1033 г.), сатана будет освобожден «и прельститъ мир», а через «три и пол лета», (т. е. в 1036 г.) наступит Конец света. Эти «три и пол лета», так же, как и

⁶³ Алексеев А.И. Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX—XV вв. // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. — М., 2006. — С. 246.

⁶⁴ Св. Ипполит Римский (170—235 гг.) на основании сопоставления ряда стихов Священного Писания и их толкования утверждал, что Рождество Христово произошло через 5500 лет после Сотворения мира; это летоисчисление легло в основу антиохийской эры и перешло в древнерусскую традицию. В древнерусских хронографах и других исторических сочинениях сообщается, что Христос родился «въ лето 5500» См.: Кириллин В.М. Символика чисел... — С. 62, 243. Примечательно, что именно эта дата фигурирует в летописной Речи философа, излагающего князю Владимиру основы христианского вероучения.

⁶⁵ Твердого исторического предания о времени земной жизни Христа не существует, поскольку полностью согласовать данные Евангелий с историей нельзя. В Евангелии от Луки говорится, что Иисус начал свое служение в 30 лет, «в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее» (Лк. 3:1, 23). Согласно «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (ум. в 338 г.), служение Христа продолжалось 3,5 года, а умер Он в 33 года. Эта версия стала каноничной, и ее придерживалась древнерусская Церковь, что и нашло отражение в тексте Геннадиевой Библии.

вышеупомянутые 1000 лет, соответствуют каноничному тексту Библии, ибо в Откровении Иоанна Богослова сказано, что после освобождения сатаны будет «дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13:5).

Даты наступления Конца света в приведенном отрывке из Геннадиевой Библии, как видим, тождественны граффити 6541 и 6544 гг. В свете этого обстоятельства вполне логичной выглядит молитва, начертанная над датой Конца света — 6544 г.: «*Помилуй нас, Святой Господь*», к которой присоединяются Петр и Никола.

Согласно евангельскому тексту, перед самым Концом света «солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба» (Мф. 24:29). Поскольку на Кириопасху 1022 г. Второе Пришествие не произошло, в 1033 г. ожидали освобождения сатаны, а в 1036 — конца света. В качестве предзнаменования этого могло быть воспринято солнечное затмение, о котором сообщается в Густынской летописи: *Въ се же лѣто (6541. — Авт.) высть затмения солнца страшное, июля 29 от часа шестого до часа осмого*⁶⁶. По мнению М.Л. Городецкого, в Густынской летописи, где затмение относится к 29 июля, очевидной является распространенная описка, поскольку, согласно современным данным, это событие произошло 29 июня 1033 г.

Более подробную информацию об этом затмении дает Родульф Глобер из Ключийского аббатства, цитируемый М.Л. Городецким в комментариях к работе Д.О. Святского об астрономических явлениях в русских летописях:

«В год 1000 от страстей Господа, в третьи календы июля, в 6 день [29 июня, в пятницу — М.Л. Городецкий] в день 28 луны было затмение или исчезновение Солнца с 6-го по 8-й час дня, чрезвычайно страшное. И, действительно, солнце приняло сапфировый цвет, приняв в верхней части вид Луны на четвертый день после обновления. Каждый, кто смотрел на рядом стоящего человека, видел его бледным, будто бы при смерти, все как будто в шафрановом облаке»⁶⁷.

Затмение произошло в пятницу, то есть в день Страстей и Распятия Христа. К тому же незадолго до него, в марте 1033 г.,

⁶⁶ Городецкий М.Л. Каталог астрономических известий в русских летописях // Святский Д.О. Астрономия древней Руси. — М., 2007. — С. 496.

⁶⁷ Святский Д.О. Астрономия древней Руси / Автор предисловий, комментариев и дополнений М.Л. Городецкий. — М., 2007. — С. 97.

было отмечено появление кометы, а в декабре — лунное затмение⁶⁸. В свете эсхатологических ожиданий того времени эта цепь небесных явлений, безусловно, воспринималась предвестием последних времен.

Н.Н. Никитенко обратила внимание на несомненную смысловую (точнее, литургико-символическую) связь эсхатологических граффити с фресковой росписью Святой Софии. Совсем не случайно большинство эсхатологических граффити размещено на фреске с изображением творца Литургии св. Василия Великого. Празднование его памяти 1(14) января соединяется с великим праздником Обрезания Господня. Обрезание Господне было совершено на 8-й день Рождества Христова с наречением Ему имени Иисус, т. е. Спаситель. Поскольку ветхозаветный обряд обрезания как знак Завета с Богом является прообразом крещения (Кол. 2: 11-12), фресковое иконное изображение Василия Великого в новообращенной Руси ассоциировалось с идеей ее Спасения, тем более что этот святой — небесный патрон князя Владимира Крестителя. Не случайно и то, что еще одна эсхатологическая запись — 1033 г. — была сделана на фреске с изображением св. Евстафия Плакиды, выступающего в древнерусской литературе («Чтении» о Борисе и Глебе Нестора) сакральным прототипом Владимира.

Кроме того, Василий Великий как вселенский Учитель вспоминался в византийском чине литии — усердном молебне о спасении народа и милости Божьей в связи с общественными бедствиями. Именно творчество Василия Великого отмечено особым вниманием к теме прихода времен Мессии — «дня восьмого», преодолевающего сакраментальную седмицу, выходящего за ее черту. Так «день восьмой» становится днем первым — началом спасенного и обновленного мира: «День Господень — великий и славный. Писание знает этот день — без вечера, без другого дня, без конца; псалмопевец назвал его днем восьмым, ибо он вне седмиричного времени. Назовешь ли ты его днем или веком, смысл тот же»⁶⁹.

Как известно, число 8 сотериологично, поскольку именно 8 людей, олицетворявших все человечество, спаслись в Ноевом ковчеге во время Всемирного потопа. Не исключено, что упоми-

⁶⁸ Городецкий М.Л. Каталог астрономических известий... — С. 624, 635.

⁶⁹ Шмеман А. Введение... — С. 88—94.

наемое затмение «от часа шестого до часа осмого» с точки зрения символического значения чисел 6 и 8 могло трактоваться автором граффити 1036 г. как небесное знамение наступления периода Конца света до прихода нового дня Господнего. Вот почему в эсхатологический календарь XI в. «вписано» граффити с датой 7000-тысячного (1492-го) года, знаменующего приход «дня восьмого».

Хотя эта запись сравнительно поздняя, учитывая ее значение для уяснения всего смысла рассмотренных наиболее ранних датированных надписей, уместно подробно рассмотреть и этот текст: *в лѣто {Z}ное в днь*⁷⁰. Год в граффити четко не указан, но благодаря окончанию *ное* его можно определить: такое окончание возможно лишь в том случае, когда в числе указаны тысячи. В данной надписи единственно приемлемым вариантом может быть семитысячный год, следовательно, автором была пропущена (вероятно, вполне осознанно) буква *з* (7).

Итак, потайная табуированная дата, известная лишь посвященным, — это 7000-й год. Кроме того, в тексте не обозначено число дня, что не позволяет рассматривать его как обыкновенную памятную надпись, автор которой не успел по каким-то причинам ее закончить. Учитывая особенности написания года с пропущенной буквой-цифрой, но с указанием окончания, позволяющего без труда определить ее, автор граффити пропустил указание дня сознательно. Для 7000 г. лишь один день уверенно определяется без указания его числа — это Судный день. Итак, полный текст, с восстановлением пропущенных фрагментов может быть переведен как «*В лето семитысячное в день Судный*».

По форме написания буквы *в* с нижней косой к основанию, *д* с длинными ножками, широкой *о*, запись может быть датирована серединой XIV — концом XV в. Такую датировку подтверждает употребление предлога *в* без конечного *ъ*, что часто встречается среди письменных памятников XIV—XV вв.⁷¹ Трудно, однако, представить, что эта сакраментальная надпись на столь животрепещущую тему появилась задолго до 7000 (1492) г. Беря во внимание этот фактор, а также учитывая присущий граффити актуальный характер, можно с большой степенью уверенности отнести запись к концу XV в.

⁷⁰ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 25—26, табл. XIX, 2.

⁷¹ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. — Т. I. — К., 1977. — С. 205—207.

Дата Конца света — год 7000-й — основывалась на «Откровении Мефодия Патарского», славянский перевод которого стал известен не позже начала XII в.⁷² Эсхатологические ожидания «конца времен» в 7000-м году ярко иллюстрирует окончание греческой пасхалии 1492 г., сопровождаемое сокрушением: «Увы, увы в конец веком доспевшим»⁷³.

7000 (1492) год вписывается в тот сложный период в истории Украины, когда она входила в состав Великого княжества Литовского и православная Церковь пребывала в упадке, чему немало способствовала католическая экспансия⁷⁴, а также внутренние раздоры и разорение церковных владений.

Беспокоили Украину и татары, постоянно совершавшие набеги в ее земли. В сентябре 1482 г. Киев был опустошен и сожжен крымским ханом Менгли-Гиреем, после чего долгое время не мог оправиться. «Митрополия русская» понесла тяжелый урон: Менгли-Гирей ограбил ризницу Софии и вывез отсюда немало драгоценностей, в том числе священную евхаристическую утварь — золотой потир и дискос, послав их в подарок своему союзнику московскому князю Ивану III⁷⁵. Летописец объясняет эти беды Божьим попущением «грех ради наших»⁷⁶.

«Эсхатологический» 1492 (7000-й) год оказался не менее трудным и тревожным. 7 июня 1492 г. умер литовский князь и польский король Казимир IV, после чего вспыхнули литовско-польские династические распри. С 1492 года к ежегодным грабительским походам на земли Литвы и Польши приступил вассал Османской империи Менгли-Гирей. Шла затяжная война с московским князем Иваном III, который в союзе с Менгли-Гиреем в том же 1492 г. вторгся в Литву. Все это напоминало евангельское

⁷² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV ст.). — Л., 1987. — С. 283—285.

⁷³ Васильев А.В., Автушенко М.Н. Загадка княжества Феодоро. — Севастополь, 2006. — С. 203.

⁷⁴ В данном случае речь идет об «официальной Литве», под которой следует понимать великого князя и короля Казимира IV (1427 — 1492 гг.) и его окружения, которые ориентировались на Рим и проводили идею унии «флорентийского образца». См.: Ульяновский В. Митрополит Київський Спиридон: образ крізь епоху, епоха крізь образ. — К., 2004. — С. 75—78.

⁷⁵ Детальнее см.: Нікітенко Н. Свята Софія Київська... — К., 2008. — С. 215—221.

⁷⁶ ПСРЛ. — Т. 35: Летописи белорусско-литовские. — М., 1980. — С. 124.

предзнаменование последних дней, когда «восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф. 24,7).

Особенно страшили набеги татар, оставлявших после себя трупы, опустошенную и выжженную землю. Главной добычей крымских татар были поставлявшиеся на невольничьи рынки пленники, число которых во время удачных набегов на украинские земли достигало десятков тысяч человек. Все это усиливало эсхатологические настроения, ибо на протяжении всего средневековья существовала тенденция отождествлять нашествие иноплемеников со «злыми» библейскими народами Гог и Магог. Считалось, что нашествие «эсхатологического народа» предваряет Конец света⁷⁷. Восточнославянские поверья об «эсхатологическом нашествии», вне сомнения, восходили к библейскому сюжету об Антихристе и сопровождающим его народам: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их — как песок морской» (Откр. 20:7). Именно татары сравниваются в летописи с библейским народом моавитян; под 1224 годом в Ипатьевском списке сообщается: «Приде неслыханная рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве»⁷⁸. Точно так же летописец конца XV века говорит о набеге в 1497 г. на Юго-Западную Русь «безбожных татар». Учитывая сказанное, можно полагать, что граффити возникло под впечатлением страшных татарских погромов, предвещавших тогдашнему люду Конец света.

Судя по всему, эсхатологические граффити, в частности те, которые возникли на образе св. Василия Великого, имели еще и литургический смысл. Св. Василий Великий, которому усваивалось «чиноположение молитв», в своей книге о Духе Святом много говорит о богослужебных преданиях и порядках. Он упоминает о совершении молитв, *стоя прямо, без поклонов и коленопреклонения* (курсив наш. — Авт.) в воскресные дни в знак воскресной радости и напоминания о веке нестареющем: «Ибо не только как совоскресшие с Христом и обязанные искать вышних,

⁷⁷ Громов Д.В. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 5. — С. 20—42.

⁷⁸ ПСРЛ. — Т. 2. — Стлб. 740.

в воскресный день прямым положением тела во время молитвы напоминаем себе о дарованной нам благодати, но и посему сие делаем, что этот день, по-видимому, есть как бы образ ожидаемого нами века. Посему, будучи началом дней, у Моисея назван он не первым, а единым. Ибо сказано: *И был вечер, и было утро: день один* (Быт. 1:5), ибо один и тот же день возвращается многократно. Посему он же есть и единый и восьмой... Посему Церковь по необходимости научает питомцев своих совершать в сей день молитвы стоя...»⁷⁹. Присутствие слова-призыва «прóсти» (стойте прямо) в записи 1022 г. не только указывает на воскресный день Пасхи, когда надлежало молиться стоя, но и выявляет тесную связь эсхатологических граффити с образом св. Василия Великого.

Примечательно, что образ св. Василия написан в алтаре, посвященном св. великомученику Георгию, издревле считавшемуся покровителем земледелия (Георгий — «земледелец»). В то же время св. Василий Великий почитался в качестве покровителя скотоводства, поэтому на святки — в «Васильевы вечера» устраивали обряды плодородия, в том числе — коляды, изображенные, кстати, в светской стенописи южной башни Софии.

Интересно, что в «Святительском чине»⁸⁰ Георгиевского алтаря фигурируют «рука об руку» св. Мартин Исповедник, Папа Римский, который умер в ссылке в Корсуни и весьма там почитался, а также популярный на Руси св. Власий Севастийский, считавшийся, как и св. Василий, покровителем домашнего скота, заменив собой на Руси языческого «скотьего бога» Велеса. Здесь же — и св. Епифаний Кипрский, на день памяти которого выпало освящение Десятинной церкви, ведь таким хронологическим совпадениям придавалась сакральная значимость. Не зря фигура св. Епифания начинается собой и мозаичный «Святительский чин» главного алтаря Софии, и фресковый «Святительский чин» ее

⁷⁹ Мейендорф И., протопресвитер. Введение в святоотеческое богословие. — К., 2002. — С. 154; Скурат К.Е. Золотой век святоотеческой письменности (IV — V вв.). — М., 2003. — С. 73—74.

⁸⁰ Идентификация образов святительского чина Георгиевского придела осуществлена В.В. Корниенко: Корнієнко В.В. Графіті та визначення образів святих у святительському чині Георгіївського олтаря Софії Київської // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник. — Львів, 2008. — Книга II; Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 374—376.

Георгиевского алтаря. Вновь-таки просматривается идея Спасения народа Руси благодаря миссионерскому подвигу князя Владимира, в святом крещении Василия. Таким образом, переплелись между собой религиозная и светская календарная обрядность, которая наложилась на архаичные культы и верования, сыграла не последнюю роль, как в решении декоративной программы собора, так и в тесно связанном с ней размещении граффити на фресках.

Авторами рассмотренных граффити, по всей вероятности, были софийские книжники. В силу того, что надписи возникли в тех местах собора, куда имело доступ духовенство и церковные служители, а именно — в алтарной части Георгиевского придела, а также в арке второго яруса между диакоником и главным алтарем (сюда был доступ через помост над диакоником, ведущий из алтаря Андреевского придела на южных хорах), этими книжниками были люди из окружения митрополита, клирики Святой Софии.

Факт появления рядом с граффити XI века значительно более поздней записи XV в., в которой упоминается 7000-й год, наводит на мысль о том, что софийские клирики не просто внимательно читали и понимали граффити своих предшественников, но и воспринимали многие из них как сакральные тексты, благотворно влиявшие на человеческие судьбы. Не исключено, в частности, что древнейшие эсхатологические записи-молитвы могли быть восприняты автором надписи с указанием 7000-го года как свидетельство милости Бога, отложившего по молитвам Церкви ожидавшийся в XI веке конец грешного мира. Но вера в неотвратимый приход страшного для грешников «последнего дня Господня» осталась, и книжник указал точное, по его мнению, время этого прихода — «В лето 7000-ное в день Судный», чем внес «коррективу» в эсхатологический календарь прашуров.

Как показывает анализ рассмотренных нами граффити, их содержание тесно связано с функциональным назначением тех или иных частей собора, где они возникли, а также с сюжетами фресок, на которых сделаны эти надписи. Важно отметить, что наибольшее количество ранних датированных надписей сосредоточено на сотериологическом алтарном образе св. Василия Великого и в «аристократическом» приделе свв. Иоакима и Анны, где

они вписываются в размещенную на стенах этого придела своеобразную княжескую «летопись». Полагаем, что это обусловлено актуальными для времени появления данных граффити ожиданиями Второго Пришествия и Страшного Суда, а также бурными событиями смены княжеской власти в Киеве в 1018/19 гг. Судя по всему, особое значение придавалось дате 1018 год, сделанной напротив престола в главном алтаре собора, поскольку эта дата отмечала факт завершения строительства Софийского собора и совершение в нем первой литургии.

Итак, обнаруженные на сегодня в Софийском соборе 11 датированных граффити, выполненных на фресках во временном диапазоне 1018—1036 гг., а также их актуальный исторический контекст, опровергают летописные свидетельства о заложении собора в 1037 г. или даже в 1017 г. и надежно подтверждают возможность его датировки 1011—1018 гг.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРАФФИТИ, ДАТИРУЮЩИЕСЯ ПО УПОМИНАЕМЫМ В НИХ ИСТОРИЧЕСКИМ ЛИЦАМ

Как мы показали в предыдущих главах, имеющие прямую датировку надписи подтверждают, что к 1018/1019 г. Софийский собор не только построили, но и расписали, ведь граффити выполнены по сухой фресковой штукатурке. Однако в храме выявлено еще более десятка ранних надписей, которые хотя и не содержат в своем тексте года, однако могут быть достаточно точно датированы благодаря упоминанию в них известных исторических лиц. Условно эти граффити могут быть разделены на две группы, первая из которых связана с киевской княгиней Олисавой, матерью князя Святополка, вторая — с новгородским посадником Константином Добрыничем.

Граффити «группы Олисавы». На северных («женских») хорах Софийского собора находится семь надписей, условно названных нами граффити «группы Олисавы». Выбор названия не случаен, так как главной и ключевой в данной группе является надпись с именем киевской княгини Олисавы.

Это граффити хорошо известно науке, но из-за того, что собор датировали лишь временем Ярослава, оно, как полагаем, было неверно атрибутировано и соотнесено лишь с одной из остальных надписей, среди которых С.А. Высоцким было опубликовано четыре. Нам удалось прочитать все надписи комплекса и выявить некоторые неточности, допущенные ранее при исследовании граффити и отраженные в предыдущих публикациях.

Надписи «группы Олисавы» выцарапаны в XI в. на западном пучковом столбе тройной аркады, открывающей хоры в центр собора (рис. II, 13; XV): пять надписей на западном ребре (рис. XVI) и две — на северном (рис. XVII). Кроме того, на северном ребре находится еще одно граффити, которое не входит в «группу Олисавы», но непосредственно связано с ней. Расположенные тесной группой и хорошо заметные надписи четко выде-

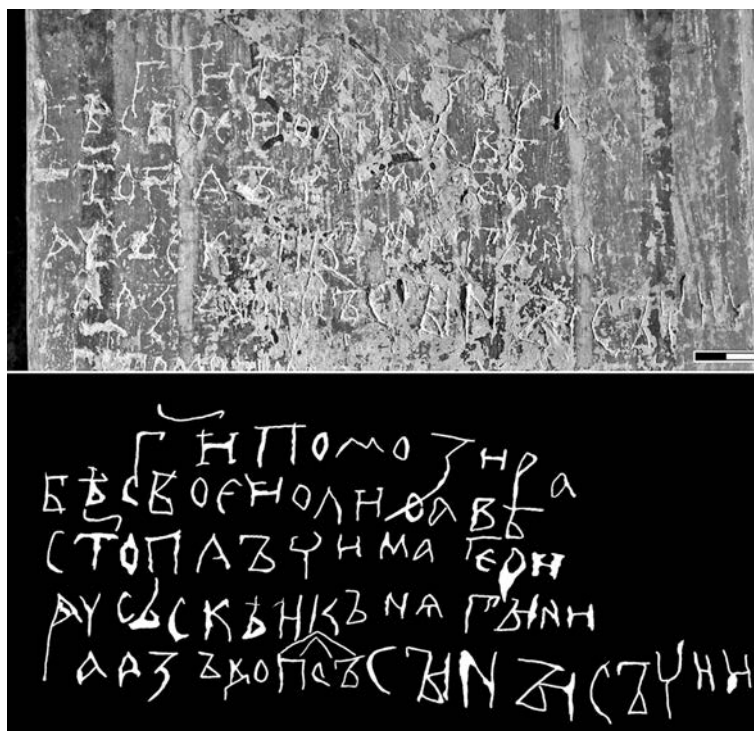

Рис. 44. Надпись-молитва матери Святополка Олисы

ляются на фоне покрывающего пучковый столб орнамента, что, с одной стороны, говорит о стремлении сосредоточить на них внимание, с другой, — может свидетельствовать о желании не портить фресковые изображения святых, — такая особенность отличает наиболее ранние граффити.

Граффити, давшее условное название всей группе, написано крупными буквами, на уровне 180-ти см от пола. Такие характеристики указывают на то, что надпись (следовательно, и остальные граффити группы) изначально была рассчитана на всеобщее обозрение.

Сохранность граффити в целом довольно хорошая, все буквы уверенно определяются (рис. 44). Надпись читается следующим образом:

Г(оспод)и помози рабѣ своен Олисаѣ Г(ва)топѣчн матери
русьскѣи кѣнагѣи а азъ доп(и)с(а)лъ сынѣ Г(ва)топѣчнѣи.

Господи, помоги рабе своей Олисае, Святополчей матери, русской княгине. И я дописал сынов Святополчих.

Во время публикации граффити С.А. Высоцкий¹ допустил одну существенную неточность: в слове *русьскѣи* две последние буквы *ѣи* он читал как *чи*. Ошибка обусловлена плохой сохранностью букв в этом месте, однако на фреске все же просматриваются *ѣ* с небольшими сохранившимися фрагментами *коромысла* и *и*, сохранившаяся довольно четко².

Итак, надпись сделана по заказу неизвестной по источникам русской княгини Елизаветы, названной просторечным именем Олисава, встречающимся в древнерусских и скандинавских источниках (например, дочь Ярослава Мудрого Елизавета называется в сагах Эллисив). Олисава, судя по тому, что называет себя не по мужу, а по сыну, — вдовая и к тому же правящая княгиня, мать, по всей вероятности, умершего великого князя Святополка, поскольку имеет титул «русской княгини». Уже само именование княгини «Святополчей матерью» означает по средневековым меркам апелляцию к правам умершего сына. Исходя из контекста граффити, можем допускать, что Олисава была регентшей при малолетнем сыне-наследнике Святополка (как это было заведено в средневековых династиях при подобных обстоятельствах). Судя по содержанию, надпись сделана не собственноручно княгиней, а от ее имени. И это логично, так как трудно представить себе пожилую киевскую княгиню, выщарапывающую на значительной высоте, и в столь видном месте знаменитого храма надпись. Чтобы сделать надпись, княгиня должна была встать на подставку, либо взобраться на лестницу, что, естественно, представляется весьма сомнительным. Как показывают наблюдения над софийскими граффити, надписи от имени знатных лиц, особенно женщин, могли делать клирики собора.

¹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 79—80; табл. XXIX; XXX.

² В связи с этим неправомерным является предложенная Б.А. Рыбаковым и В.В. Нимчуком корректировка прочтения слова как *чи*: Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... — С. 16; Нимчук В.В. [рецензия] С.А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. I. К., 1966. — Мовознавство. — 1967. — № 2. — С. 89. Следует заметить, что аналогичную нашей корректировку прочтения слова как *русьскѣи* предложил А.А. Зализняк: Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей... — С. 282.

Человек, оставивший запись, сообщает, что он дописал к ней сыновей Святополка, причем слова «СЫНЫ СЪУИИ» намеренно выделены большими буквами.

Непосредственно под этими словами находятся еще две надписи, составляя с ними как бы один сплошной текст.

Эти надписи хорошо видны на фотографии С.А. Высоцкого, однако опубликована была лишь одна из них³. Текст ее читается следующим образом: Г(оспод)и помози рабоу своему Мере⁴ кұрию Иванъви 'Господи, помози рабу своему Меркурию-Ивану' (рис. 45). Ниже находится ранее не опубликованная надпись, текст которой читается так: Г(оспод)и помози Стефану грешнаму 'Господи, помози Стефану грешному'⁵ (рис. 46).

На первый взгляд кажется, что все три надписи выполнены абсолютно разными людьми. Например, в надписи Стефана буквы а написаны в зеркальном отображении⁶, а у Меркурия-Ивана и Олисавы они обычные. Буквы всех трех граффити также отличаются в размерах, прежде всего в молитве Стефана, так как они значительно меньшие.

³ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 82, табл. XXIX.

⁴ Следует заметить, что на прориси С.А. Высоцкого расстояние между буквами р и к искусственно сужено; на самом деле между ними размещалась еще одна буква, от которой сохранились только контуры, позволяющие идентифицировать ее как с или е. Последний вариант нам представляется более приемлемым.

⁵ Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В. Графіті групи Олісави... — С. 21, рис. 6—7.

⁶ Полагаем, что такое написание, встречающееся и в других средневековых текстах, — не ошибка или небрежность, а своего рода код. Как известно, зеркальность — символ двойственности/двойника и условие точного воспроизведения объекта/субъекта. Зеркальное написание буквы а (т.е. ее омоглиф), начинающей собой слово азъ (я), в данном случае может означать мистическую связь надписи с упоминаемым в ней лицом — Стефаном, поскольку надпись сделана не ним, а от его имени, т.е. «двойником». Ввиду того, что омоглиф а дважды фигурирует (т.е. акцентирован) в надписи Стефана, завершающей собой «молитвенный ряд» сыновей, не исключено, что он маркирует подобную связь и других надписей «сынов Святополчих». О зеркальной образности вообще и в средневековой культуре в частности см.: Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. К. Королев. — М.-СПб., 2005. — С. 223—225; Ванеян С.С. Архитектура и иконография. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. Автореф. дисс. ... доктора искусствоведения. — М., 2007. — С.14, 20.

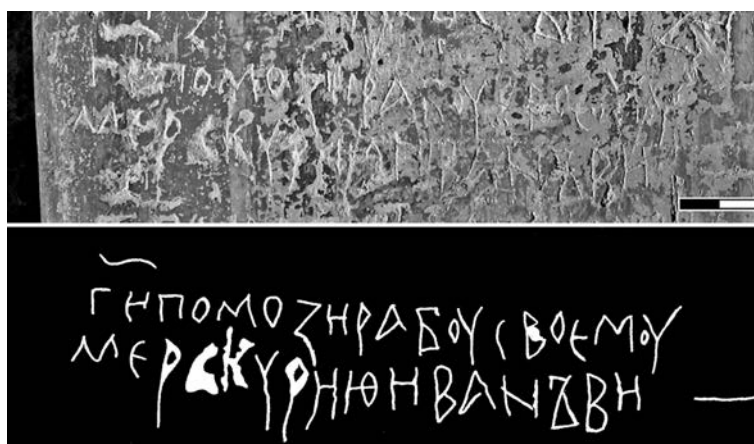

Рис. 45. Надпись-молитва сына Святополка Меркурия-Ивана

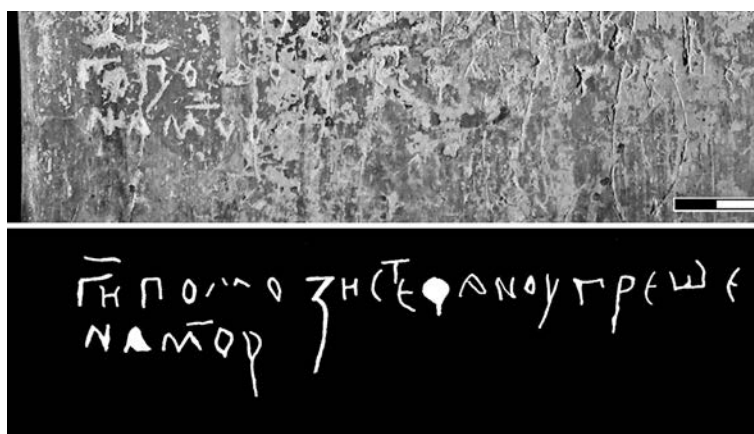

Рис. 46. Надпись-молитва сына Святополка Стефана

Однако внимательное изучение формы каналов прорезей показывает, что надписи выполнялись одним инструментом. Практически идентичная степень разрушения фресковой штукатурки под действием природных факторов по доступным для изучения каналам прорезей указывает на одновременное выполнение всех трех граффити. Идентична и манера последовательности выполнения букв в, г, є, з, и, к, м, н, о, п, р, с, т, ҃, ѣ, хотя несколько от-

лична она у букв в. Обратим внимание и на особенность написания слов **Мерекүрю** и **грешенамоу**, в структуре которых прослеживается определенная закономерность. Так, в обоих случаях перед слогом с ударной гласной вместо **ъ** автор последовательно пишет **є**. Учитывая значительную степень вариативности текстов в старославянских рукописях⁷, единая норма написания **є** во втором слоге вряд ли случайна. Кроме того, обращает на себя внимание написание в окончаниях слов дифтонга **оу** (**рабоу**, **своемоу**, **Стѣфаноу**, **грешенамоу**), а в середине — только **ү** (**рүсьскѣи**, **Мерекүрю**).

Несколько ниже находится еще одна надпись, как показывают наблюдения над формой прорезей и динамикой выполнения отдельных букв, выполненная тем же автором (рис. 47). Текст надписи читается следующим образом: **Г(оспод)и помози ра[во]ү** **своемоу** **Иоаноу** *'Господи, помоги рабу своему Иоанну'*⁸. В данной надписи идентично выполнены практически те же буквы, что и в предыдущем случае: **а, в, г, є, и, м, н, о, п, с, ү**. Вместе с тем отличны формы написания **р** и **з**. В последнем случае особенности формы буквы **з** — с заломом хвоста — объясняются спецификой выполнения при написании: автору не удалось плавно повернуть хвост вниз из-за попадания под лезвие твердой примеси, поэтому он остановился, а затем продолжение хвоста прочертил сверху вниз отдельной линией⁹. В целом же буквы достаточно похожи, несмотря на небольшие отличия. Такие разночтения, как показывает наш опыт изучения граффити Софии Киевской, вполне допустимы для отнесения выполнения надписей руке одного автора. В качестве примера можем назвать семь обнаруженных в Софии Киевской и Киево-Кирилловской церкви граффити, оставленных одним лицом — Мартином Семейюновичем, форма начертаний отдельных букв надписей различна¹⁰. Да и в пределах самих рассматриваемых надписей бросается в глаза отличие в

⁷ Живов В.М. Восточнославянское правописание XI—XIII века. — М., 2006. — С. 9.

⁸ Нікітенко Н., Корнієнко В. Графіті групи Олісави... — С. 22, рис. 8.

⁹ Определение особенностей и последовательности выполнения букв важно подчеркнуть, потому что в этом конкретном случае такая форма буквы **з** не является датирующим палеографическим признаком.

¹⁰ См., напр.: Корнієнко В. Київський священик XII ст. Мартін та його автографи-графіті в Софійському соборі та Кирилівській церкві // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. — Львів, 2011. — Книга I. — С. 28—37.

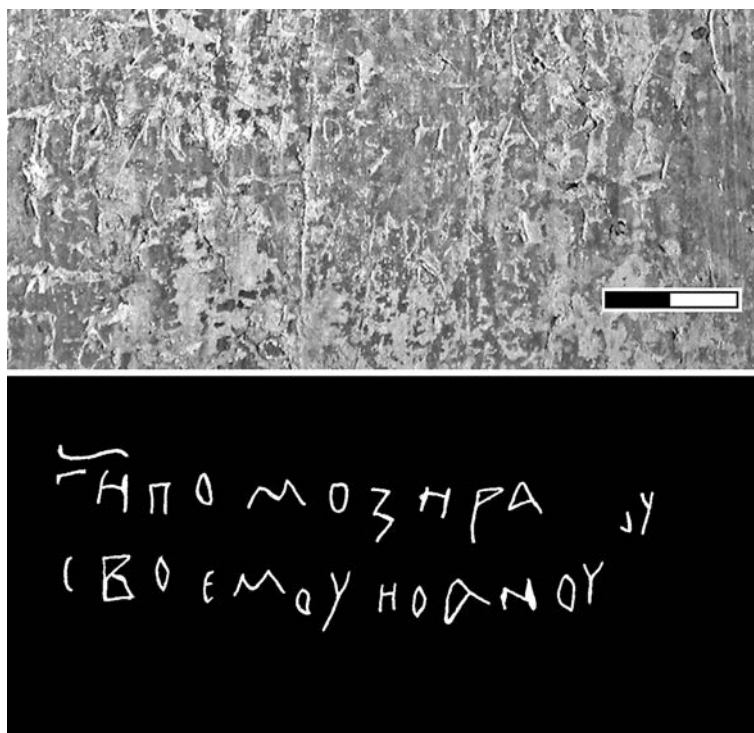

Рис. 47. Надпись-молитва сына Святополка Иоанна

форме выполнения одних и тех же букв в одной надписи. Особенно ярко это прослеживается на примере написания *оу* и *у* в надписях Меркурия-Ивана, Стефана, Иоанна. Итак, комплексное изучение форм прорезей и динамики выполнения букв позволяет с уверенностью определить, что все четыре молитвенные надписи выполнены одним человеком. Примечательно, что во всех случаях он старался выделить каждую отдельную молитву, чтобы та воспринималась как отдельная надпись.

Из датирующих палеографических признаков следует выделить форму написания *в* с переломом при мачте, с направленной углом вперед или округлой нижней петлей, наклоненных вправо *е* и *з* с переломом, разомкнутой *к*, прямолинейной *р* с округлой, направленной вверх или углом вперед петлей, *ѣ* с округлой или с заломом петлей, мачта которой не выступает над строкой, верти-

кальной *оу* с уменьшенным или обычным *о*, *ъ* с округлой петлей или петлей с заломом, *ы* со средней перемычкой, *ч* в виде чаши, а также *ю* с далеко уходящей вправо перемычкой.

Все эти особенности позволяют датировать надпись в пределах XI — начала XII в. В связи с такой датировкой интересно взглянуть на формы написания букв *р* с петлей углом вперед, *т* без боковых засечек, а также зеркальную *а*, появляющиеся в новгородских берестяных грамотах с XII в.¹¹ Однако в южнорусских эпиграфических памятниках такие формы *р* и *т* встречаются в раннем XI в. на монетах Владимира, Святополка и Ярослава, на которых, кстати, присутствуют столь же разнообразные формы отдельных букв (например *р*, *в*, *у*)¹², как и в наших граффити.

Написание зеркальной *а* тоже встречается в XI в., для примера приведем надпись на плинфе из Софийского собора в Полоцке¹³. Нелишним будет заметить, что подобная форма буквы *ю* встречена нами на обнаруженном во время археологических исследований на подворье Софии Киевской фрагменте фресковой штукатурки из собора в древней промоине, засыпанной строительным раствором незадолго после завершения строительства храма¹⁴. Таким образом, наиболее вероятным временем выполнения рассматриваемой группы надписей следует назвать первую половину XI в.

На этой же стороне столба находится еще одно неопубликованное С.А. Высоцким граффити (рис. 48). Надпись сильно повреждена трещинами, особенно две нижние строки. Однако, определив при прорисовке контуры трещин и убрав их, нам удалось восстановить текст надписи: *Г(оспод)и помози рабѹ своему Ставро-ну 'Господи, помози рабу своему Ставруну'*¹⁵.

¹¹ Зализняк А.А. Палеография... — С. 152—153, 182—183, 186—187.

¹² Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России... — С. 115 и след.

¹³ Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси... — С. 85—86; Калечыц І.Л. Эпіграфіка Беларусі X — XIV стст. — Мінск, 2011. — С. 85—87, рис. 62.1, фото 32.

¹⁴ Подробнее см.: Корнієнко В.В. Графіті на уламках фрескового тиньку з розкопок 2002 року на подвір'ї Софії Київської // Переяславіка: Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав» / Збірник наукових статей. — Випуск 5 (7). — Переяслав-Хмельницький, 2011. — С. 355—361, рис. 2.

¹⁵ Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В. Графіті групи Олісави... — С. 22, рис. 9.

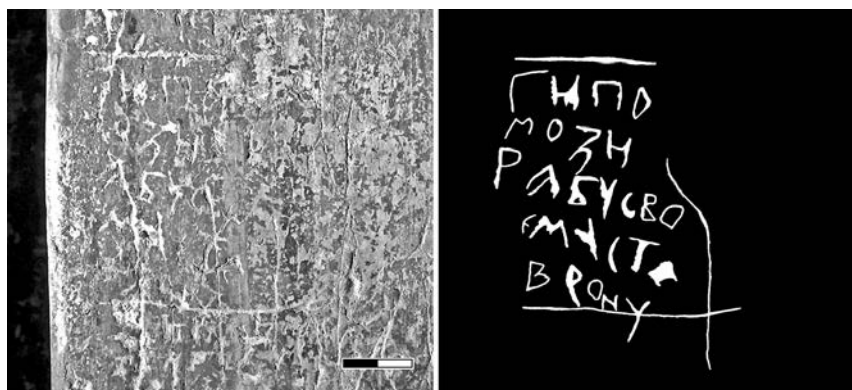

Рис. 48. Надпись-молитва Ставра

Запись сделана заметно ниже молитвы Иоанна, она с трех сторон взята в квадратную скобку, открытую к углу столба. Форма прорезей и особенности выполнения букв показывают, что надпись выполнена другим человеком, однако по времени может быть соотнесена с предыдущей группой надписей. На это указывают формы написания буквы *в* с переломом при мачте и направленной вперед нижней петлей, наклоненные вправо *є* и *з* с развилкой, прямолинейная и криволинейная *р* с округлой петлей, *т* без боковых засечек, позволяющие датировать граффити в пределах XI — первой четверти XII в.

Не исключено, что первые три записи сделаны от имени упомянутых в граффити Олисава сыновей Святополка: Меркурия-Ивана, Стефана, Иоанна. Повторение имени Иван не должно удивлять, поскольку сыновья Святополка Меркурий-Иван и Иоанн могли быть рождены от разных жен (не случайно же у первого названо двойное имя, а у второго, в отличие от первого, имя написано в полной форме). У Рюриковичей известно довольно много случаев совпадения имен родных братьев, причем и в случаях рождения их от разных жен¹⁶. Недаром граффити с

¹⁶ Например у Владимира Андреевича Храброго (1353—1410 гг.) было два сына по имени Андрей; у внука Владимира Андреевича, Василия Ярославича, от разных браков было два сына по имени Иоанн; у Михаила Александровича Тверского (1364—1399 гг.) было два сына Александра; у Андрея Александровича Ростовского (ум. после 1417 г.) — два Иоанна; у Федора Андреевича Ростовского (кон. XIV — нач. XV вв.) — тоже два Иоанна и т. д. Известно,

именем Иоанна несколько смещено вниз по отношению к группе граффити Олисавы, Меркурия-Ивана и Стефана. Отличие записи Стефана от надписей Олисавы и Меркурия-Ивана может быть объяснено желанием заказчика подчеркнуть свою принадлежность к ним и в то же время выделить свою надпись среди общей группы граффити. Поскольку запись Ставраона сделана подчеркнуто ниже и выделена из данной группы рамкой, она, вероятно, называет человека, близкого к сыновьям Святополка, но имеющего явно низший статус.

На смежном, северном, ребре столба к указанным надписям примыкают еще две, сделанные на значительном расстоянии одна под другой, при этом нижняя находится на уровне записи Ставраона и также обведена квадратной скобкой, открытой к углу столба. Таким образом, оба нижних граффити на смежных ребрах столба оказываются обведенными единой прямоугольной рамкой (рис. 50). Следовательно, две надписи на северном ребре также связаны с семьей князя Святополка. Это подтверждает рисунок весла, обращенного лопастью вверх, процарапанный от нижней к верхней записи. С.А. Высоцкий, ошибочно интерпретировав этот рисунок как изображение стрелы с оперением, приводил в своих книгах прорисовки весла без овального завершения его лопасти, в результате чего получился обращенный зубьями вверх трезубец¹⁷. Но на стене четко просматривается овальная лопасть весла с продольным ребром посередине. Поскольку весло — известный символ кормчего (например в Софии св. Фока, покровитель кормчих, изображен с веслом в руке), обе нижние надписи могут принадлежать кормильцам княжичей («пестунам», дядьям-«вуям», наставникам). Вертикаль обращенного вверх весла принуждает вспомнить символику вертикальной линии, которая идет снизу-вверх — это образ подъема, роста, прогресса, достижения победы, новых возможностей, и этот знак указывает на личность, упомянутую в верхнем граффити.

что иногда младшему ребенку давали имя старшего брата при жизни последнего (напр. в семье Василия Ярославича, у которого старший и младший Иван родились от разных жен). Полагают, что наличие братьев-тезок от разных жен может объясняться тем, что новый брак означал некую новую точку отсчета в семейном именовании (Литвина А.Ф., Успенский Б.А. Выбор имени... — С. 232—233). Понятно, что такое явление не было новшеством поздних Рюриковичей, а следовало более древней традиции, что подтверждают записи «сынов Святополчих» Меркурия-Ивана и Иоанна.

¹⁷ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — Табл. XXXII, 1, 3; Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — Табл. XI.

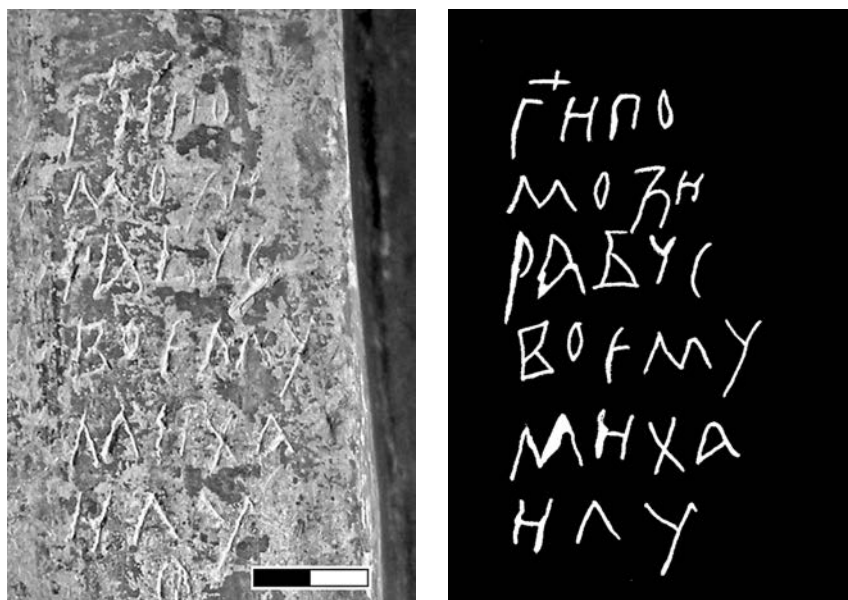

Рис. 49. Надпись-молитва сына Святополка Михаила

Верхняя запись, сделанная на уровне записи с именем Олисы, была опубликована С.А. Высоцким¹⁸ При повторном исследовании четко читаемой надписи (рис. 49) единственное отличие от опубликованной — это написание γ вместо $\alpha\gamma$ в слове **своем γ** : **Г(оспод)и помози раб γ своем γ Мнхал γ** 'Господи, помози рабу своему Михаилу'¹⁹. Как видим, в нашем случае в конце слов используется только γ .

Надпись выполнена довольно уверенным почерком. Форма написания наклоненной вправо ϵ с переломом, наклоненной влево z с развилкой²⁰ и прямолинейной ρ с переломом говорит о том, что надпись может датироваться в пределах XI—XII вв.

¹⁸ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 80—81, табл. XXXI, 1; XXXII, 1.

¹⁹ Нікітенко Н., Корнієнко В. Графіті групи Олісави... — С. 23. рис. 10.

²⁰ Во время выполнения надписи рука автора соскользнула, поэтому буква приобрела γ -образную форму.

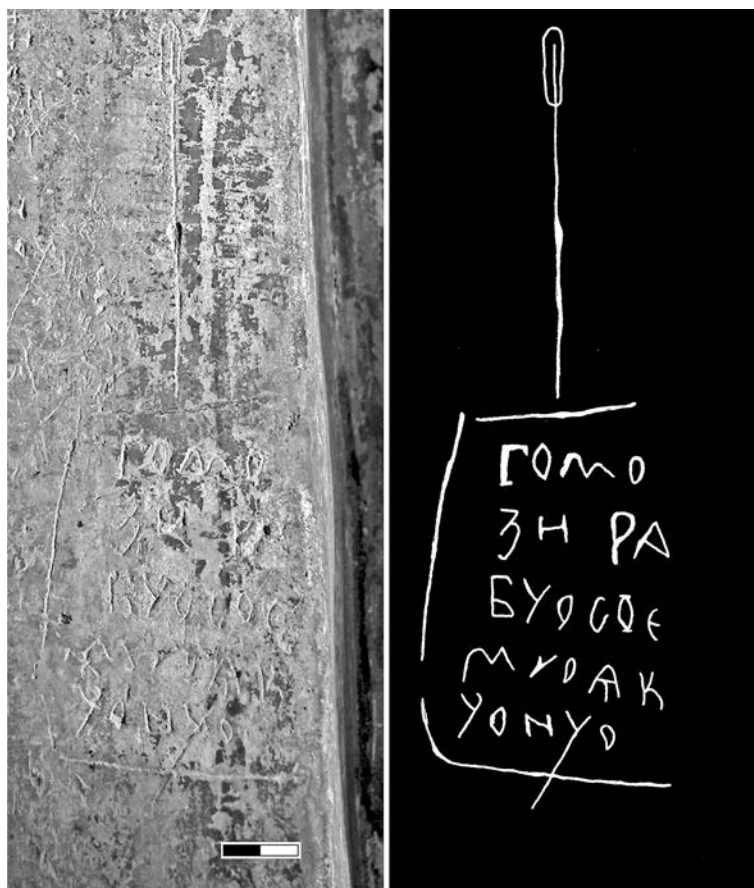

Рис. 50. Надпись-молитва Якуна и рисунок весла

Ниже находится надпись²¹, обведенная в открытую вправо к ребру столба рамку, на уровне надписи Ставра (рис. 50): *помози рабѹ с(в)оемѹ Акѹонѹо 'Помоги рабу своему Якуну'*²².

Автор нижней надписи, процарапанной на уровне записи Ставра, Якун, присоединяется к просьбе Михаила и потому

²¹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 81—82, табл. XXXI, 2; XXXII, 2.

²² Нікітенко Н., Корнієнко В. Графіті групи Олісави... — С. 23. рис. 11.

опускает слово «Господи». В надписи Якуна бросается в глаза целый ряд ошибок: в слове «своему» пропущена буква **в**, в окончаниях вместо **оу** поставлено **ѹо**. Кроме того, буква **а** написана в зеркальном отображении. Формы написания букв не противоречат соотносению нашей надписи в хронологическом плане с остальными граффити группы, в частности, с надписями Михаила и Ставрона; к рамке последнего и примыкает молитва Якуна.

Вся эта компактно размещенная группа надписей, вне всякого сомнения, относится к кругу близких друг другу лиц, имевших непосредственное отношение к великому князю Святополку. Известно лишь два киевских князя, носивших имя Святополк, — Святополк I Владимирович (1018—1019 гг.) и Святополк II Изяславич (1093—1113 гг.). С.А. Высоцкий считал, что надпись сделана до 1107 г. матерью киевского князя Святополка Изяславича, поскольку Святополк Владимирович, именуемый в письменной традиции «Окаянным», умер в 1019 г., по мнению С.А. Высоцкого, за 18 лет до постройки Софийского собора. Тем не менее, ученый отмечал архаичность написания граффити, в частности слова **кънагъни** через «ер» после буквы **к** в первом безударном слоге. Уже на Тмутараканском камне 1068 г. слово **кназь** написано без **ъ** после **к**. О архаичности палеографических признаков граффити мы писали выше. И, все же, несмотря на палеографическую архаичность надписи, С.А. Высоцкий «подтягивал» ее ко времени Святополка Изяславича, ибо возможность связи надписи со Святополком Владимировичем им даже не рассматривалась. Соответственно, надпись Михаила исследователь связывал со Святополком Изяславичем, имевшим крестильное имя Михаил.

Как полагают, матерью Святополка Изяславича была «ляховица» Гертруда, дочь польского короля Мешка II и сестра короля Казимира I. Именно ее В.Л. Янин впервые отождествил с Олисавой²³. Ученые, принявшие версию В.Л. Янина, полагают, что Гертруда, вероятно, получила на Руси греческое имя Елизавета, и называют надпись «граффито Гертруды-Олисавы»²⁴. Однако сам

²³ Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1963. — Вып. 4. — С. 142—143.

²⁴ Из новейших публикаций с такой атрибуцией см.: Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. — Біла Церква, 2006. — С. 310—311; Поппэ А. Гертруда-Олисава, русьская княгиня: Пересмотр биографических данных // Именослов. Историческая семантика имени. — Вып. 2. — М., 2007. — С. 208—209.

С.А. Высоцкий указывал на шаткость такого отождествления, поскольку оно противоречит данным письменных источников, в частности, Кодексу Гертруды (об этом ниже) и летописному сообщению под 1085 г., из которого следует, что она была матерью лишь одного сына Изяслава — Ярополка. Ученый был уверен, что католичка Гертруда не могла перейти в православие, поэтому граффити, по его мнению, сделано другой, не упоминаемой в источниках, женой Изяслава Ярославича²⁵.

В ответ на это его оппоненты замечают, что Святополк родился уже после женитьбы Изяслава на Гертруде²⁶, которая оставалась его женой до самой смерти князя. Поэтому кое-кто из историков считает Олисаву наложницей Изяслава, а Святополка — его внебрачным сыном. Однако отождествление Олисавы с некой наложницей абсолютно неприемлемо, поскольку наложница не могла титуловаться «русской княгиней», да к тому же в надписи на стене «митрополии русской».

В то же время отрицание С.А. Высоцким возможности отождествления Олисавы с Гертрудой вполне оправданно. Дело в том, что существует ряд достаточно серьезных контраргументов для такого отождествления. Как известно, сохранился так называемый Кодекс Гертруды, известный также под названиями Трирская Псалтырь или Псалтырь Эгберта, поскольку она создана в конце X в. для Трирского архиепископа Эгберта (977—993 гг.). Между 1078—1086 гг. рукопись по заказу Гертруды дополнили почти сотней молитв и пятью миниатюрами. В одной из своих молитв Гертруда называет своего сына Ярополка (Петра) Изяславича «единственный сын мой Петр» (*unicus filius meus Petrus*), хотя известно, что Изяслав имел еще двух сыновей — Мстислава и Святополка. Если Мстислав (как полагают, бастард, адаптированный отцом) умер в 1069 г., то Святополк (ум. в 1113 г.) в годы создания Кодекса был жив²⁷. Значит, он не мог быть сыном Гертруды.

²⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 79—80.

²⁶ По лаконичному сообщению Новгородской первой летописи — в 1050 г. Отталкиваясь от косвенных данных, считают, что брак Изяслава с Гертрудой, время заключения которого неизвестно, имел место около 1043/44 гг.: Поппэ А. Гертруда-Олисава... — С. 212.

²⁷ Мы не склонны придавать приведенным словам молитвы Гертруды лишь эмоциональный смысл (в значении «самый любимый, исключительный»), как это делает А.В. Поппэ, который, тем не менее, подчеркивает, что

Второй весомый контраргумент — это то, что молитвы Гертруды написаны латынью, а в помещенном среди ее молитв Символе веры присутствует католическое «филиокве». Следовательно, Гертруда в православие не перешла, оставшись католичкой. Наконец, к этому стоит добавить, что в трех из своих молитв Гертруда обращается к св. Елене, которую некоторые исследователи вполне правомерно считают покровительницей княгини, имевшей крестильное имя Елена. Интересно, что в помещенном в начале Кодекса месяцеслове под 21 мая значится память лишь св. Елены без ее парного святого Константина, и это явное нарушение традиции может свидетельствовать в пользу особого значения данной святой для Гертруды. В то же время ни одна из молитв Гертруды не обращена к св. Елизавете. То есть, упоминаемая в надписи на стене Софии Олисава — вовсе не Гертруда.

Но могла ли она быть матерью Святополка (Михаила) Изяславича, чей автограф, по мнению С.А. Высоцкого, размещен рядом с записью Олисавы? Отметим, что граффити Михаила нельзя принять за автограф Святополка Изяславича уже потому, что скромное именование правящего великого князя «рабом Михаилом», вполне допустимое в других случаях при обращении к Богу, в данном случае было невозможным, так как в соседнем граффити «Святополчая мать» громко титуруется «русской княгиней». Социальный статус великого князя и его матери, которая, в отличие от него, не правила Русью, были, конечно же, разными. Как видим, существует ряд неразрешимых противоречий, не позволяющих связывать граффити Олисавы с матерью Святополка II Изяславича.

Если же принять предлагаемую датировку возникновения Софии в 1011—1018 гг., все становится на свои места. Логично полагать, что указанные граффити относятся к семье Святополка—Петра Владимировича, который был великим киевским князем в 1018—1019 гг. и даже чеканил собственную серебряную монету²⁸. Это был авторитетный и влиятельный правитель, женатый

данный оборот появляется в этой молитве шестикратно (Поппэ А. Гертруда-Олисава... — С. 207). Столь настойчивый акцент на единственности Ярополка может указывать на его исключительное право на Киев в противовес бастарду (?) Святополку.

²⁸ Существуют три группы монет Святополка, на реверсе которых изображен двузубец с левой фалангой в виде равноконечного креста [Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России... — С. 82—96].

на дочери знаменитого польского князя (с 1025 г. — короля) Болеслава Храброго. Святополк имел дипломатические и военные связи с византийским императором Василием II, который после гибели своих племянников Бориса и Глеба, убитых по заказу Ярослава²⁹, судя по всему, поддержал Святополка. Значит, Олисава — это та красавица «грекиня», расстриженная Святославом Игоревичем монахиня, первым мужем которой был убитый Владимиром в 980 г. его старший брат Ярополк. Летопись сообщает, что Святослав привел ее для своего сына Ярополка из Болгарии «красоты ради лица ея». Когда Владимир женился на ней, она «вѣ непраздна», т.е. беременна Святополком. Святополк, следовательно, был сыном Ярополка, но Владимир усыновил его и дал ему Туров.

По сообщению Титмара Мерзебургского, когда 14 августа 1018 г. Болеслав со своим зятем Святополком Владимировичем взяты оставленный Ярославом Киев, то киевляне приняли Святополка с почестями «как своего господина»³⁰. Из контекста сообщения Титмара вытекает, что Святополка интронизировали в Софии Киевской, где он был торжественно встречен митрополи-

Двузубец был княжеским знаком Святослава Игоревича, а после него, как полагают, — Ярополка Святославича, родного отца Святополка; в то же время княжеским знаком Владимира был, как известно, трезубец. Так, вероятно, Святополк отметил собственное первенство среди братьев-соперников, подчеркнув свое происхождение от старшего сына Святослава — Ярополка, которому отец оставил киевский стол. Причем на аверсе первой группы монет Святополк изображен на престоле, в мантии и в византийской короне-стеме, увенчанной крестом и украшенной драгоценными подвесками-перпендулиями. Двузубец сверху дополнен небольшим крестиком, акцентирующим христианство Святополка. Именно на монетах данной группы фигурирует надпись «Святополк на столе, а се его сребро». Это титульный вариант монеты Святополка, наполовину грека по происхождению, который, возможно, получил византийскую корону и царский (кесарский) титул при вокняжении в Киеве. На двух других типах монет на аверсе изображен святой патрон Святополка — апостол Петр с сопроводительной надписью «Петрос» (II тип) и «Петвр» (III тип), а двузубец дополнен полумесяцем (в первом случае) и якорем (во втором), которые символизируют Церковь и представляют Святополка как ее верного сына.

²⁹ Ильин Н.Н. Летописная статья... — С. 146—166; Нікітенко Н.М. Політичні передумови виникнення Борисоглібського культу (до подій 1015—1019 рр.) // Історія України: маловідомі імена, події, факти. — К., 2000. — С. 14—26; Никитенко Н.Н. От Царьграда до Киева. Анна Порфирородная. Мудрый или Окаянный? — К., 2012. — С. 257—323.

³⁰ Титмар Мерзебургский. Хроника. — С. 177.

том с церковными реликвиями, и где позже регулярно происходили «посажения» на киевский стол. Святополку в 1018 г. было 38 лет, его матери Елизавете (Олисаве) — около 55.

Судя по всему, Ярослав, задекларировавший продолжение дел отца, назвал старшего сына в честь крестителя Руси Владимира, а дочерей — именами особо отмеченных в летописи (а значит и в жизни) жен отца: Елизаветой, Анной, Анастасией (Анастасия — христианское имя Рогнеды согласно Тверской летописи). В средневековые именованные правящих династий был зеркалом политических ориентаций и притязаний. При выборе имени ребенка руководствовались системой родственных связей; имя давалось в честь предка, связывало наследника с историей рода и передавало эту связь в будущее. В основе средневековой антропоники лежала не столько идентификационная функция, сколько возможность установления связи человека с судьбой, родом, небесным патроном. Имя было своеобразной квинтэссенцией родовых связей.

У Святополка Владимировича, судя по рассматриваемым софийским граффити, было четыре сына: Михаил, Меркурий-Иван, Стефан, Иоанн³¹. Граффити с именем Михаила выделено из ряда записей, находящихся под граффити об Олисаве и размещено на одном уровне с ним. Это свидетельствует о том, что Михаил был старшим по своему династическому статусу (но во все не обязательно по возрасту) среди сыновей Святополка и, вероятно, рассматривался как наследник отца. Это мог быть сын Святополка от его последнего брака с дочерью Болеслава Храброго, заключенного, как полагают, между 1008—1013 гг.³² В таком случае, княжичу Михаилу Святополчичу при регентстве Олисавы было не более 10 лет. Наверное, княжич был назван в

³¹ Примечательно, что «сыны Святополчии» называются не княжескими (титульными), а крестильными именами. Это может указывать на то, что они еще не успели получить своих уделов, поскольку их отец Святополк I правил на Руси в течение непродолжительного времени. Вместе с тем сыновья Святополка II, которые носили княжеские имена Мстислав, Ярослав, Брячислав и Изяслав, имели собственные княжения. Установлено, что именно княжеские (мирские или родовые) имена фиксировали статус их носителей в системе родовых отношений (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени... — С. 118).

³² Войтович Л. Княжа доба... — С. 248. Вполне понятно, что почти 40-летний Святополк мог иметь до женитьбы на польской княжне жену, которая к тому времени умерла, возможно, и не одну.

честь своего знаменитого предка по линии матери — польского князя-крестителя Польши Мешка (Михаила) I (ок. 922—992 гг.). По крайней мере, такое имя, последовательно повторяемое затем в династии Пястов, получил брат матери, будущий король Мешко II Ламберт (990—1034 гг.).

Возникает вопрос: мог ли Ярослав назвать дочь Елизавету именем матери Святополка Окаянного? Но официальная версия убийства Бориса и Глеба Святополком, на которого «списали» чужое политическое преступление, окончательно сложилась далеко не сразу. В XI в. еще жили те, кто помнил события уособицы Владимировичей или узнал о них из уст очевидцев. Современники Святополка не могли не знать, что в 1015 г. он в Киеве не правил и в момент гибели Бориса и Глеба на Руси не был. Согласно Эймундовой саге, война шла между получившим от отца киевский стол Бурислейфом (Борисом) и новгородским князем Ярислейфом (Ярославом). Ярослав и заказал варягам тайное убийство Бориса³³.

Надежное алиби Святополку дает «Хроника» Титмара. Он сообщает, что незадолго до своей смерти Владимир посадил интригующего против него Святополка, его жену и ее капеллана — епископа Рейнберна в одиночное заключение, а вскоре после смерти отца Святополк, воспользовавшись моментом, вырвался из темницы и сбежал к тестю в Польшу, оставив в заточении жену и Рейнберна³⁴. На Русь Святополк вернулся вместе с Болеславом лишь летом 1018 г. Причем этот поход проходил с большим успехом, а Болеслав «был принят всеми местными жителями и почтен богатыми дарами». Уже 14 августа союзники взяли Киев, жители которого довольно быстро открыли им ворота, и победители были с большим почетом встречены киевлянами как освободители — с мощами святых и прочими реликвиями в монастыре Святой Софии³⁵.

Титмар сообщает, что, взяв Киев, Болеслав застал здесь *мачеху Ярослава*, его жену и 9 сестер, одну из которых, «уже давно им желанную», возвращаясь в Польшу, «забыв о своей супруге, незаконно увел с собой». Болеслав взял в Киеве «огромные богатства, большую часть которых он раздал своим друзьям и сторонникам,

³³ Эймундова сага // Сенковский О.Ю. Собрание сочинений. — СПб., 1858. — Т. 5. — С. 518—519, 531.

³⁴ Титмар Мерзебургский. Хроника. — С. 163.

³⁵ Там же. — С.177.

а кое-что отослал на родину»³⁶. Это перекликается с рассказом ПВЛ о том, что Болеслав, когда бежал из Киева на родину, то взял с собой «имѣньє • и воѣары Ярославѣ, и сестрѣ кѣ»³⁷. В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., сообщается, что Болеслав сделал своей наложницей Предславу, сестру Ярослава, которую «поволочивъ» в Польшу. Полагают, что эти подробности проникли в новгородские летописи из Начального свода³⁸.

Далее Титмар говорит о том, что, утвердившись в Киеве, «гордый этим успехом Болеслав отправил к Ярославу архиепископа названного престола, чтобы тот просил его вернуть ему его дочь и обещал отдать (Ярославу) его жену, вместе с *мачехой* и сестрами»³⁹. Важным представляется упоминание Титмаром *мачехи Ярослава*. Полагаем, что речь идет о матери Святополка Олиsave, и это не противоречит тому, что Святополк был союзником Болеслава, поскольку между ними после взятия Киева возник конфликт. ПВЛ сообщает, что Болеслав велел развести свою дружину «по городомъ на покорѣмъ», т.е. повел себя как завоеватель, а не как союзник правящего князя, которому помог вернуть власть. Святополк же в ответ приказал: «елико же Лаховъ по городу изби- ванте я • И избиша Лахы • Болеславъ же повѣже ис Кыева»⁴⁰.

Едва ли Святополк простил Болеславу то, как тот поступил с его сестрой по отцу Предславой, защитником которой надлежало стать Святополку после смерти отца и вокняжения в Киеве. В синхронной ПВЛ польской «Хронике» Галла Анонима (нач. XII в.) рассказывается о сватовстве Болеслава Великого к сестре Ярослава. Галл Аноним мотивирует поход Болеслава на Киев тем, что он хотел отомстить брату Предславы и ей самой за отвергнутое сватовство: «А Болеслав, не встречая никакого сопротивления, войдя в огромный и богатый город, обнаженным мечом ударил в Золотые ворота, объявив с шутливым смехом тем, кто с изумлением спросил, почему он так сделал: «Так же, как в этот час разрушаются мечом эти Золотые ворота, так же в нынешнюю ночь будет порушена [честь] сестры малодушнейшего

³⁶ Там же. — С. 177.

³⁷ ПСРЛ. — Т. I. — Стлб. 144.

³⁸ См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева. — СПб., 1999. — С. 475.

³⁹ Титмар Мерзебургский. Хроника... — С. 178.

⁴⁰ ПСРЛ. — Т. I. — Стлб. 143—144.

из [королей], которую он отказался дать мне [в жены]. Но соединится она с Болеславом не на брачном ложе, а только один раз как наложница, так будет отмщено за обиду нашего народа, и русские будут повергнуты в прах и бесчестие». Так сказал и сказанное делом подтвердил»⁴¹. Из контекста следует, что эта коллизия случилась сразу же по взятию Болеславом Киева. Столь страшное надругательство Болеслава над дочерью Владимира Великого и сестрой севшего на киевский стол Святополка, которого киевляне признали «своим господином», в самом деле, повергло киевского князя и его подданных «в прах и бесчестие». Ибо даже отказ Болеславу в сватовстве к Предславе был воспринят поляками как посрамление народной чести.

То, что Болеслав после взятия Киева почувствовал себя здесь хозяином положения, подтверждает и Титмар, говоря о том, что польский князь отправил союзников (немцев, венгров и печенегов) по домам, «как только пришли местные жители и, выразив свою верность, доставили названному господину большую радость»⁴². То есть, сначала Киев «принял Болеслава и Святополка, своего господина, от которого долго отказывался; и вся страна та из страха перед нами обратилась к его милости», а затем местные жители, к большой радости Болеслава, выразили ему свою верность. Здесь уже видится конфликт интересов Болеслава и Святополка.

Стремясь закрепить успех, обеспечить себе поддержку, а также избежать возможных межгосударственных осложнений, Болеслав, как сообщает Титмар, отправил с богатыми дарами послов к императору Генриху II, «чтобы тот обеспечил на будущее его

⁴¹ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л.М. Поповой. — М., 1961. — С. 35—36; Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарии. — М., 1990 (Древнейшие источники по истории народов СССР). — С. 50—51. Обычно считается, что Галл в описании похода Болеслава на Киев дает искаженную картину событий и местами приводит выдуманные сюжеты. К последним относят сообщение о том, что Болеслав при взятии Киева «обнаженным мечом ударил в Золотые ворота», поскольку полагают, что таковых, заложенных в 1037 г., в 1018 г. еще не было. На самом деле, укрепления Киева с Золотыми воротами (но еще без надвратного храма) были сооружены Владимиром до 1015 г. и лишь завершены Ярославом к 1022 г., построившим надвратную Благовещенскую церковь и деревянные заборы поверх земляного вала. См.: Никитенко Н.Н. Русь и Византия... — С. 205—215.

⁴² Титмар Мерзебургский. Хроника. — С. 178.

милость и помощь». Польский князь также отправил послов в Византию, «которые должны были обещать ее императору все блага, если тот захочет иметь его своим другом, и объявить, что в противном случае он обретет в нем самого ожесточенного и непримиримого врага»⁴³. Речь идет о Василии II, шурине Владимира и родном брате княгини Анны, негативной реакции которого, видимо, опасался Болеслав. А таковая вполне могла последовать, если учесть греческие корни Святополка, получение им от византийцев кесарских инсигний и, наконец, его популярную в народе войну с узурпатором Ярославом, виновным в гибели племянников императора Бориса и Глеба.

О том, что даже сыновья Ярослава не считали Святополка Окаянным, свидетельствует тот факт, что имена Ярополк (в честь отца Святополка) и Святополк-Михаил (в честь Святополка и его сына) дал своим сыновьям Изяслав Ярославич, женатый, как и Святополк Владимирович, на «ляховице» королевской крови. Данные княжеской антропонимики свидетельствуют о том, что в родовой традиции Рюриковичей на протяжении всего XI — начала XII вв. Святополк не считался убийцей Бориса и Глеба, поскольку его имя зафиксировано еще у трех князей этого периода, т.е. до той поры оно еще не было табуированным⁴⁴.

Прослеживается ориентация Изяслава Ярославича на династическую линию Ярополчичей, от деда к внуку: Ярополк Святославич — Святополк — Михаил. Причем эта линия киевских правителей более древняя и легитимная, чем линия Владимировичей, ведь Владимир Святославич отнял власть, жизнь, жену и сына у своего старшего брата Ярополка. Изяслав же, старший среди Ярославичей, в борьбе с ними апеллировал к своему старшинству. Во всяком случае, у Изяслава были большие претензии на династическое первенство: его старший сын Ярополк и жена последнего Кунигунда-Ирина были коронованы Римским Папой как король и королева Руси, о чем была выдана специальная папская булла от 17 апреля 1075 г.⁴⁵

⁴³ Там же. — С. 178.

⁴⁴ Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis*. — 1995. — Т. VIII:1; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени... — С. 50.

⁴⁵ Документ о взаимоотношениях папской курии с великим Киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. // *Вестник МГУ: История*. — 1975. — № 5. — С. 83—91.

Наверное, не последнюю роль в такой политике Изяслава играла его жена Гертруда и стоявший за ее спиной польский двор, желавший иметь свою креатуру на киевском столе. Об этом свидетельствует весь ход событий в княжение Изяслава. Нельзя сбрасывать со счетов и династические связи. Жена Изяслава и мачеха Святополка Изяславича — Гертруда приходилась племянницей жене Святополка Владимировича. Польский двор, с которым находился в близкой родственной связи Изяслав, конечно, не забыл кровавую усобицу 1015—1019 гг., гибель Святополка и, судя по всему, печальную судьбу его семьи, в том числе польской княжны. Едва ли Ярослав поступил с дочерью Болеслава лучшим способом, чем тот поступил с его сестрой.

Исходя из того, что Болеслав бежал в Польшу, забрав с собой сестер Ярослава, «поволочивъ» при этом Предславу как наложницу, обмен пленницами не состоялся, а мать и жена Святополка были репрессированы Ярославом. Видимо, мать Святополка I Владимировича Олисава была киевской правительницей в тот короткий период, когда ее сын погиб, а Ярослав либо еще не вошел в Киев, либо не успел официально вокняжиться в нем. Поэтому для нее было важным заявить о себе как о легитимной правительнице.

Когда же это было? Болеслав пробыл в Киеве недолго. Титмар, чьи известия завершаются октябрём 1018 г., а 1 декабря того же года он умирает, знает, что Болеслав «незаконно увел с собой» на родину Предславу, т.е. уже до октября вернулся в Польшу. А битва с Ярославом на Альте произошла в конце июля 1019 г.⁴⁶, т.е. Святополк был киевским князем около 10 месяцев, из них около 8 месяцев правил самостоятельно. За это время он успел выпустить в Киеве серебряные монеты с надписью «Святополк на столе, а се его сребро».

⁴⁶ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях... — С. 67. По остроумной догадке А.А. Шахматова, битва на Альте произошла 24 июля 1019 г. Ученый руководствовался указанием «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба» Нестора того, что Борис был убит на Альте именно в этот день, а также сообщением ПВЛ о битве на Альте в пятницу, которая в 1019 г. пришлась на 24 июля. «Это обстоятельство еще более усиливало связь между местом победы и местом убийства, которое было отнесено также к 24 июля». То есть, Нестор, составляя в конце XI в. агиографическое произведение — «Чтение», в определении дня убийства Бориса отталкивался от даты Альтской битвы.

Однако оставленный в Киеве без военной поддержки своего тестя Болеслава, он не смог удержать за собой киевский стол. В 1019 г. война завершилась гибелью Святополка и утверждением Ярослава в Киеве.

История гибели Святополка весьма туманна. Сложно определить, действительно ли он в 1019 г. бежал с поля битвы на Альте после поражения от Ярослава и безвестно сгинул в пустыне «между Ляхы и Чехы», как уверяет летопись, или же, как Борис, пал жертвой заговора⁴⁷. Летописный рассказ о событиях 1015—1019 гг., тщательно проанализированный в монографии Н.Н. Ильина и названный им «тенденциозным историческим романом, где реальные события прошлого переплетены с созданиями художественного вымысла»⁴⁸, мало что может прояснить. Поэтому время правления Олисы можно условно датировать весной-летом 1019 г., когда Ярослав мог прийти с Новгорода для продолжения войны со Святополком, и когда последний мог погибнуть.

Проблематичным выглядит и ответ на вопрос о точном времени занятия Ярославом Киева — сразу после победы над Святополком, или же по истечению некоторого времени, ведь Киев был прекрасно укреплен, и в нем оставалась легитимная правительница с сыновьями великого князя. Безусловно, они имели личную охрану, которую, как правило, составляли варяги — лучшие воины того времени. К тому же город не мог оставаться без защиты даже на время похода князя, и киевский гарнизон могли пополнить остатки войска Святополка.

Весьма интересно в этом отношении граффити Якуна. По справедливому мнению С.А. Высоцкого, запись сделал варяг-христианин, не слишком хорошо владевший древнерусской грамотой, а потому допустивший ряд ошибок⁴⁹. Исследователь по-

⁴⁷ Сага об Ингваре Путешественнике рассказывает о пленении и ослеплении Святополка. Сага сообщает о борьбе конунга Ярослава с братом за власть, и о том, что в последней битве брат Ярослава был «пленен и ослеплен и привезен к конунгу». См.: Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий / Г.В. Глазырина. — М., 2002. — С. 252. Не вдаваясь здесь в сложный, а также излишний для нашей темы анализ исторической достоверности данного сообщения саги, ограничимся замечанием, что такой исход войны был вполне в духе времени и методов Ярослава.

⁴⁸ См.: Ильин Н.Н. Летописная статья... — С. 44.

⁴⁹ При обсуждении нашего доклада на данную тему на IV международной конференции «Софийские чтения» (Киев, 25—26 октября 2007 г.) из-

лагал, что Якун мог быть мечником (должностным судебным лицом) Святополка Изяславича.

Имя Якун упоминается в княжеском роду под 944 г., так звали внука Рюрика и племянника Игоря Рюриковича. Под 1024 г. еще раз упоминается Якун, князь варяжский, за которым послал за море Ярослав, чтобы тот со своими варягами помог ему одолеть брата Мстислава, намеревавшегося захватить Киев: «и приде Я^кунъ с^ь В^аряг^ы, и бѣ Я^кунъ слѣпъ, и лѣда бѣ ꙗ^ко не^го з^олото^мь истѣка^на»⁵⁰. В «сѣчи силнои и страшнои» под Лиственем, где Ярослав был разбит, Якун потерял свою золотую «лѣду» (плащ). Ярослав ушел в Новгород, а Якун — за море.

Едва ли под 944 и 1024 гг. упоминается один и тот же Якун, слишком уж велика разница лет. Можно лишь предполагать, что варяжский конунг Якун, упоминаемый под 1024 г., был, как и его тезка-предшественник, родственником Рюриковичей и служил сначала Святополку, а затем, когда тот погиб, а его семья была репрессирована — Ярославу. Такое было в обычае у варягов: наниматься на службу к тому, кто хорошо платит, т.е. к правящему князю. Наверное, варяг Якун (вероятно, близкий родственник Святополка по линии Владимира) и Ставрон (судя по имени, — грек, возможно, родственник Олисавы) были кормильцами сыновей Святополка. Варяг воспитывал княжичей как воинов, грек прививал им византийскую ученость и знание этикета. Рассмотренные граффити — своеобразная декларация прав династии Святополка на киевский стол. В тех драматических условиях заявить такие права на княжеских хорах «митрополии русской», в которой интронизировали основателя этой династии, было как нельзя актуально.

вестная российская исследовательница Т.В. Рождественская высказала сомнение в том, что автор данного граффити Якун слабо владел древнерусской грамотой, поскольку, по словам Рождественской, замена в надписи *оу* на *ѹ* — характерная черта письменности этого периода. Но среди нескольких тысяч софийских граффити, исследованных на сегодняшний день, такие замены единичны; к тому же, чем еще, как ни плохим владением грамотой, можно объяснить написание «с^ое^мѹ» вместо «с^вое^мѹ»? А то, что надпись сделана варягом, подтверждает уже само его имя. Так что предположение С.А. Высоцкого, по нашему мнению, остается в силе.

⁵⁰ Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Т. 1. Повесть временных лет. — М., 2006. — С. 186—187.

Здесь необходимо ответить на такой вопрос: почему сыновья Святополка I не упоминаются в источниках? Представляется, что ответ лежит в следующей плоскости. Для древнерусских источников Святополк Окаянный — персонаж табуированный, олицетворяющий абсолютное зло, и его человеческая ипостась мужа и отца полностью отсечена. Не упоминается и его жена, которая, согласно Титмару, сыграла немаловажную роль в событиях русско-польской войны. Да и упоминать семью Святополка, пострадавшую от рук Ярослава, его книжники, причастные к составлению официальной агиографической версии гибели Бориса и Глеба, никак не могли.

Что касается «Хроники» Титмара, то в ее «русских» сюжетах упоминаются лишь те лица, которые так или иначе задействованы в описанных в ней событиях и оказали определенное влияние на их ход: византийская принцесса Елена (Анна), к которой ранее неудачно сватался германский император Оттон III, после чего ее руку получил русский князь Владимир; Владимир — его смерть повлекла за собой усобицу и войну с Польшей; три наследника Владимира (Борис, Ярослав и Святополк), воевавшие между собой за власть; дочь Болеслава и ее капеллан Рейнберн, заключенные Владимиром в темницу, что стало поводом для вторжения Болеслава на Русь. Наконец, упоминаются архиепископ (митрополит) Киева, торжественно встретивший Болеслава и Святополка в Софийском монастыре; мачеха Ярослава, его жена и 9 сестер, ставшие заложницами Болеслава в его попытке обменять их на свою дочь.

Очень интересно и граффити-молитва Иоанна (рис. 51)⁵¹, находящееся несколько в стороне от рассмотренных записей, но, вне всякого сомнения, связанное с ними: *Г(оспод)и помози равоу своему Иваноу многа лѣта* 'Господи, помози рабу своему Иоанну многая лета'. С.А. Высоцкий предложил читать окончание фразы '[на] многие лета'⁵². Первоначально мы разделяли эту точку зрения⁵³. Но в граффити нет никаких признаков присутствия тут предлога 'на', как и причин для его пропуска, ибо места здесь для него вполне достаточно. Поэтому считаем, что следует отказаться от такой трактовки и читать граффити так, как оно написано.

⁵¹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 31, табл. VIII—XI.

⁵² Там же. — С. 31.

⁵³ Нікітенко Н., Корнієнко В. Графіті групи Олісави... — С. 27, рис. 13.

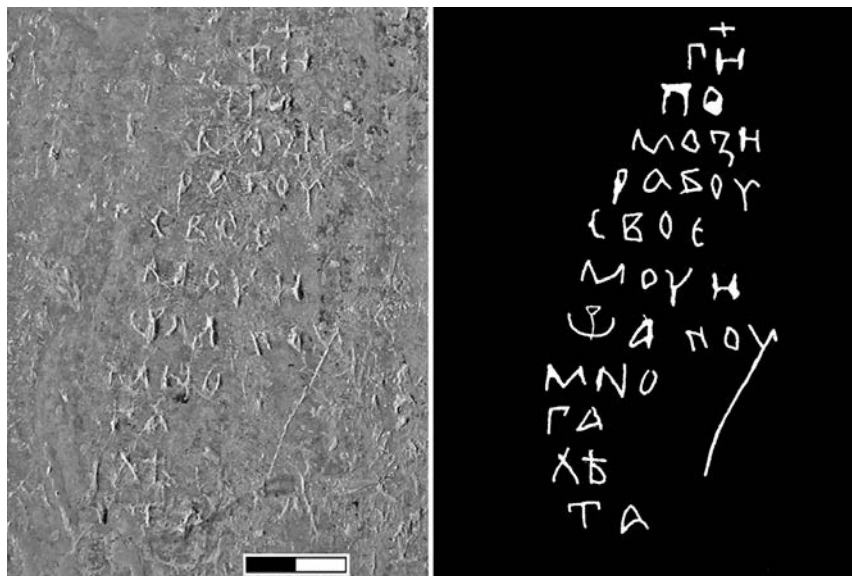

Рис. 51. Надпись-молитва киевского митрополита Иоанна I

Формы написания букв не противоречит датировке надписи XI в., хотя исключительно на основании палеографических признаков надпись датируется более широкими рамками: по форме написания наклоненной влево *z* с переломом и *w* в виде открытого кверху полукруга, надпись можно отнести к XI — первой трети XII в.

Размещенное ниже записей Олисавы и Михаила и выше записей Якуна и Ставрона, на уровне рисунка весла, оно, во-первых, маркирует высокий социальный статус Иоанна, а во-вторых, — его роль кормчего правящей элиты. С.А. Высоцкий отметил удивительную вытянутость надписи в вертикальном направлении и какое-то отношение Иоанна, личность которого исследователь не установил, к Михаилу и Олисаве. Думается, что вытянутость надписи вдоль весла, направленного от автографа Якуна к надписи Михаила, обусловлена стремлением автора (либо заказчика) граффити — Иоанна акцентировать свою роль духовного кормчего. Написание граффити напоминает сопроводительные надписи-имена святых (дипинти) возле их изображений в соборе.

Характерно написание имени Иоанн через ω (омегу) весьма необычного начертания. Омега явно написана здесь *в виде якоря*, а это — символ Церкви. Следовательно, Иоанн в данном случае отождествляется с Церковью, окормляющей своих духовных чад, что заставляет вспомнить митрополита Иоанна I, возглавлявшего Русскую Церковь в первой трети XI в.⁵⁴ Именно митрополит Иоанн 14 августа 1018 г. торжественно встречал в Софии Болеслава и Святополка, взявших Киев⁵⁵. Значит, все эти граффити называют правящую верхушку Руси конца второго десятилетия XI в.

В подкрепление своей догадки отметим, что в виде якоря писалась омега на печатях епископов средневекового Херсона, считавших себя продолжателями дела св. Климента — «якоря Церкви», утопленного в море с якорем на шее. То же иллюстрируют изготовленные в Херсоне печати с именами византийских императоров Иоанна I Цимисхия (969—976 гг.) и Романа IV Диогена (1068—1071 гг.) — в обоих случаях омега в символах монограмм их имен решена в виде якоря — орудия казни св. Климента⁵⁶.

Мощи св. Климента, принесенные Владимиром из Корсуня-Херсона, были положены князем в Десятинной церкви и стали величайшей святыней новообращенной Руси. Не зря образ св. Климента фигурирует в мозаичном «Святительском чине» главного алтаря Софийского собора.

Не исключено, что написанием имени митрополита через омегу-якорь подчеркивается происхождение Иоанна из Корсуня, откуда он прибыл с Владимиром и Анной в конце X в.

О том, что граффити было написано духовным лицом, знакомым с письменной культурой, может свидетельствовать и стоящий над словом **Господи** в качестве титла знак креста. Крест здесь не просто маркирует сокращение сакрального слова, но и озна-

⁵⁴ Поппэ А. Митрополиты Киевские и Всея Руси... — С. 192—193.

⁵⁵ Титмар Мерзебургский. Хроника. — С. 177.

⁵⁶ См.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983; Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. — К., 2002. — С. 27; Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs / Institute of Classical Archaeology (ICA) / National Preserve of Tauric Chersonesos. — Austin, Texas USA, 2003. — P. 179, fig. 12.8, 12.9; Алексеенко Н.А. Несколько новых находок ранневизантийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму // Сугдейский сборник. — Вып. IV. — К.-Судак, 2010. — С. 369—372.

чает начало молитвы; такой знак начала духовного текста широко использовался как в рукописных книгах, так и в текстовых надписях-дипинти при сюжетах живописи⁵⁷.

Интересно, что в граффити «группы Олисавы» такой же знак выделяет надпись с именем Михаила, видимо, выполненную клириком (духовником Михаила?) от имени княжича. Кроме всего прочего, знак креста в обеих надписях может означать и сугубость молитвы митрополита и князя-наследника как представителей перед Господом за «люди своя».

Весьма значительно и то, что молитва Иоанна завершается словами *многа лѣта*. Эти слова напоминают церковное многолетие (полихронию) — торжественное возгласие-пожелание, поющаеся духовенством после праздничной утрени. Изначально в Византии полихрония была формой чествования императоров. Позднее она вошла в православное богослужение⁵⁸. То есть, в нашем случае слова *многа лѣта* могут означать пожелание автора граффити, понятно, не себе, а митрополиту Иоанну. В таком случае следует признать, что Иоанн, подобно другим владельческим лицам, упомянутым в граффити «группы Олисавы», был заказчиком, а не непосредственным исполнителем граффити. Т.е., надпись выполнена кем-то из его окружения.

Признав заказчиком граффити митрополита Иоанна, можно понять причину выделения этой надписи из всей группы граффити и даже более того — отчеркивания/отделения записи Иоанна от этой группы линией весла. Таким способом Иоанн — духовное лицо, монах, выделялся из круга светских лиц — «мира сего», пастырем которого он являлся.

Все граффити «группы Олисавы» неизменно начинаются обращением и просьбой *Господи помози*. Они объединены совместной молитвой к Богу о помощи верхушке властной элиты Руси — юному Михаилу как князю-наследнику Святополка I, матери последнего, княгине-регентше Олисаве, сыновьям Святополка Меркурию-Ивану, Иоанну, Стефану, их наставникам Якуну (начальнику личной гвардии, княжеской стражи) и Ставрону (дворецкому-мажордому), наконец, их духовному кормчему и первоиерарху всея Руси — митрополиту Иоанну. Их общая молитва,

⁵⁷ Например, этот знак начинает собой сопроводительные надписи в мозаиках Софии Киевской.

⁵⁸ Мансветов И. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. — М., 1885. — С. 10.

как нельзя актуальная в условиях финальной стадии борьбы за власть на Руси, появилась на стене собора накануне победы Ярослава, т.е. весной-летом 1019 г.

Граффити отроков Константина Добрынича. На фресках Софии Киевской выявлены пять уникальных надписей-граффити, которые были непосредственно связаны с соратником Ярослава Мудрого — знаменитым новгородским посадником Константином (Коснятином) Добрыничем. Три из них уже давно обнаружены С.А. Высоцким в южной наружной и западной внутренней галерее собора, еще две надписи в тех же южной и западной галереях совсем недавно выявил В.В. Корниенко. Эти граффити вызывают особый интерес тем, что проливают яркий свет на время возникновения Софийского собора, чем перекликаются с выявленными на ее фресках древнейшими датированными надписями, опровергающими летописный 1037 г. как время основания Софии.

Две упомянутые надписи в южной внешней галерее Софийского собора найдены на фресковом изображении св. Онуфрия Великого (рис. 1, 8; X), испещренном многочисленными граффити. До сравнительно недавнего времени было опубликовано 41 граффити, выявленное здесь С.А. Высоцким⁵⁹. В результате новейших эпиграфических исследований, проводимых В.В. Корниенко, на этой фреске обнаружены еще 168 надписей и рисунков, т.е. общее количество граффити на ней увеличилось до 209.

Таким образом, на сегодняшний день на этой фреске находится самое большое количество граффити по сравнению с другими однофигурными фресками Софии Киевской. Этим образ св. Онуфрия выделяется среди других персонажей колоссального пантеона святых Софийского собора. Беспрецедентное количество надписей на данной фреске, конечно, отнюдь не случайно. По мнению С.А. Высоцкого, огромное количество надписей на этой фреске объясняется либо тем, что к св. целителю Онуфрию Великому обращались многочисленные просители, либо, скорее всего, тем, что в открытой галерее было легче всего сделать надпись, ибо подобное действие строго запрещалось церковным Уставом. Но первое предположение не подтверждается содержанием надписей, в которых нет просьб об исцелении, второе — тем,

⁵⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 45—47, 58—72, 87, 90—91, 99—100, 105, 112, 116—117; Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 25—30; Высоцкий С.А. Граффито Ивана отрока Добрынича // София Киевская: Материалы исследований. — К., 1973. — С. 68—71.

что на других фресках в открытых галереях не встречается столь большое количество надписей.

Между тем, обращает на себя внимание факт вытертости верхнего красочного слоя на коленях св. Онуфрия, в результате чего обнажилась охряная санкирь (нижний темный тон-подкладка под более светлое «личное» письмо — открытые части тела). Большие пятна санкири (особенно на левом колене), имеющие округлые сердцевины, расположены как раз на уровне лица человека среднего роста. Полагаем, что это свидетельствует о многочисленных прикладываниях верующих к коленям святого, под изображением которого могла быть заложена в стене частичка его мощей, поскольку обряд заложения мощей святых под их изображения зафиксирован византийскими и древнерусскими источниками. Прикладываясь к мощам св. Онуфрия, верующие получали «санкцию» на доступ в священные недра храма, святой очищал, освящал и защищал людей, ходатайствовал за них перед Богом. Главное в образе св. Онуфрия, представленного в типе оранта, с воздетыми к небу руками, — идея непрестанной молитвы за всех для ниспослания милости свыше. Вот почему авторы многих граффити, обращаясь к св. Онуфрию, просят его о заступничестве перед Богом⁶⁰.

По нашему мнению, такое внимание к образу св. Онуфрия как со стороны заказчиков росписи, так и со стороны прихожан, обусловлено тем, что этот образ играл важную миссионерскую роль в становлении молодой Русской Церкви и размещение его на периферии храма связано с чином оглашения здесь неофитов, готовящихся к принятию таинства крещения. В этой связи мы уже обращали внимание на ряд надписей, оставленных на данной фреске пришельцами из других краев, которых, вероятно, обучали здесь основам веры — это записи радимича Пищана, венгра Угрина, касожича-тматороканина Дедильца, полочан Воинега и Дмитрия. Кроме того, размещение чужеземцев в наружной галерее-паперти позволяет вспомнить тот факт, что еще с ветхозаветных времен странникам и пришельцам из других краев во время посещения Иерусалимского храма надлежало находиться в его внешнем дворе, ассоциирующемся в христианской традиции с папертью храма⁶¹.

⁶⁰ Никитенко Н.Н. Образ св. анахорета Онуфрия Великого в иконографической программе Софии Киевской // Сугдейский сборник. — Вып. 2. — К.-Судак, 2005. — С. 278—279.

⁶¹ Там же. — С. 276—284.

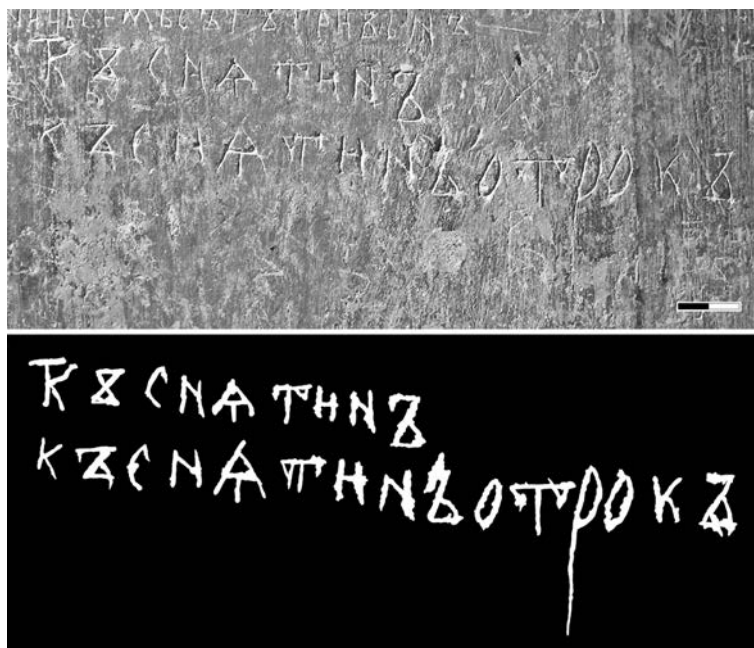

Рис. 52. Памятная надпись отрока Константина Добрынича Коснятина из южной внешней галереи

При взгляде на фреску с изображением св. Онуфрия сразу же бросается в глаза (рис. 52) выцарапанная на ней самая крупная по величине букв надпись (граффити № 26). Она выполнена достаточно уверенной рукой, прорези глубокие, буквы почти одинакового размера, хотя округлые линии получались у автора несколько угловатыми. Ее сохранность отличная, благодаря чему текст уверенно читается: **Къснатинъ Къснатинъ отрокъ**.

С.А. Высоцкий правильно определил, что второе слово **Къснатинъ** является не повторением имени, а образованным от него притяжательным прилагательным мужского рода с усеченным суффиксом **-ин**⁶². То есть, надпись читается как *'Константин, Константинов отрок'*.

⁶² Пример подобной словоформы дает новгородская берестяная грамота № 397: **Къснатина** грамота. См.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект.

По палеографическим признакам надпись может быть датирована в пределах XI — начала XIV в. На это указывают написание сомкнутой **к** с равновеликими наклонными, **н** с доходящей лишь до середины правой мачты перемычкой, прямолинейной **р** с округлой петлей, **т** с боковыми засечками в виде треугольников, **ъ** с наклонной мачтой и петлей, доходящей до ее середины, островерхой **а** обычного вида. Употребление редуцированного **ъ** после **к** позволяет снизить возможный верхний рубеж до первой трети XIII в. Как видим, предложенная С.А. Высоцким контекстная датировка надписи XI в. не противоречит ее палеографии.

Рядом с надписью Коснятина С.А. Высоцкий выявил еще одно граффити, взятое в прямоугольную рамку и написанное довольно уверенной рукой мелким почерком (рис. 53):

Г(оспод)и помози рабѹ своему Безѹеви Иванѹ отроку Добрынича и Мареви съ нимъ.

Господи, помози рабу своему Безуеви Ивану отроку Добрынича и Мареви с ним.

Несмотря на некоторые повреждения штукатурки, прочерченные по нему другие надписи, частично расчищенные от шпаклевки прорези, местами закрытые краской XIX в., все буквы подлежат уверенной идентификации. Тем не менее, А.А. Зализняк предпринял попытку коррекции текста надписи⁶³, что объективно вызывает необходимость проанализировать предложенные корректуры.

На буквенном уровне в слове **помози** А.А. Зализняком предложено вместо **з** читать **ѣ** в виде перечеркнутой «земли». Такая корректура совершенно безосновательна, для этого достаточно взглянуть на форму буквы **з** в слове **Безѹеви**. Как видим, в написании своем обе **з** идентичны.

А.А. Зализняк считает неприемлемым с точки зрения древнерусского синтаксиса рассматривать словосочетание **Безѹеви Иванѹ отроку Добрынича** как фразу '*Безую Ивану, отроку Добрынича*'. Исследователя смущает как необычность двойного имени **Безѹи Иванъ**, так и несоответствие выражения принадлежности, которое требовало перевода имени обладателя в форму притяжательного прилагательного. В связи с этим предлагается рассмат-

— 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. — М., 2004. — С. 453.

⁶³ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей... — С. 266—267.

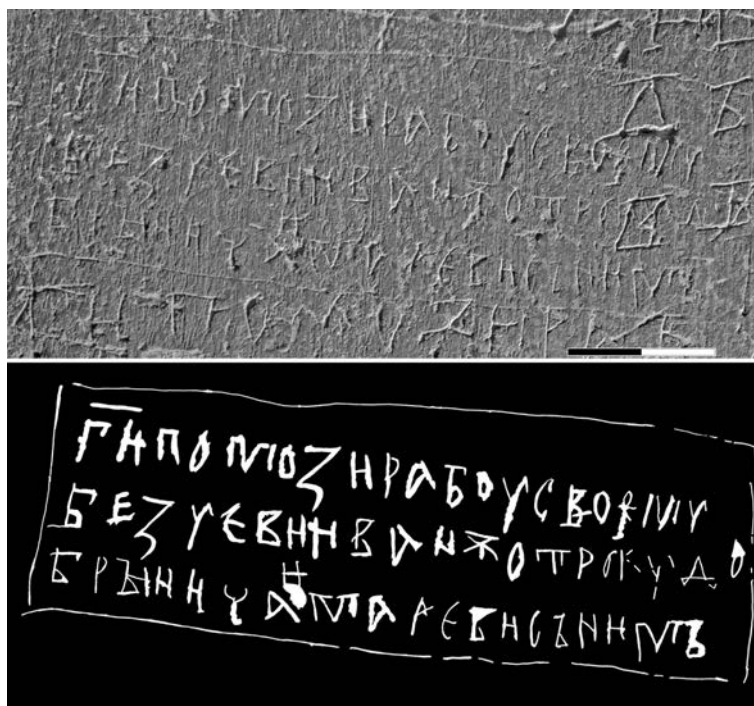

Рис. 53. Надпись-молитва отрока Константина Добрынича Безуя-Ивана из южной внешней галереи

ривать слово **Иванж** как равносильное притяжательному прилагательному **Иваню**. В таком случае всю фразу следует переводить как *Безую, отроку Ивана Добрынича*.

Следует заметить, что необычности в сочетании этих двух имен нет. Например, оба они достаточно свободно сочетаются в одной из надписей центрального нефа Софии Киевской: *Господи помози равоу своему грешному оубогоумоу Брячиславоу Павлоу*⁶⁴. Оба имени, языческое и христианское, употреблены автором как равнозначные, они стоят в дательном падеже, что обусловлено спецификой молитвенной формулы. Возможно, корректора сму-

⁶⁴ Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. III. — С. 31—32, табл. XXXV. Цитируемый текст подается без указания утраченных букв.

тили разные окончания в словах **Безѹєви Иванж**: в окончании второго слова для согласования следовало бы ожидать также —**ови**, вместо —**ж**, то есть **Иванови** вместо **Иванж**. Однако в софийских надписях встречаются случаи такого «несогласования окончаний»; для примера приведем одну из рассмотренных выше надписей «группы Олисавы»: *Господи помози ракоу своему Мерекүрию Иванъви 'Господи, помоги рабу своему Меркурию Иванови'*.

Как видим, в употреблении в тексте надписи мирского имени **Безѹи**⁶⁵ и христианского имени **Иванъ** ничего экстраординарного нет. Не вызывает сомнения и написание этих имен в дательном падеже, чего требовала структура молитвенной формулы. По нашему мнению, именно уверенность А.А. Зализняка в невозможности сочетания этих двух имен и привела к попытке представить употребленное в тексте молитвы слово **Иванж** не как существительное в дательном падеже, а как притяжательное прилагательное. Укажи автор надписи лишь свое христианское (или мирское) имя, фраза **Иванж отроку Добрынича** не вызывала бы никаких возражений с точки зрения синтаксиса древнерусского языка.

Мы же считаем, что фраза **Безѹєви Иванж отроку Добрынича** построена древнерусским автором правильно. Только слово **Добрыничъ** употреблено не в значении притяжательного прилагательного **Добрыничъ**, т.е. *'принадлежащий Добрыничу'*, а в значении отчества *'Добрынич'*. Примеры совпадений созвучия и формы притяжательных прилагательных и отчеств известны, и, как полагают исследователи, именно по этой причине такие формы прилагательных рано выходят из употребления⁶⁶. Так же — по отцу — называет этого человека автор другого граффити, обнаруженного нами в западной внутренней галере. Об этом речь пойдет ниже.

Третье замечание А.А. Зализняка касается невозможности принять чтение **Мареви**, так как «ни от какого древнерусского имени такого Д.ед. быть не может»⁶⁷. На основании этого заме-

⁶⁵ **Безѹи** в буквальном смысле означает «тот, кто не имеет дяди по матери». Ср. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — С. 339. В контексте данного граффити это слово может рассматриваться и как прозвище, и как личное имя.

⁶⁶ См. похожий пример: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... — С. 203.

⁶⁷ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей... — С. 267.

чания предлагается вероятным читать в этом месте поврежденное имя в дательном падеже единственного числа **М[осе]єви**.

Предложенную корректуру, однако, принять невозможно, так как в этом месте достаточно четко читается именно слово **Марєви**. Нельзя быть столь категоричным в суждении о невозможности существования подобного древнерусского имени. Имя это христианское, так звали одного из мучеников, пострадавших в Персии при Сапоре II. В кириллических текстах это имя встречается в двух формах. Первое, это **Марисъ**, что является полной транслитерацией греч. Μάρις или Μάρης. Второе, это **Маръ**, что является той же транслитерацией, но с характерным усечением греческого окончания. Именно от последнего вполне может быть получен, говоря словами А.А. Зализняка «такой дательный падеж единственного числа», причем согласно всем правилам древнерусского склонения.

Как видим, все предложенные А.А. Зализняком корректуры совершенно безосновательны, что возвращает нас к чтению С.А. Высоцкого:

Г(оспод)и помози рабѹ своему Безѹєви Иванѹ отроку Добрынича и Марєви съ нимъ.

Господи, помози рабу своему Безуеву Ивану отроку Добрынича и Марєви с ним.

В палеографическом отношении, по формам написания **ѡ** с выступом вверху, наклоненной вправо округлой **є**, наклоненной вправо **ѣ** с переломом, прямолинейных вертикальных **р** и **ѹ** с маленькой головкой, **ѹ** с высокой перемычкой надпись можно датировать в пределах XI — первой четверти XII в. Как видим, и в этом случае палеография не противоречит отнесению надписи к XI в.

Исследовав эти граффити, С.А. Высоцкий пришел к выводу, что они очень похожи по форме и содержанию и, судя по их соседству, а также упоминанию имени новгородского посадника Константина Добрынича, оставлены его отроками.

На фреске с изображением св. Онуфрия нами обнаружена еще одна надпись Безуя, не попадавшая в поле зрения исследователей. Дело в том, что поверх нее прочерчена большая памятная запись о смерти 22 августа белгородского епископа Луки (до 1091 г.)⁶⁸, частично уничтожившая текст. Однако применение нашей методики исследования позволило полностью прочесть

⁶⁸ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 45—47, табл. XIII; XIV.

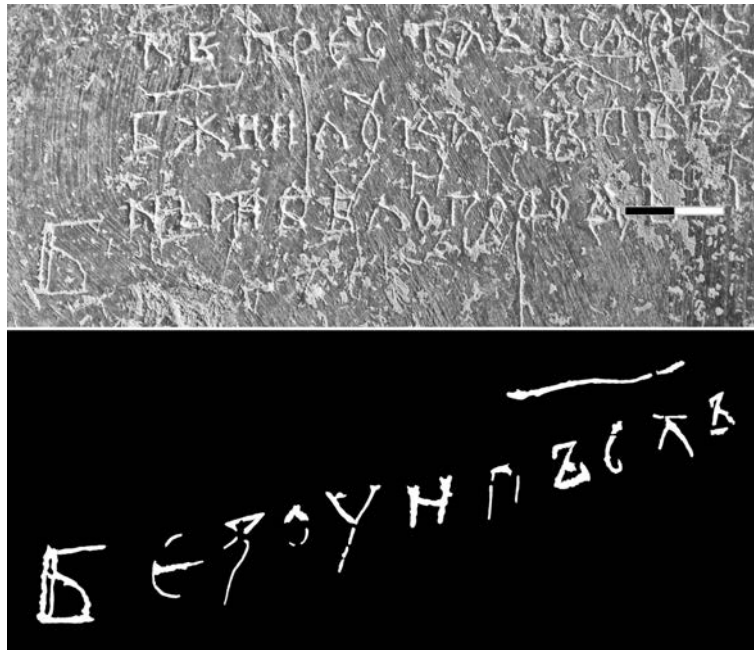

Рис. 54. Памятная надпись отрока Константина Добрынича Безуя-Ивана из южной внешней галереи

надпись (рис. 54): *Бѣзѹи пѣс(а)лъ 'Безуи писал'*⁶⁹. Буквы надписи довольно большие, выполнены уверенной рукой. Обращает на себя внимание заглавное **Б**, прочерченное двойной линией. Стратиграфия надписи указывает на ее выполнение в XI в., чему не противоречат данные палеографии. А внимательное изучение особенностей написания букв, в частности, *з*, *ѣ*, *с* и *ѹ*, позволяет с уверенностью определить одно авторство упомянутой выше молитвы Безуя-Ивана и памятной надписи Безуя.

К рассмотренным трем надписям примыкает четвертая, расположенная в южной части западной внутренней галереи собора на фреске с изображением св. Евстафия Плакиды⁷⁰, непосредст-

⁶⁹ Граффити публикуется впервые в настоящем издании.

⁷⁰ Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабянов В.Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской. Часть I: Внутренние галереи // Византийский временник. — 2007. — № 66 (91). — С. 52—53.

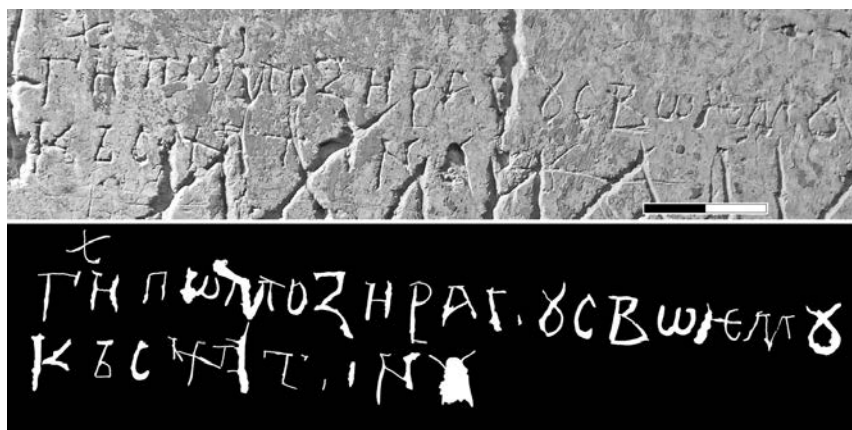

Рис. 55. Надпись-молитва отрока Константина Добрынича Коснятина из западной внутренней галереи

венно возле перехода в южную галерею, то есть, находящаяся почти рядом с ними (рис. I, 9; XI).

Несмотря на повреждения фресковой штукатурки, выполненная уверенным почерком надпись довольно хорошо сохранилась (рис. 55), она представляет собой традиционное молитвенное обращение:

Г(оспод)и пшмози ра[б]Ѹ свѣжмѸ Късн[а]т[и]н[Ѹ].

Господи, помози рабу своему Коснятину.

С.А. Высоцкий, судя по всему, считал автором этой надписи, опубликованной под № 103 и следующей, опубликованной под № 104, того же отрока Коснятина, который расписался на фреске с изображением св. Онуфрия, поскольку в подписи к фото и прорисовкам обеих надписей указал: «3, 4 — запись Коснятина (103), вторая запись Коснятина (104)»⁷¹.

Следует сказать, что проведенное нами тщательное сравнение почерков надписей № 103 и № 104 позволило установить разное авторство этих двух текстов. При этом запись Коснятина (автора граффити № 103) по динамике почерка довольно близка записи Коснятина (автора граффити № 26) на фреске с изображением св. Онуфрия. На тождество указывают написание сомкнутой к с равновеликими наклонными, н с доходящей лишь до середины

⁷¹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 269, табл. III.

правой мачты перемычкой, овальной формы **о**, слегка наклоненной вправо с заломом в верхней части **с**, **ъ** со слегка наклоненной вправо мачтой. Вместе с тем наблюдаются и небольшие различия, например, в надписи № 103 по сравнению с надписью № 26 **н** имеет верхние засечки, боковые засечки **т** оформлены не в виде треугольников, а в виде простых засечек, **л** имеет плоский верх, петля буквы **р** более округлая. Однако такие различия в рамках выполнения надписей одним автором вполне допустимы, об этом мы писали выше. То есть, сопоставление особенностей выполнения надписей № 26 и № 103 позволяет с большой долей вероятности признать, что они выполнены одним и тем же автором — Коснятином, отроком Коснятина Добрынича.

По форме написания **а** с плоским верхом, **в** и **г** с выступом сверху, наклоненной влево **з** с переломом, **и**, **н** и **м** с верхними засечками, сомкнутой **к** с равновеликими наклонными, прямолинейной **р** с округлой петлей и нижней засечкой, округлой **ш** без перемычки, **л** с плоским верхом время появления граффити очерчивается в пределах XI — середины XII в. Однако обратим внимание на одну довольно интересную особенность в начертании буквы **т** — нижняя засечка от мачты отворачивает вправо. Такое написание буквы встречается в эпиграфических памятниках раннего XI в. — в слове **прости** надписи № 1 о Кириопасхе 1022 г., а также в слова **Петрос** на втором типе монет Святополка I (1018 г.). Этот палеографический признак⁷² является, в свою очередь, важным датирующим фактором, позволяющим ограничить время выполнения граффити Коснятина первой четвертью XI в.

Наконец, пятая надпись одного из отроков Константина Добрынича обнаружена в южной части западной внутренней галереи на фреске с образом молодого святого, изображенного в характерных для мученика одеждах с крестом в правой руке (рис. I, 10; XII).

Сохранность граффити удовлетворительная. Рельеф прорезей в левой его половине практически сведен к нулю. В правой части некоторые буквы закрыты шпаклевкой. Из всех рассматриваемых граффити эта надпись выполнена небрежнее всего, автору не удавалось выдерживать одинаковые размеры букв, смыкать все их элементы. Тем не менее, нам удалось полностью восстановить текст надписи (рис. 56):

⁷² О символическом значении такой формы буквы **ми** писали выше.

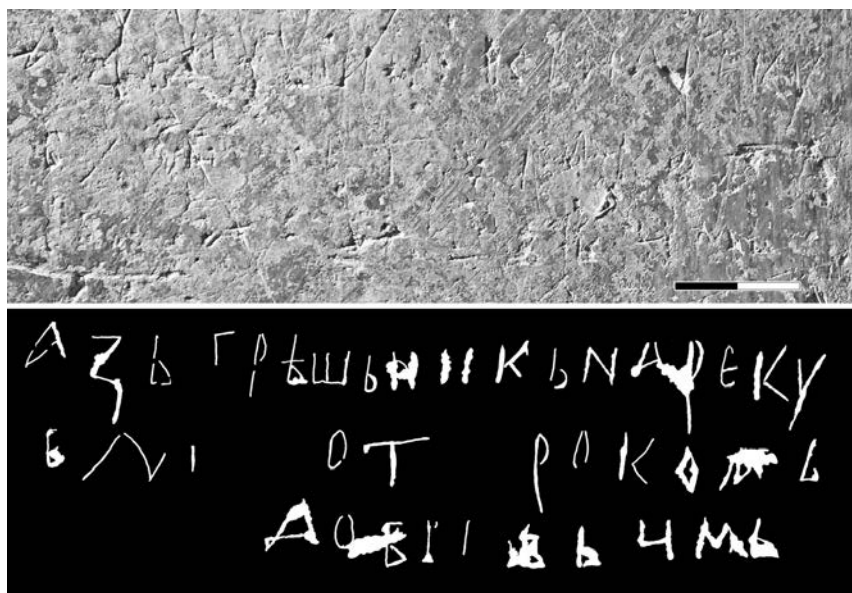

Рис. 56. Памятная надпись отрока Константина Добрынича из западной внутренней галереи

Дзѣ грѣшникъ нарекуемъ[ын] отъ[ь]рокомъ Добр[ы]нымъ.
Я грѣшникъ, называемый отрокомъ Добрыничевымъ.

Последнее слово следует рассматривать как притяжательное прилагательное *Добрыньчмь* с заменой буквы *ч* на *ц*, что характерно именно для новгородского цоканья⁷³ и падением слабой редуцированной *ь* в окончании. Примечательным также является последовательное употребление автором граффити *ь* во всех позициях. Похожие примеры также встречаются в софийской эпиграфике. Например, дружинник (отрочькъ) Всеволода-Андрея Ярославича Дмитрий в надписи о погребении князя 14 апреля 1093 г. последовательно применяет только *ъ*⁷⁴.

По палеографическим признакам, таким как написание *ь* с направленной углом вперед петлей, вертикальной *з* с переломом, прямолинейной *р* с округлой петлей время появления граффити следует определять в рамках XI — первой четверти XII в. Приме-

⁷³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... — С. 39.

⁷⁴ Корнієнко В.В. Корпус графіті... — С. 101—103, табл. CLXI.

чительно раннее употребление таких форм, как **т** без боковых засечек, **ц** полностью в строке и **ѣ** с касающимся петли коромыслом, так как широкое распространение они получают в более позднее время. Таким образом, палеография надписи не противоречит ее отнесению к XI в.

Подчеркнем, что эта надпись, как и три предыдущие, оставлена в галерее, то есть, на паперти собора, что отражает размещение здесь чужеземцев. Само же изображение святого подтверждает и второе обстоятельство, выделенное нами выше, а именно то, что в галереях могли стоять неофиты (оглашенные), которых наставляли в вере. Московские исследователи Н.В. Герасименко, А.В. Захарова и В.Д. Сарабьянов без достаточных на то оснований определяют фреску как образ св. Агапия или Феописта, сыновей свв. Евстафия Плакиды и Феопистии⁷⁵.

Однако недавно на этой фреске нами обнаружены три надписи, называющие имя этого святого мученика. Надписи сильно повреждены, однако в целом сохранившиеся части позволяют без труда определить адресата обращения.

Полный текст первой надписи реконструируется следующим образом: **ѣфеоп[ъ] св(ѧ)тъи [ѧзъ] наѣ[ѧхъ]** 'Эфиоп святой, я написал'.

Вторая надпись сохранилась хуже, ее окончание и, возможно, нижняя строка не сохранились из-за повреждений. Наиболее вероятно, учитывая небольшие сохранившиеся фрагменты и контуры выбоин, реконструировать текст как **ѣф[ѣ]опи[и] о[гѣос]** 'Эфиоп святой'. Подобное использование греческого слова **αγιος** вместо ожидаемого славянского **свѧтъ** — вполне характерно для славянской языковой среды, в которой некоторые греческие слова и выражения не переводились, хотя и существовали славянские эквиваленты этих слов. Примеры подобного употребления греческих слов в славянских текстах в изобилии встречаются в эпиграфических и письменных памятниках⁷⁶. В соответствующей

⁷⁵ Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабьянов В.Д. Изображения святых... Ч. I. — С. 52.

⁷⁶ См., напр.: Корнієнко В.В. Корпус графіті... Ч. I. — С. 15; Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской (публикация) // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики III. — М., 2008. — С. 624—625; Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. — М., 2000. — С. 176, 328, 332—341; Пентковс-

нашему граффити форме *ογεος* вместо *αγιος* встречается в легенде «*Ογεος Πετρος*» на втором типе монет Святополка I (1018 г.)⁷⁷.

Третья надпись, несмотря на повреждения выбоинами и не расшифрованные от шпаклевки прорези, читается достаточно уверенно: *εφεοπι(и) с(ва)т[ъи] 'Эфиоп святой'*.

Итак, все три надписи называют святого Ефиопом (Эфиопом). Действительно, лик мученика имеет заметно более темную по сравнению с другими персонажами тональность, причем чернота кожи выразительно подчеркнута сильными затемнениями в надбровье, на скулах и подбородке, и это, по всей вероятности, акцентирует то, что здесь изображен эфиоп (негроид). Ефиоп (память 29 апреля) упоминается среди святых, находящихся в греческих стихных синаксарях, чьи памяти не означены в полных восточных месяцесловах⁷⁸.

Хотя святой с таким именем в сохранившихся месяцесловах отсутствует, в Деяниях апостолов (Деяния, 8: 26—40) и в житии св. апостола Филиппа рассказывается о крещении им на пути из Иерусалима в Газу некоего эфиопа, евнуха-царедворца Кандакии, царицы эфиопской, которого Филипп предварительно наставил в вере. Церковная традиция называет этого «евнуха эфиопского» св. Аетием, апостолом от 70-ти, считая его первым христианином из иноземцев, просветителем Эфиопии, причем Германовский календарь называет святого Аетия мучеником⁷⁹.

кая Т.В. Гречизмы и их славянские эквиваленты в южнославянских и восточнославянских переводах XI—XIV вв. // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Выпуск 11. — М., 2004. — С. 95—110.

⁷⁷ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России... — С. 86.

⁷⁸ Сергей, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. — М., 1997. — Т. 3. — С. 637.

⁷⁹ Saint Herman Calendar 2008, 6, 50. Русское издание: Свято-Германовский православный календарь — М., Российское отделение Валаамского общества Америки — 2000 г. В списках апостолов от 70-ти имя Аетия отсутствует. Но имена 70-ти апостолов в Новом Завете не названы. Первый историк Церкви Евсевий Кесарийский, Памфил (ок. 265 — ок. 340) пишет: «Имена апостолов Спасителя известны из Евангелий каждому; списка же семидесяти учеников никакого нигде нет. ...Поразмыслив, ты увидишь, что у Христа было больше семидесяти учеников». См.: Евсевий Памфил. Церковная история. — Кн. I, гл. 12. — М., 1993. — С. 40. Список семидесяти апостолов, приводимый в православном месяцеслове, был составлен в V—VI вв. и мало достоверен. К лику 70 апостолов были причислены многие их ученики за свои миссионерские труды. Видимо, и позже этот список дополнялся. По-

Эпизод обращения эфиопа апостолом Филиппом нашел отражение и в живописи. Можно назвать миниатюру Менология императора Василия II (ок. 985 г.) и фреску церкви Христа Пантократора в Дечанах (ок. 1350 г.). В обоих случаях представлен эпизод в колеснице, на которой восседают беседующие апостол Филипп и евнух-эфиоп. Эфиоп изображен в виде женоподобного юноши, причем в Дечанах его отличают такие же длинные локоны, как и на софийской фреске.

Все это лишний раз показывает, сколь тесно граффити связаны с расположением и сюжетами фресок, что, в свою очередь, требует комплексного подхода к прочтению и интерпретации надписей: филологического, архитектурно-искусствоведческого, обрядово-литургического, агиографического, исторического.

В контексте исторического подхода, если точнее — историко-каузального, т.е. учитывающего причинно-следственные связи возникновения конкретной исторической ситуации, зададимся целью ответить на следующий вопрос: каким образом эти пять надписей пришельцев из Новгорода появились в Софийском соборе Киева? Согласно летописям, Константин Добрынич оказал в 1018—1019 гг. помощь своему князю Ярославу в захвате киевского стола. Константин Добрынич был кровным родственником Ярослава, поскольку имел с ним общего предка. Отец Константина, Добрыня, был родным братом Малуши — матери Владимира, которому его дядька Добрыня стал кормильцем, наставником-вujem. Таким же кормильцем у Ярослава был его дядька Константин Добрынич, двоюродный брат его отца Владимира⁸⁰.

Отрок — это дворовой слуга, младший дружинник князя или посадника, приближенное к ним лицо. В X—XI вв. отроки принимали участие в походах и сборе дани. Полагаем, что эти очень архаичные по своей палеографии граффити действительно написаны отроками Константина Добрынича — Безум-Иваном, Маром (Марисом, Марием), Коснятином и неизвестным автором, не указавшим своего имени.

Для того чтобы понять, когда и почему рассматриваемые надписи были сделаны на стене Софии Киевской, нужно более

сколькx в трех граффити подряд рассматриваемый персонаж называется святым Ефиопом, допускаем, что именно так его именовали в XI в.

⁸⁰ С.А. Высоцкий ошибочно полагал, что «Константин Добрынич приходился Ярославу двоюродным племянником». См.: Высоцкий С.А. Средневековые надписи... — С. 28, примеч. 49. На самом деле, все было как раз наоборот.

подробно вспомнить события, в которых принимал участие Константин Добрынич.

После смерти Владимира в 1015 г. на Руси вспыхнула усобица между его потомками, боровшимися за киевский стол, в которой принял участие новгородский князь Ярослав Владимирович. В конце 1016 — начале 1017 г., победив Святополка (либо Бориса⁸¹) в битве на Днепре, Ярослав сел в Киеве. В 1018 г., потерпев поражение в битве на Буге от Болеслава Храброго и Святополка, Ярослав бежал в Новгород, собираясь бежать дальше «за море». Но Константин Добрынич и возглавляемые им новгородцы, изрубив ладьи князя, заявили ему, что хотят и дальше биться за него с Болеславом и Святополком. Собрав деньги, новгородцы наняли варягов, вооружились сами и двинулись во главе с Ярославом на юг. В 1019 г., после победы над Святополком на Альте, Ярослав сел в Киеве, щедро вознаградив своих новгородцев за помощь. Несмотря на эту услугу, Ярослав в 1019 г. за что-то разгневался на Константина и заточил его, по более поздним летописным известиям, на 3 года в Ростове. Затем Константин был переведён в Муром и там, на р. Оке, убит в 1022 г. Об этом рассказывается в летописях новгородско-софийского свода XV в.⁸²

С.А. Высоцкий, со ссылкой на С.М. Соловьева, вполне резонно предполагал, что «Коснятин попал в опалу, видимо, из-за того, что он добивался больших льгот для новгородцев и для себя за услуги Ярославу»⁸³.

Полагая, что Софийский собор был завершён в 1037 г., С.А. Высоцкий датировал эти граффиты 40-ми — 50-ми гг. XI в. Он допускал, что более ранней является надпись с именами Ивана и Мария (Мара), поскольку она сделана мелкими буквами, словно ее автор чего-то опасался, и в ней, по этой же причине, названо лишь отчество опального посадника. А надпись Коснятина, выполненная

⁸¹ См.: Нікітенко Н.М. Політичні передумови виникнення Бори-соглібського культу... — С. 14—26; Никитенко Н. От Царьграда до Киева... — С. 257—328.

⁸² ПСРЛ. — Т. I. — Стлб. 62; ПСРЛ. — Т. II. — Стлб. 263; ПСРЛ. — Т. V. Псковские летописи. — М., 2000. — С. 132, 134; ПСРЛ. — Т. VII. Летопись по воскресенскому списку. — М., 2001. — С. 326, 328; ПСРЛ. — Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М., 2000. — С. 76, 77.

⁸³ Высоцкий С.А. Граффито Ивана... — С. 70.

«совершенно открыто, нарочито крупными буквами... сделана уже после смерти Ярослава Мудрого, когда опасаться было нечего»⁸⁴.

Но усмотренные С.А. Высоцким в граффити Безуя-Ивана «специальные меры маскировки»⁸⁵ таковыми вряд ли являются. Во-первых, это граффити взято в рамку, что само по себе никак не маскирует, а наоборот — выделяет его, причем не из окружающих надписей, которые появились на фреске позже, а как текст, заслуживающий особого внимания. Во-вторых, упоминание в граффити лишь отчества посадника — *Добрынич*, как считаем, отражает не официальную, а устную традицию, в которой старших людей из знати (простолюдины не имели права пользоваться отчествами) уважительно именовали по отчеству. Важно напомнить и то, что отчество — это патроним, указание на имя отца, то есть средневековое отчество аналогично современным фамилиям, что, кстати, сохранилось в болгарском языке.

На Руси отчества начали употреблять весьма рано; первое летописное упоминание отчества относится к 945 г., где в списках русских послов находим и отчества. По имени-отчеству называется и ряд «послухов» (свидетелей) купли-продажи Бояновой земли в большой надписи конца XI в.⁸⁶, расположенной на этой же фреске и соседствующей с надписями отроков Константина Добрынича: в ней упоминаются Михалько Неженович, Михал Елисавинич, Илья Копылович, Тудор Борзятнич.

А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский полагают, что на Руси патронимические образования на —ич, бывшие принадлежностью социальной элиты, сложились «под прямым влиянием скандинавов — варяжских правителей, варяжской дружины»; «наличие отчеств оказывается социально маркированным признаком — они есть у тех, кто принадлежит к элите, у князей, их родственников, у приближенных скандинавского происхождения. Именно в качестве

⁸⁴ Там же. — С. 70—71.

⁸⁵ Там же. — С. 71.

⁸⁶ С.А. Высоцкий датировал эту надпись второй четвертью XII в., поскольку упоминаемую в ней «княгиню Всеволожу», купившую Боянову землю, соотносил с женой киевского князя Всеволода Ольговича (1139—1146 гг.). Но еще Б.А. Рыбаков вполне справедливо связывал «княгиню Всеволожу» с супругой Всеволода Ярославича и датировал надпись концом XI в. См.: Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972. — С. 416—417. Выводы исследователя поддержал А.Л. Никитин: Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. — М., 2001. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.library.narod.ru/saga/osnova301.htm>.

такого знака элитарности способ именовать с отчеством может заимствоваться и нескандинавским окружением князя...»⁸⁷.

Как и сейчас, в неофициальных ситуациях отчество иногда использовалось вместо имени, особенно тогда, когда хотели подчеркнуть особое уважение к человеку, выказать оттенок расположения, любви. В этом смысле остаются верными замечания С.А. Высоцкого о стремлении авторов софийских граффити, в том числе и рассматриваемых здесь, «подкрепить свои имена ссылками на известных, авторитетных в то время лиц», а также то, что «авто-ру, несомненно, хотелось указать, что он отрок какого-то знаменитого в то время лица»⁸⁸.

В то же время, эти весьма логичные суждения С.А. Высоцкого опровергают возможность предложенной им же датировки данных граффити 40—50 гг. XI в. В самом деле, зачем понадобилось бывшим отрокам, а в указанное время — далеко не отрокам, а весьма зрелым мужам, к тому же служилым людям, а не родственникам Константина Добрынича, акцентировать свою причастность к опальному и уже мертвому посаднику, которому они давно не служили?

По нашему убеждению, такие надписи могли появиться лишь тогда, когда они были не только актуальны, но и возможны с точки зрения исторической ситуации. Если учесть датировку граффити «группы Олисава» весной-летом 1019 г., то граффити отроков Добрынича могли появиться здесь в конце лета — начале осени этого же года. Они не могли быть выцарапаны позже, поскольку Константин Добрынич, патрон названных отроков, именно в этом году подвергся опале.

Торжественно расписавшиеся на стене Софии дружинники Константина Добрынича, которые в 1019 г. пришли с Ярославом из Новгорода и были щедро вознаграждены новым киевским князем, несомненно, чувствовали себя победителями, героями. Об этом в первую очередь свидетельствует сделанная на видном месте крупными четкими буквами надпись отрока Константина, представляющая его как слугу вельможного новгородского посадника и, судя по всему, декларирующая роль последнего в завоевании Ярославом Киева.

Здесь нелишне вспомнить, что Константин Добрынич ко всему прочему был отцом Иосифа-Остромира, женатого на Феофане, как теперь выяснено, — дочери Владимира Святославича

⁸⁷ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени... — С. 323—324.

⁸⁸ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... — С. 69.

от византийской принцессы крови Анны Порфирородной. Иосиф-Остромир — новгородский воевода и посадник в 1054—57 гг., заказчик древнейшего из дошедших до нас т. н. Остромирова Евангелия, был родственником (как сказано в послесловии к Остромирову Евангелию — «близоком») великого киевского князя Изяслава Ярославича, благодаря чему стал посадником. Называемые в послесловии к Евангелию Остромир и Феофана, к 1057 г. имели уже взрослое женатое и замужнее потомство, а Феофана, обладавшая паритетом в браке, по определению А.В. Поппэ, «была первой дамой Новгорода»⁸⁹.

Уже сам по себе брак с дочерью Владимира и Анны резко повысил социальный статус Остромира и соответственно — его отца Константина. Но потомство Константина Добрынича благодаря этому браку приобрело и самый высокий династический статус. Нельзя забывать, что сыном Остромира и Феофаны был Вышата, который, видимо, родился во втором десятилетии XI в., то есть в 1019 г. был ребенком. Впоследствии он стал киевским воеводой, который вместе со старшим сыном Ярослава Владимиром в 1043 г. ходил на Константинополь. Когда буря разбила много русских лодий и 6000 воинов должны были идти по суше, никто из дружины не захотел вести их, пошёл лишь Вышата как предводитель ополчения. Оно было разбито византийцами, сам Вышата взят в плен со многими воинами и только через три года, по заключении мира с Византийской империей, отпущен на свободу, возможно ослепленный.

В науке существует целая дискуссия относительно причин этого похода, поскольку источники прямо их не называют. Согласно византийским авторам, императором Константином IX Мономахом были нарушены какие-то права русов, основывающиеся на договоре «о свойстве» конца X в., который был заключен между Владимиром и Василием II, когда киевский князь женился на родной сестре императора, порфирородной принцессе Анне⁹⁰.

О каких правах могла идти речь? Французский историк-русист Ж.-П. Ариньон обратил внимание на то, что в эпоху средневековья при заключении династического союза между семьями, владевшими «правом царствовать», потомки мужского пола

⁸⁹ Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. — Вып. 6 (16). — Новгород, 1997. — С. 102—120.

⁹⁰ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... — С. 269—272.

по женской линии при отсутствии других прямых потомков могли предъявить свое легитимное право на наследство⁹¹.

Древнейшим подлинным источником, подтверждающим получение Владимиром вместе с рукой Анны «права царствовать» являются как монеты князя, на которых он предстает в царском облачении, так и светская стенопись Софии Киевской. Имеется в виду групповой портрет семьи Владимира в ее центральном нефе, на котором он сам и его жена Анна фигурировали в царском орнаменте, а также фрески двух лестничных башен, рассказывающие о коронации Анны во время заключения ее помолвки с Владимиром в конце X в.⁹²

Известно, что в Византии последние представители Македонской династии не имели наследников, как по мужской, так и по женской линии. Зато такое потомство имели Владимир и Анна. По мнению Н.Н. Никитенко, причина похода состояла в притязаниях Ярослава на «право царствовать», поскольку в тот период киевский двор имел династические прерогативы перед василевсами, пришедшими на смену Македонской династии и не отмеченными «порфирородством»⁹³.

Но поход состоялся в 1043 г., когда Ярослав уже 7 лет был «самовластцем Русской земли», а его сын Владимир Ярославич в течение 13 лет правил в Новгороде. То есть на Руси были решены все проблемы в пользу династии Ярослава. И он, безусловно, хотел видеть себя в царской порфире, какая была у его отца Владимира.

А в 1019 г. Ярослав только-только укрепился в Киеве, в живых оставались его братья Мстислав и Судислав, да и Константин Добрынич после занятия Ярославом киевского стола, видимо, вошел в число соперников в борьбе за власть, по всей вероятности, в Новгороде, поскольку имел для этого все основания.

Внук Константина — Вышата через свою мать Феофану был прямым потомком Владимира и Анны, то есть в его жилах текла кровь Рюриковичей и византийских императоров; Ярослав же, а соответственно — его потомки, не могли похвастаться кровным

⁹¹ Ариньон Ж.-П. Дипломатичні зв'язки між Візантією та Руссю з 860 по 1043 рр. // Хроніка — 2000. Український культурологічний альманах. — 1995. — Вип. 2—3. — С. 29—41.

⁹² Никитенко Н.Н. К атрибуции фрескового цикла башен... — С. 104—106; Никитенко Н.М. Історичні сюжети розпису башт Софії Київської... — С. 205—210; Никитенко Н.Н. О содержании фресковой росписи лестничных башен Софии Киевской... — С. 117—125

⁹³ Никитенко Н. Свята Софія Київська... — С. 118—133.

родством с порфирородными василевсами знаменитой Македонской династии, из которой происходила Анна.

В свете сказанного обретает реальные очертания предполагаемое историками стремление Константина Добрынича получить от Ярослава для себя (как полагаем, и для своего потомства) какие-то преференции после завоевания новгородским князем киевского стола. Становится понятной также причина столь решительной и жестокой расправы Ярослава со своим сподвижником и наставником. Видимо, Константин претендовал не просто на посадничество, тем более что он уже был посадником с 1016/17 г., но и на будущее княжение в Новгороде своего внука Вышаты — прямого потомка Владимира. А это породило бы возможность появления новой династии, значит, дало бы повод к новой междоусобице.

Во всяком случае, этим можно объяснить ту чехарду правлений, которая проступает из списка князей в Новгородской первой летописи младшего извода: «[Ярослав], идя к Киеву, и посади в Новегороде Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новегороде, и умре. И потомъ разгневался Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новегороде»⁹⁴. То есть Ярослав так спешил посадить на новгородский стол своего сына Илью, что тот стал князем, будучи еще младенцем, при котором власть в Новгороде оказалась у посадника Константина, поскольку Ярослав ушел в Киев. Это может свидетельствовать о конфликте интересов Ярослава и Константина в вопросе правления Новгородом уже тогда, когда шла борьба за Киев, т.е. в 1019 г.

Из-за соперничества с воинственным братом Мстиславом Ярослав до 1026 (возможно, и до 1036 г. — времени смерти Мстислава Черниговского) почти не сидел в Киеве, предпочитая находиться в Новгороде. В 1030 г. он посадил на новгородский стол своего малолетнего сына Владимира (родился в 1020 г.). Логично думать, что правление десятилетнего мальчика было номинальным, и до его возмужания Ярослав «держал оба правления» — киевское и новгородское, что, как полагаем, подтверждается летописанием⁹⁵.

⁹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л., 1950. — С. 161.

⁹⁵ Говоря о древнейшем новгородском летописании, А.А. Шахматов отмечает, что в известиях от 1020 до 1036 гг. «главный интерес сосредоточен на личности Ярослава: описываются деяния Ярослава, — Новгородцы на заднем плане», причем соответствующие летописные статьи хронологически отвечают моментам прибытия или пребывания Ярослава в Новгороде. См.: Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях... — М., 2001. — С. 364.

Так со временем поступил сын Ярослава Изяслав, княживший до смерти отца в Новгороде и при занятии в 1054 г. киевского стола сделавший новгородским посадником своего «близока» Остромира. Но, в отличие от отца, Изяслав, унаследовав от него в 1054 г. великокняжеский стол, сел в Киеве (1054—1079 гг.), а в Новгороде оставил княжить сына Мстислава. То есть Изяслав, установив паритет власти родственных друг другу новгородского князя и посадника, мирно урегулировал «внутрисемейную» проблему, вызвавшую конфликт между киевским князем и новгородским посадником из-за обоюдных династических притязаний на высшую (возможно — единоличную) власть в Новгороде.

* * *

Итак, в рассмотренных двух группах граффити нами проанализированы 13 надписей: 8 из них относятся к «группе Олисавы», 5 — к группе граффити, оставленными отроками Константина Добрынича. Эти граффити, благодаря упоминанию в них известных исторических личностей, — киевской княгини Олисавы и новгородского посадника Константина Добрынича — могут быть четко датированы. Названные в них как полномочные политические деятели Олисава и Константин обладали властью в Киеве и в Новгороде в период междоусобицы 1015—1019 гг. и потеряли ее не позже 1019 г., когда Ярослав взял Киев. Обе группы граффити представляют лиц, входивших в близкое окружение соперников в борьбе за власть на Руси — Святополка I (граффити «группы Олисавы») и Ярослава Мудрого (граффити отроков Константина Добрынича). Поэтому граффити могли быть сделаны весной — в начале осени 1019 г., т.е. непосредственно накануне и в момент окончательного утверждения Ярослава в Киеве. Эти граффити хорошо согласуются с датированными надписями собора, наиболее ранние из которых содержат даты 1018/21 и 1019 гг.

Как и проанализированная нами в предыдущей главе группа ранних датированных граффити, записи «группы Олисавы» и отроков Константина Добрынича также тесно связаны как с богослужебной функцией и церемониальным предназначением тех частей собора, в которых они возникли, так и с сюжетами фресок, на которых они оставлены. Появление этих граффити, как и датированных надписей, обусловлено актуальными событиями смены княжеской власти в Киеве в 1018/19 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

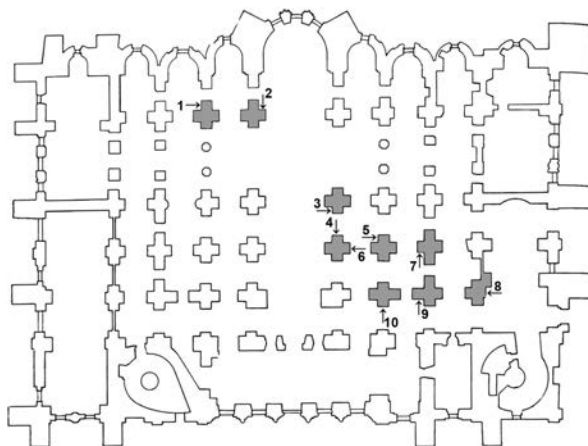

Рис. I. Схема первого этажа Софийского собора с указанием места расположения древнейших граффити:

1 – записи 1022, 1033 и 1036 гг.; 2 – запись 1018/1021 г.; 3 – запись 1033 г.; 4 – запись 1019 г.; 5 – запись 1023 г.; 6 – запись 1028 г.; 7 – запись 1022 г.; 8 – записи 1019 г. отроков Константина Добрынича Безуя-Ивана и Коснтятина; 9 – молитва отрока Константина Добрынича Коснтятина; 10 – запись отрока Константина Добрынича

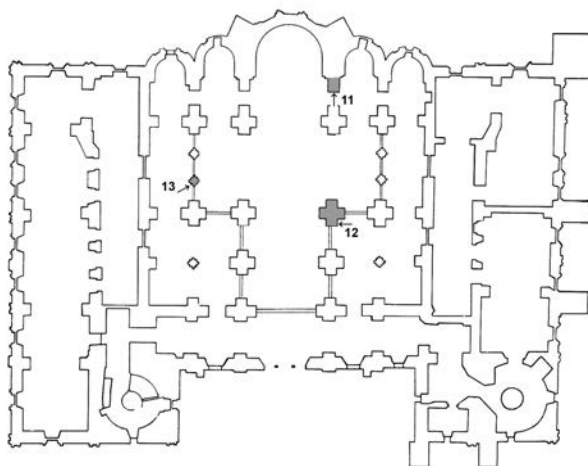

Рис. II. Схема второго этажа Софийского собора с указанием места расположения древнейших граффити:

11 – записи 1033 г.; 12 – записи 1022 г.; 13 – записей «группы» Олисавы

Рис. III. Фреска с образом св. Василия Великого (I, 1).
Расположение граффити с датами: 1 – 1022 г.; 2 – 1033 г.; 3 – 1036 г.

Рис. IV. Фреска с образом неизвестной св. диакониссы (I, 2).
Расположение граффити 1018/1021 гг.

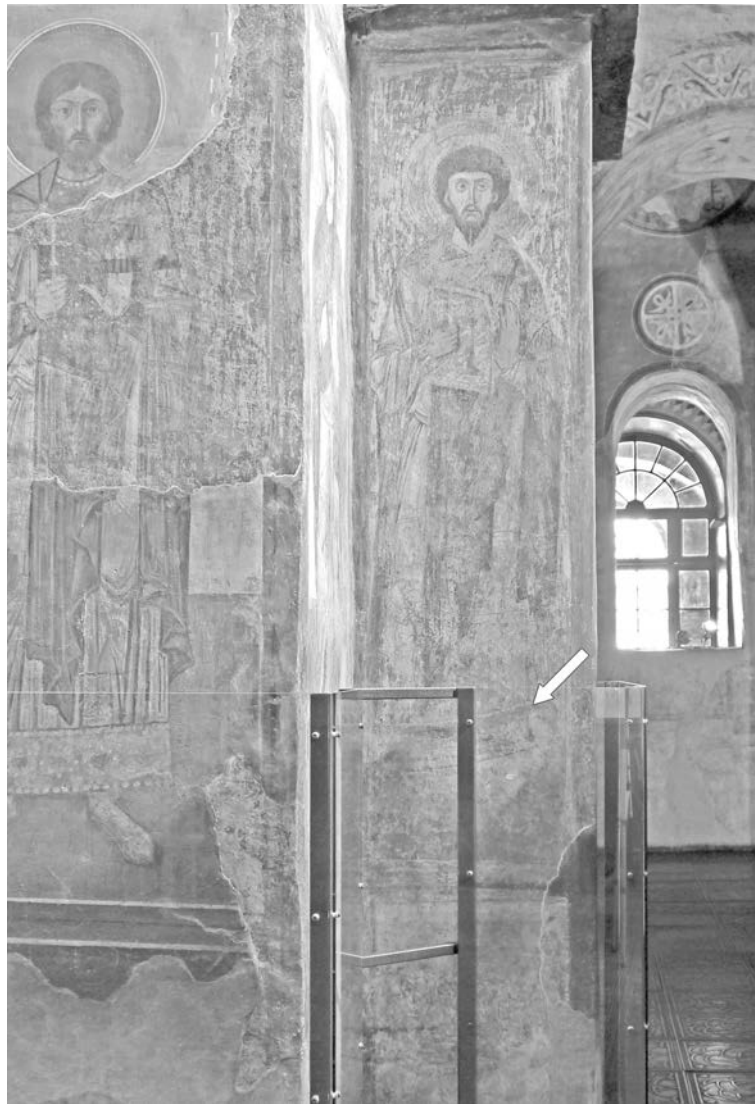

Рис. V. Фреска с образом неизвестного святого (I, 3).
Расположение граффити 1033 г.

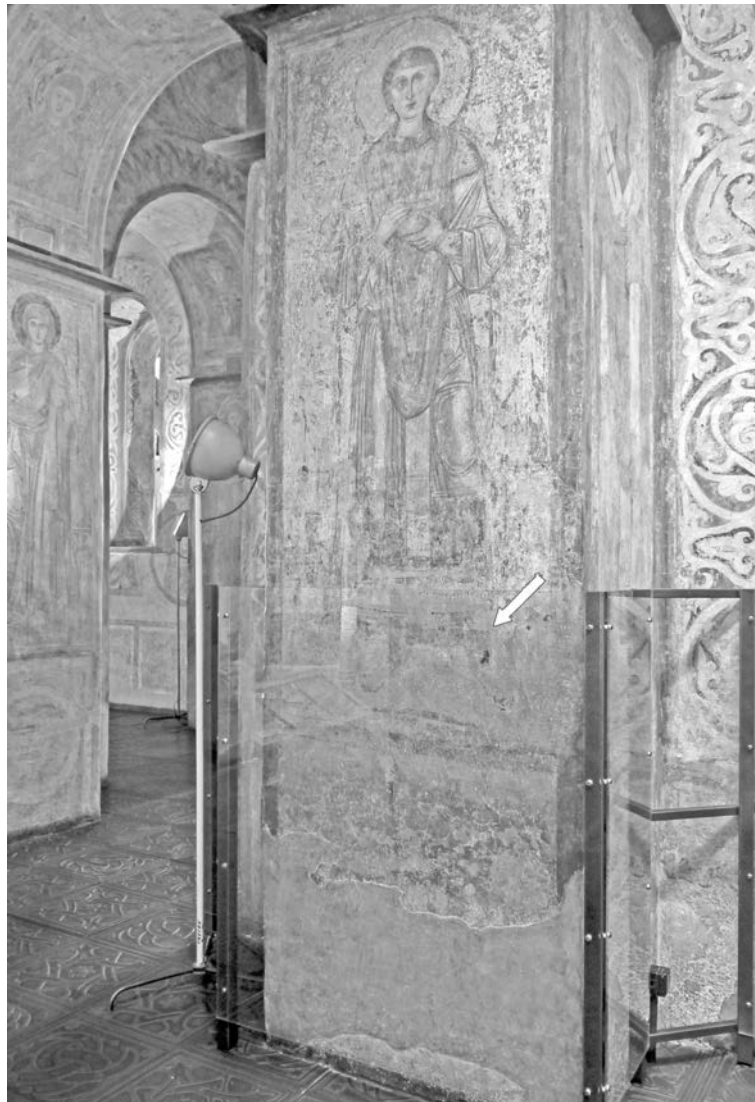

Рис. VI. Фреска с образом св. целителя Пантелеймона (I, 4).
Расположение граффити 1019 г.

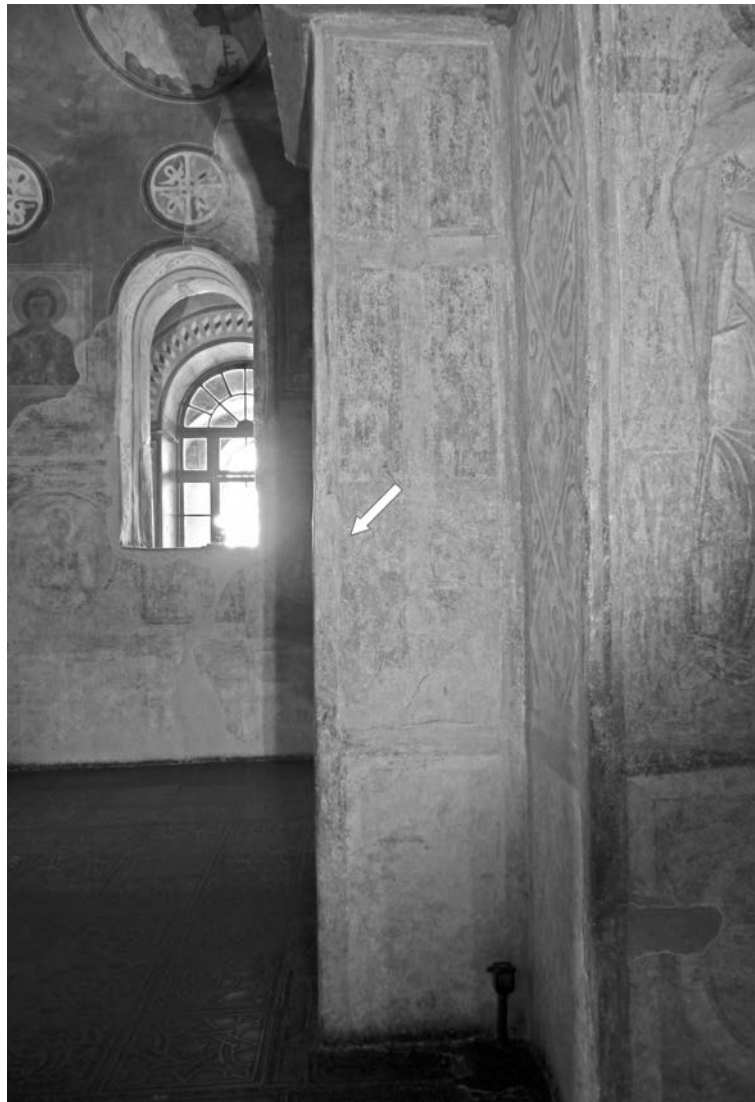

Рис. VII. Фреска с изображением Чесного Креста (I, 5).
Расположение граффити 1023 г.

Рис. VIII. Фреска с образом св. Саввы Освященного (I, 6).
Расположение граффити 1028 г.

Рис. IX. Фреска с изображением орнамента (I, 7).
Расположение граффити 1022 г.

Рис. X. Фреска с образом св. Онуфрия (I, 8).
Расположение граффити отроков Константина Добрынича:
1 – памятная запись Коснятина; 2 – памятная запись Безуя-Ивана;
3 – молитвенная запись Безуя-Ивана

Рис. XI. Фреска с образом св. Евстафия (I, 9). Расположение граффити отрока
Константина Добрынича Коснятина

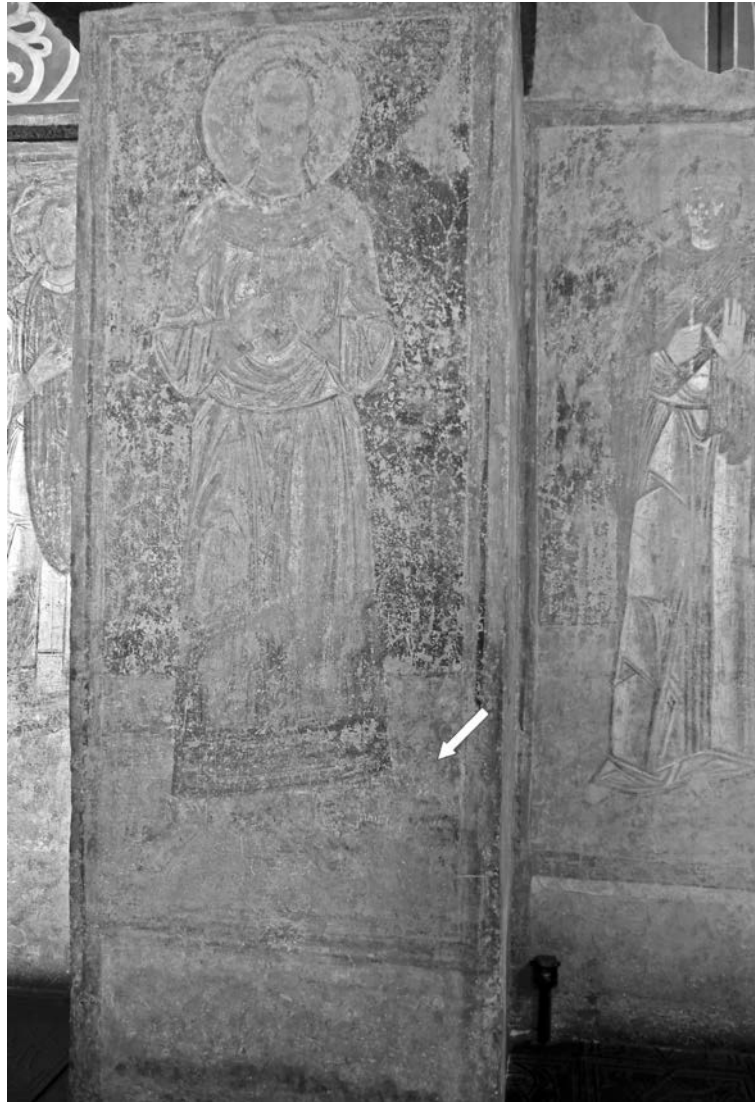

Рис. XII. Фреска с образом св. Эфиопа (I, 10).
Расположение граффити отрока Константина Добрынича

Рис. XIII. Фреска с образом св. Евстафия Плакиды (II, 11).
Расположение граффити 1033 г.

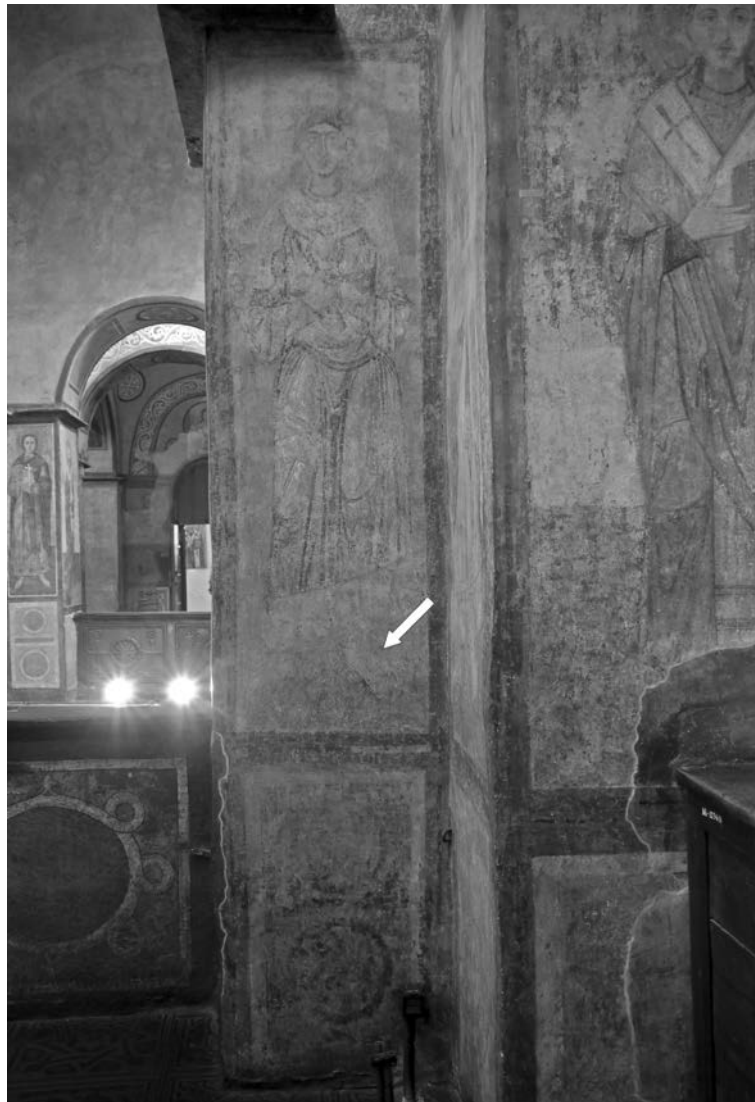

Рис. XIV. Фреска с образом неизвестного святого (II, 12).
Расположение граффити 1022 г.

Рис. XV. Северо-западный пучковый столб на северных хорах (II, 13).
Расположение граффити «группы Олисавы»

Рис. XVI. Северо-западный пучковый столб на северных хорах (II, 13).
Расположение граффити «группы Олисавы»:
1 – запись Олисавы; 2 – запись Меркурия-Ивана; 3 – запись Стефана;
4 – запись Иоанна; 5 – запись Ставра

Рис. XVII. Северо-западный пучковый столб на северных хорах (II, 13).

Расположение граффити «группы Олисавы»:

6 – запись Михаила; 7 – запись Якуна; 8 – запись митрополита Иоанна

У 2011 р. відповідно до Указу Президента України і рішення ЮНЕСКО на міжнародному та загальнодержавному рівнях відзначено 1000-річчя заснування Софійського собору в Києві. Науковим обґрунтуванням для можливості такого святкування стали результати сучасного комплексного дослідження історії, архітектури, монументального живопису і написів-графіті собору, здійснені авторами даного видання.

На сьогодні в соборі виявлено та досліджено понад 7000 графіті. Такі результати отримані завдяки застосованій авторами видання новій методиці фронтального (а не вибіркового) дослідження графіті *in situ*, з урахуванням усіх особливостей збереження давнього тиньку та стратиграфії графіті. При вивченні тексту написів і співставленні його з історичним контекстом та історичною лінгвістикою застосовано міждисциплінарний підхід. Як показав аналіз найдавніших графіті, вони тісно пов'язані як із богослужбовою функцією і світським церемоніальним призначенням тих частин собору, в яких вони виникли, так і з сюжетами фресок, на яких їх залишено.

Особливе місце в унікальному корпусі епіграфічних пам'яток Софії Київської належить найдавнішим написам, які є найбільш цінним і достовірним джерелом для з'ясування часу побудови головного храму Русі.

Дана монографія узагальнила і підсумувала отримані знання в царині вивчення найдавніших написів Софії, які надійно підтвердили факт її заснування в 1011 р.

Ця дата суперечить літописним звіткам, які згадують заснування Софії як під 1017, так і під 1037 рр., але тим не менш вона має під собою серйозні підстави. Тенденційні літописні записи, що вийшли з-під пера книжників Ярослава, різняться між собою двадцятьма роками, бо вони не фіксують історичного факту, а відбивають намагання приурочити створення Софії до правління саме цього князя. Тому літописні дати штучно «прив'язані» до головних віх княжіння Ярослава в Києві: 1017 р. — до появи його тут наприкінці 1016 р. з Новгороду, 1037 р. — до перетворення в 1036 р. на самодержця Русі після смерті його брата Мстислава і ув'язнення другого брата — Судислава. Тобто суперечливі літописні записи про час заснування Софії, що збереглися у пізніх літописних списках XIII—XV ст., є недостовірними. Недарма наукова дискусія щодо них триває вже два століття і давно увійшла в глухий кут: одні вчені обстою-

ють дату 1017 р., інші — 1037 р., при цьому цілком аргументовано та логічно спростовуючи обидві дати.

Найбільш достовірні дані для вирішення цієї проблеми містять у собі сама Софія, зокрема неофіційні написи-графіті на її стінах. Особливу цінність мають графіті, в яких стоять дати їх написання. Виявлені на фресках в різних місцях собору 11 датованих написів-графіті 1018—1021, 1019, 1022 (три написи), 1023, 1028, 1033 (три написи) і 1036 рр. спростовують 1037 рік як час заснування чи навіть завершення Софії. Перекреслюють вони і 1017 р., адже неспростовно свідчать, що вже до 1018—1019 рр. собор стояв і був прикрашений розписами. У співставленні з днями освячень Софії, що збереглися в Святцях, графіті дозволяють датувати закладення (посвячення) храму Софії Премудрості Божої неділею 4 (17 — за новим стилем) листопада 1011 р., а завершення її (освячення-інавгурацію) — неділею 11 (24) травня 1018 р. Саме на ці дати припали недільні (Господні) дні, в які за церковними канонами могли освятити Софійський собор (дім Господній). Тобто собор був закладений і майже закінчений князем Володимиром, хрестителем Русі (980—1015 рр.), а остаточно завершений його сином Ярославом.

Крім того, в соборі виявлено два цикли написів з 13 графіті, 8 з яких складають собою «групу Олисави», 5 — групу графіті, залишених отроками Костянтина Добринича. Ці графіті, хоча й не містять у собі дат, однак можуть бути датовані 1019 р., оскільки в них згадуються як повноважні політичні діячі ті особи, які володіли владою в Києві та Новгороді в період міжусобиці 1015 — 1019 рр. і втратили її в 1019 р., коли Ярослав сів у Києві. Йдеться про київську княгиню Олисаву — матір Святополка I Володимировича і регентку малолітнього Михайла Святополчича, а також про новгородського посадника Костянтина Добринича, чий отрок входив до дружини Ярослава і розписався на стінах Софії, коли він узяв Київ. Саме 1019 рік як час написання графіті встановлюється шляхом історичного аналізу перебігу подій. Така хронологія добре узгоджується з датованими написами собору, найбільш ранні з яких містять дати 1018/21 і 1019 рр.

Розміщення та зміст найдавніших графіті обумовлені актуальними для часу їх появи очікуваннями Другого Пришестя і Судного дня та бурхливими подіями зміни княжої влади в Києві в 1018/19 рр. Особливе значення надавалось даті 1018 рік, написаній навпроти престолу в головному вівтарі собору, оскільки ця дата позначала факт завершення будівництва і розпису Софії.

Датування собору 1011—1018 рр. підтверджують натурні дослідження Софії, на якій відобразився факт зміни її замовника — це архітектурні та стінописні корективи, внесені в шойно створений храм на стадії завершення фрескового розпису. Лабораторними дослідженнями доведено, що за своїм складом фресковий тиньк і полив'яні плити підлоги Десятинної церкви і Софії є повністю ідентичними. Натомість зведені пізніше Ярославом Георгіївська та Ірининська церкви за цими параметрами помітно відрізняються від Софії.

У мозаїках та фресках Софії простежено широке й послідовне прославлення замовників собору — хрестителів Русі Володимира й Анни. Найбільш виразно ця тенденція позначилася на світських фресках — княжому груповому портреті у центральній наві й розписі сходових веж, що ведуть на княжі хори. Княжий портрет зазвичай визначали як зображення родини Ярослава Мудрого. Але дана фреска не є портретом родини Ярослава, бо це ніяк не узгоджується з датами вищеназваних графіті, оскільки старші діти князя представлені на фресці дорослими, між тим як старші сини та дочки Ярослава народилися з 1020 по 1032 р. Застарілою є й гіпотеза, що на світських фресках сходових веж зображено візит княгині Ольги до Константинополя — це суперечить змісту сюжетів фресок, середньовічним ментальним і обрядовим нормам та іконографічним канонам. Насправді на княжому портреті представлено родину Володимира й Анни, на фресках веж — укладення їх династичного шлюбу, що започаткував хрещення Русі. У релігійних сюжетах Володимир і Анна прославляються через символічні прообрази — святих, які або були їх небесними патронами, або чиї діяння повторило княже подружжя.

Усі ці результати досліджень Софії підтверджуються даними нелітописних джерел. Сучасник будівництва Софії митрополит Іларіон стверджує, що у цій справі Ярослав завершив починання Володимира як Соломон — Давидове у створенні Єрусалимського храму. В хроніці німецького єпископа Тітмара Мерзебурзького, написаній до 1018 р., Софія згадується як діюча резиденція Київського митрополита вже під 1017/18 рр. Нотатки чужинців Мартина Груневега та Еріха Лясоти, які відвідали Софію наприкінці XVI ст., засвідчили, що традиція пов'язувати її створення з діяльністю Володимира, якого вони називають будівничим Софії, побутувала в Києві до раннього модерного часу. В опублікованому латинському документі 1595 р. з папського архіву також стверджується, що саме Володимир заснував і обдарував митрополичий осідок. 1011 рік як час заснування собору фігурував у його двох головних написах — титульному (над входом), що з'явився наприкінці XVI — на початку XVII ст., та ктиторському (на арках центрального купола), виконаному в 1634 р. на замовлення митрополита Петра Могили, який володів даними софійського архіву, що згорів у 1697 р. Напис починався словами: «Изволением Божиим нача здатися сей Премудрости Божия храм в лето 1011». Фото знятого реставраторами в середині XX ст. ктиторського напису Могили з датою 1011 рік нещодавно виявлено в архіві заповідника та опубліковано. Навіть у XVIII ст. 1011 рік офіційно визнавався датою заснування Софії, про що свідчать опубліковані статистичні «Описи Київського намісництва» 70-х — 80-х рр. XVIII ст. 1011 рік як час заснування Софії вказується кафедральним писарем Яковом у складеному ним близько 1770 р. рукописі, що зберігається в Центральному державному історичному архіві в м. Києві.

Отже, «день народження» Софії Київської в 1011 р. є офіційно визнаним нашими прашурами і доведеним сучасною наукою історичним фактом, достовірність якого надійно засвідчує сам собор.

In 2011, according to the Decree of the President of Ukraine and the resolution of UNESCO, the 1000th anniversary of foundation of St. Sophia Cathedral in Kyiv was celebrated at the national and international levels. The scientific background for such celebration were the results of a comprehensive study of the history, architecture, painting and graffiti of the Cathedral carried out by the authors of this publication.

Currently, more than 7000 graffiti of St. Sophia of Kyiv are detected, studied and catalogued. These results were obtained by applying a new method of total (not selective) study of graffiti in situ, considering the features of old plaster and the stratigraphy of inscriptions. During the study of text of graffiti and its comparison with historical context and historical linguistics, an interdisciplinary approach was applied. According to the analysis of the ancient graffiti, they are closely related to the liturgical function and a secular ceremonial purpose of those parts of the cathedral in which they appeared, as well as to the plots of the frescos in which they were left.

A significant role in the unique corpus of epigraphic monuments of St. Sophia of Kyiv belongs to the oldest inscriptions, which are the most valuable and reliable source to determine the time of construction of the main temple of Kyivan Rus. This monograph summarizes and generalizes the previous knowledge in the field of study of ancient inscriptions of the Cathedral, which reliably confirmed the foundation of the Cathedral in 1011.

This date contradicts the chronicles, which mention the foundation of St. Sophia under the year 1017 as well as 1037, but nevertheless, it has serious grounds. The tendentious annalistic records written in the times of Yaroslav differ against each other in twenty years, due to the fact that they do not document historical evidence but only reflect the attempts to coincide the creation of St. Sophia with the reign of Yaroslav the Wise. Therefore, the annalistic dates are artificially “time-tagged” to the main milestones of Yaroslav's reign in Kyiv: his appearance there at the end of 1016 from Novgorod and turning into autocrat of Rus after the death of his brother Mstyslav and imprisonment of his second brother Sudyslav. In other words, the contradictory annalistic records concerning the time of St. Sophia foundation preserved in the lists of the 13th — 15th centuries are inaccurate. Not in vain, an academic dispute as to them has been lasting for two centuries and came to a dead-lock long ago: both of sides thoroughly refute these dates.

The most reliable data for solution to this problem holds St. Sophia itself, in particular unofficial inscriptions-graffiti on its walls. Of special value are graffiti, in which the dates of their inscription are specified. The discovered on the frescoes in different parts of the cathedral inscriptions-graffiti dated back to 1018—1021, 1019, 1022 (three inscriptions), 1023, 1028, 1033 (three inscriptions) and 1036, cross out the year of 1017, as the time of foundation or even completion of St. Sophia. They also cross out the year of 1017, because they incontrovertibly testify to the fact that by 1018—1019, the cathedral had been erected and decorated with paintings. In comparison with the days of St. Sophia dedication that have been preserved in the church calendar, the graffiti enable to date the foundation (dedication) of the church of St. Sophia the Holy Wisdom on Sunday, November 4, 1011 (November 17, according to Gregorian Calendar) and its completion (dedication-inaguration) on Sunday, the May 11 (24), 1018. On those dates of all others, there were Dominical (the Lord's) days and only on those days St. Sophia Cathedral (the Lord's House) could be dedicated. In other words, the foundation of the cathedral was laid and almost completed by Prince Volodymyr Baptizer of Rus (980—1015) and accomplished by his son Yaroslav.

In addition, there were found two cycles of inscriptions in the Cathedral, which don't include the date, but can be dated by 1019, as they referred to authoritative political figures who had the authority in Kyiv and Novgorod in the period of political strife in 1015 — in 1019 but lost it in 1019. They are princess Olysava and Novgorod posadnik Constantine Dobrynych. So the year 1019, as the date of writing of two cycles of graffiti is determined due to analysis of well-known historical events. This dating agrees with other inscriptions of the Cathedral, the earliest of which include dates 1018/21 and 1019.

The dating of the Cathedral by 1011—1018 is confirmed due to the study of St. Sophia murals and architecture that confirms the fact of changing donators of the Cathedral — the architectural and mural corrections were made in the newly erected church at the stage of completion of fresco painting. It is proved by laboratory research that compositionally, a fresco plaster and glazed slabs of the floor the Church of the Tithes and St. Sophia are completely identical. However, St. George and St. Irene Churches, which were later erected by Yaroslav differ markedly from St. Sophia in these characteristics.

In mosaics and frescoes of St. Sophia, large and gradual glorification of donators of the cathedral Volodymyr and Anna the Baptizers of Rus is traced. The most significantly this tendency had impact on secular frescoes, namely a princely group portrait in the nave and painting of the staircase towers that lead to the princely loft. The princely portrait was usually defined as a portrayal of the family of Yaroslav the Wise. But one should not regard this fresco as the portrait of Yaroslav's family, as it doesn't coordinate with the dates of the abovementioned graffiti, considering that elder children of the prince are depicted in the fresco as grown-ups, whereas Yaroslav's elder sons and daughters were born from 1020 till 1032. The hypothesis that in secular frescoes of the staircase towers there is a portrayal of princess Olha's visit to

Constantinople is also out-of-date, as it contradicts the content of the subject of frescoes, medieval mental and ritual norms and iconographic canons. Actually, the princely portrait depicts the family of Volodymyr and Anna and the frescoes of towers demonstrate the conclusion of their dynastic marriage that initiated the baptism of Rus. In religious subjects, Volodymyr and Anna are glorified via symbolic prototypes, namely the saints that were either their heavenly patrons or whose deeds were repeated by a princely married couple.

All these research results are confirmed by the data of non-annalistic sources. The contemporary of St. Sophia construction, the Metropolitan Hilarion affirms that in this affair Yaroslav has completed Volodymyr's deeds like Solomon accomplished David's undertaking in the creation of the Temple of Jerusalem. In the chronicle of German bishop Thietmar of Merseburg, written before 1018, St. Sophia is mentioned as a functional residence of Kyivan metropolitan already under the years 1017—1018. The notes of foreigners Martin Gruneweg and Erich Lassota von Steblau, who visited St. Sophia at the end of the 16th century testified that tradition to associate its creation with activity of Volodymyr, whom they considered to be the constructor of St. Sophia, existed in Kyiv until early modern period. In the published Latin document from papal archive, dated back to 1595, it is affirmed that namely Volodymyr founded and endowed Kyivan Metropolitanate. The year of 1011, as the time of foundation of the cathedral was mentioned in its two main inscriptions — title (above the entrance) that appeared at the end of the 16th — beginning of the 17th c. and donator's (on the arches of the central dome) executed in 1634, by order of Metropolitan Petro Mohyla, who had control over the data of St. Sophia archive that burnt in 1697. The picture of donator's inscription by Mohyla with the date of 1011, taken by the restorers in the middle of the 20th century was recently discovered in the archive of the Reserve and published. Even in the 18th century, the year 1011 was officially recognized as the date of St. Sophia foundation, according to published statistical *"The Descriptions of Kyivan Eparchy"* of the 70s — 80s of the 18th century. The year 1011, as the time of St. Sophia foundation is specified by the clerk Yakov in the manuscript composed by him circa in 1770 that is kept in the Central State Historical Archives in Kyiv.

Thus, "date of birth" of St. Sophia of Kyiv in 1011, is officially recognized by our ancestors. It is also a historical evidence proved by modern science, reliability of which testifies the cathedral itself.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1

КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ ДАТИРОВКИ СОФИЙСКОГО СОБОРА: ИСТОЧНИКИ, КОММЕНТАРИИ, ВЫВОДЫ	5
--	----------

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФФИТИ НА ФРЕСКАХ СОФИИ КИЕВСКОЙ	52
---	-----------

ГЛАВА 3

ДРЕВНЕЙШИЕ ДАТИРОВАННЫЕ ГРАФФИТИ	81
---	-----------

ГЛАВА 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДРЕВНЕЙШИХ ДАТИРОВАННЫХ ГРАФФИТИ	127
---	------------

ГЛАВА 5

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРАФФИТИ, ДАТИРУЮЩИЕСЯ ПО УПОМИНАЕМЫМ В НИХ ИСТОРИЧЕСКИМ ЛИЦАМ	160
--	------------

ПРИЛОЖЕНИЕ	209
РЕЗЮМЕ	225
SUMMARY	228

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА
ім. М.С. ГРУШЕВСЬКОГО

Надія Нікітенко,
Вячеслав Корнієнко

**НАЙДАВНІШІ
ГРАФІТІ
СОФІЇ КИЇВСЬКОЇ
ТА ЧАС
ЇЇ СТВОРЕННЯ**

(російською мовою)

Формат 60 × 84/16. Папір офс. № 1.
Гарнітура Таймс. Друк. офс. Зам. №